

ВОЕННО- ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
психологов силовых структур

«Психологические условия
формирования идентичности
военнослужащих»

Москва.
2017 года

ФГКВОУ ВПО «ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Военно-профессиональная идентичность:
актуальные направления исследования**

Материалы
межрегиональной научно-практической конференции
психологов силовых структур «Психологические условия
формирования идентичности военнослужащих»

(Москва, 22 ноября 2017 года)

УДК 159.9-057.36(082)

ББК 88.809я43

В63

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

кандидат философских наук, доцент,
С.И. ДАНИЛОВ
(председатель);

доктор психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
Э.П. УТЛИК;

генеральный директор Школы современных психотехнологий
А.В. МЫМРИН;

кандидат психологических наук
Л.П. КАЗАКОВА
(ответственный редактор)

В63 Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования. Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Психологические условия формирования идентичности военнослужащих» (Москва, 25 октября 2017 г.) / под ред. С.И.Данилова, Л.П.Казакowej. — М.: Военный университет; Школа современных психотехнологий, 2018. — 220 с.

ISBN 978-5-00077-706-0

В материалах научно-практической конференции анализируются теоретико-методологические аспекты военно-профессиональной идентичности, ее значение для успешного осуществления военнослужащим служебной и боевой деятельности, психологические условия и практический опыт по ее формированию.

ISBN 978-5-00077-706-0

© Военный университет МО РФ, 2018

© Школа современных психотехнологий, 2018

УДК 159.9-057.36(082)
ББК 88.809я43
В63

EDITORIALBOARD:

DANILOV Sergey I.

Associate Professor of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Ph.D.(philosophical sciences) (Chairman);

UTLIK Ernst P.

Doctor of Science (Psychology), professor of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

MIMRIN Alexander V.

CEO of «The school of modern psychotechnology», senior lecturer in the Department of Psychology at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Kazakova Larisa P.,

PhD in Psychology, senior lecturer of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (executive editor)

Military-professional identity: current research areas. Materials of the interregional scientific-practical conference of psychologists of power structures «Psychological conditions for the formation of the identity of servicemen» (Moscow, October 25, 2017) / ed. S.I.Danilova, L.P. Kazakova. — Moscow: Military University; School of Modern Psychotechnologies, 2018. — 220 p.

ISBN 978-5-00077-706-0

Theoretical and methodological aspects of military-professional identity are analyzed in the materials of the scientific-practical conference, its importance for the successful performance of service and combat activities by servicemen, psychological conditions and practical experience in its formation.

ISBN 978-5-00077-706-0

© Military University of the Ministry of Defence, 2018
© The school of modern psychotechnology, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Караяни А.Г.</i>	«Взращивание» профессиональной идентичности военных психологов как актуальная психолого-педагогическая проблема	8
<i>Кузьмина Е.И.</i>	Философско-психологические основания изучения профессиональной идентичности	17
<i>Казакова Л.П. Маклакова Т.Ю.</i>	Психологические проблемы становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности»	31
<i>Утлик Э.П.</i>	Военно-профессиональная идентичность курсантов	69
<i>Мыррин А.В.</i>	Мир утратил ясность очертаний: кризис идентичности	81
<i>Чекунов А.А. Поришников А.С.</i>	Соотношение понятий профессиональная идентичность и профессиональная надежность военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации	89
<i>Епископ Орский Ириней</i>	Лидер или начальник: каким он должен быть? Православное понимание лидерства	93
<i>Гнездилов Г.В. Киселев В.В.</i>	Идентичность сотрудников силовых ведомств в регионах с этнической спецификой (на примере mossos d'esquadra в Каталонии)	99
<i>Данилов С.И.</i>	Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего	109
<i>Асриев А.С.</i>	Практический взгляд на проблему формирования профессиональной идентификации офицеров-психологов	121
<i>Шалимова А.М. Захарова О.А.</i>	Применение интерактивных методов обучения для развития эмпатии в процессе формирования военно-профессиональной идентичности курсантов Военного университета	124

<i>Инишкова Т.В.</i>	Применение кейс-метода в формировании профессиональной идентичности курсантов военного университета	131
<i>Петров В.Е.</i>	Иерархия жизненных ценностей как показатель профессиональной идентичности военнослужащих	137
<i>Гожиков В.Я. Кискин С.О.</i>	Психолого-педагогические условия становления ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности будущих офицеров как оснований их идентичности	142
<i>Шогорева Е.Ю.</i>	К проблеме самореализации субъекта в военной деятельности	153
<i>Михно О.С.</i>	Гендерный подход к формированию военно-патриотической идентичности курсантов	162
<i>Стрелков А.А. Гожиков В.Я.</i>	Формирование военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности	169
<i>Афанасьев А.С.</i>	Роль образа физического я военнослужащих в ходе формирования военно-профессиональной идентичности	178
<i>Карачевцев К.А.</i>	Клуб психологического кино как средство формирования поколенческой и профессиональной идентичности курсантов военного вуза	186
<i>Лукеба Э.</i>	Профессиональная идентичность военнослужащего и архетипический образ войны	193
<i>Никифоров А.В. Кольчугин А. А.</i>	Выявление профессиональных предпочтений военнослужащих методом специального психофизиологического исследования	199
<i>Жиляев А.А.</i>	Проблема идентификации военнослужащих, принадлежавших к неформальным молодёжным объединениям	208

CONTENT

<i>Karayani A.G.</i>	«Nurturing» professional identity of military psychologists as a topical psychological and pedagogical problem	8
<i>Kuzmina E.I.</i>	Philosophical and psychological foundations of the study of professional identity	17
<i>Kazakova L.P.</i> <i>Maklakova T.Y.</i>	Psychological problems of formation of professional military identity of cadets majoring psychological support for the uniformed service staff	31
<i>Utlik E.P.</i>	The military professional identity of cadets	69
<i>Mimrin A.V.</i>	The world has lost the clearness of outlines: the crisis of identity	81
<i>Chekunov A.A.</i> <i>Parshukov A.S.</i>	The relationship between the concepts of professional identity and professional reliability military personnel of National Guard Troops of the Russian Federation	89
<i>TheBishopofOrskIrinei</i>	Leader or manager: which should he be? The christian-orthodox understanding of leadership	93
<i>Gnezdilov G.V.</i> <i>Kiselev V.V.</i>	The identity of officers of the law enforcement agencies in the regions with ethnic specificity (on the example of mossos d'esquadra in Catalonia)	99
<i>DanilovS.I.</i>	Professional military identity and its role in the psychological defence of the serviceman's personality	109
<i>Asriev A.S.</i>	Practical approach to the problem of psychologists officers professional identification formation	121
<i>Shalimova A.M.</i> <i>Zakharova O.A.</i>	The use of interactive teaching methods for the development of empathy in the process of formation of military-professional identity of cadets of Military university	124

<i>Inshakova T.V.</i>	The use of the case method in the formation of professional identity of cadets of the Military university	131
<i>Petrov V.E.</i>	Hierarchy of life values as an indicator of professional identity of soldiers	137
<i>Gojikov V.Y.</i> <i>Kiskin S.O.</i>	Psychological and pedagogical environment of the military officer candidates' values domain and military professional personhood formation as identity foundations	142
<i>Shogoreva E.Y.</i>	To the problem of self-realization of the subject in military activities	153
<i>Mikhno O.S.</i>	Gender approach to formation of military patriotic identity of cadets	162
<i>Strelkov A.A.</i> <i>Gojikov V.Y.</i>	Military professional identity formation in a higher military education institution within the context of cadets' physical training	169
<i>Afanasyev A.S.</i>	The role of the image of the physical self in the formation of military professional identity	178
<i>Karachevtsev K.A.</i>	Psychological movie club as a means of forming cadets' professional and generational identity	186
<i>LukebaE.</i>	Professional identity of the military service and the archetypical image of war	193
<i>NikiforovA.V.</i> <i>Kolchugin A.A.</i>	The identification of professional preferences military service by special method psychophysiological research	199
<i>Zhilyaev A.A.</i>	Belonging to the informal youth associations as a determinant of deviant behavior servicemen	208

«ВЗРАЩЕНИЕ» ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Караяни Александр Григорьевич,

член-корреспондент Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук,
профессор Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: karayani@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается процесс становления и развития профессиональной идентичности военных психологов как процесс ее выращивания. Показывается что выращивание профессиональной идентичности — это процесс встречного движения духовных и психологических сил военнослужащего и военной профессии, Вооруженных сил.

Ключевые слова: военно-профессиональная идентичность; военный психолог; развитие идентичности

Внимательный анализ результатов военных событий, свидетелем которых мир стал в начале XXI века, несмотря на адресуемые в их адрес громкие эпитеты («гибридные войны», «асимметричные войны», «войны нового поколения», «высокотехнологичные войны», «киберсражения» и т.п.) показывают, что главной и ничем незаменимой силой войны остается человек. Его психологические и морально-боевые качества являются главной «высокой технологией» любой войны. Среди этих качеств, выступающих в роли «пружин» мужества, героизма, воинского долга, преданности Родине, важное место занимает профессиональная идентичность.

Выражаясь простым языком *профессиональная идентичность военнослужащего* — это осознание себя как важной и неотъемлемой единицы военно-профессионального сообщества, Вооруженных сил Российской Федерации.

Если необходимость специального формирования профессиональной идентичности у представителей многих профессий можно поставить под сомнение, то актуальность и важность развития военно-профессиональной идентичности у военнослужащих сомнений не вызывает. Действительно, гражданский специалист в современном динамичном мире часто похож на человека, стоящего на льдине в центре реки, на которой идет мощный ледоход. Человек, чтобы выжить, должен выискивать ледовые куски побольше, маневрировать, перепрыгивать с льдины на льдину. У него нет необходимости привыкать к тому или иному осколку льдины. Это даже вредно, так как на льдине, которая проходит мимо, выжить было бы легче. Точно так же современный специалист маневрирует в мире профессионального «ледохода», в котором каждый год исчезает порядка 10 профессий и появляются десятки

новых. Казалось бы, совсем недавно появились специалисты в области человеческих отношений (HR), а сегодня им предрекают закат. Недавно было заявлено о том, что решено проститься с юристами-консультантами в российской авиации. Уходит в небытие профессия врача-диагноста. Функции этих и других специалистов перехватывают компьютеры. Смена профессии — дело не простое не только с точки зрения финансовой, но и с психологической. Это утрата опоры, важных жизненных ориентиров, достигнутого социального статуса, круга привычного общения, огромного массива ранее наработанной информации, сложившихся привычек, хобби и т.д. Поэтому в гражданской сфере формирование профессиональной идентичности — дело самого специалиста.

В сфере военной службы ситуация иная. Для того, чтобы быть эффективным военнослужащим, он должен быть не бойцом-одиночкой, а боевым орудием огромной физической и духовной силы — Российской армии. Только осознание своей принадлежности к Вооруженным Силам, «пуповина» связи с ними может дать военнослужащему необходимый боевой, физический, психологический и духовный ресурс для мужества, самоотверженности, самопожертвования.

Эмоциональной составляющей профессиональной идентичности является любовь военнослужащего к своему делу, к Армии, вера в ее силу и непобедимость. Поэтому развитие военно-профессиональной идентичности у курсантов-психологов является важнейшей задачей всей системы военного образования и, в первую очередь, главного субъекта этой системы — преподавателя.

Ставя перед собой задачу развития профессиональной идентичности у курсантов-психологов необходимо помнить о том, что такое развитие — это процесс движения навстречу друг другу желаний, стремлений, веры, надежды, уверенности, любви курсанта, с одной стороны, и военной психологии, военно-психологической службы, Вооруженных Сил Российской Федерации, с другой. Если какая-то из этих сторон не движется, военно-профессиональной идентичности не случится. Военно-профессиональную идентичность нельзя «преподать», «установить», «натренировать». Ее нельзя испытывать по отношению к нелюбимому делу.

У военных психологов такая идентичность может быть сформирована лишь в условиях профессионализированной военной среды, насыщенной военными профессионалами конкретного профиля, военно-психологическими идеями, информацией, событиями, делами, рутинной и т.д. позволяющей обучаемым уже в вузе адаптироваться к будущей профессиональной деятельности. Военный психолог «взращается» на благодатной психологической почве в соответствующем психологическом климате в процессе повседневных контактов с носителями военно-профессионального опыта.

Как мы подчеркивали ранее [2; 4; 6; 7; 8], становление человека психологом — это, прежде всего, сложная и творческая внутренняя работа,

связанная с формированием специфического видения мира и себя в нем. Представляется уместной следующая метафора. Есть такие картинки: бессмысленный, на первый взгляд, узор, состоящий из переплетения линий; но, если применить специальную технику видения, за этими линиями открывается трехмерное цветное изображение. Этому видению нельзя научить. Оно «вдруг открывается» у человека, когда он различным образом всматривается в глубину хаотических переплетений линий. Так и в процессе «взрачивания» психолога у него за внешней картиной жизненных событий должен открыться специальный, психологический мир. Мир человеческих чувств, переживаний, отношений, психологических проблем.

Профессиональное становление психолога, во-вторых, связано с его позиционированием в психологическом мире, с рефлексией над вопросами, кто он в нем: мессия, врачеватель, поводырь, плацебо? Это качество не знания, а, скорее, ощущения. Т.Ю. Базаров как-то привел слова Анастасии Манштейн-Щиринской. Размышляя о преемственности доблести русских морских офицеров, она, главным образом, говорила об... осанке. Ясно, что офицеру нужны были специальные знания и умения. Но состояться как профессиональный морской офицер он мог лишь в том случае, если у него была сформирована правильная осанка. Подобно этому, нельзя состояться профессиональным психологом без формирования у себя специальной психологической «осанки» (ценностной и профессиональной позиции, способа поведения, стиля отношений с людьми и т.д.).

Наконец, становление психолога немыслимо без развития у него этической культуры, в которой «помочь» — слаще, но «не навредить» — честнее, «рекомендовать» — статуснее, но «вести» — вернее. Научить психолога этим вещам практически невозможно. Этот чувственный, когнитивный, нравственный опыт обретается, считывается и копируется, рефлексивируется и корректируется самим ищущим. Источником такого опыта должна быть созданная в вузе насыщенная психологическая среда. Если не целостная среда, то хотя бы ее оазисы [7].

Как мы отмечали ранее [7] определенную роль во возвращении военно-профессиональной идентичности у курсантов могла бы сыграть «наддисциплинарная» учебная дисциплина, объединяющая знания, навыки и умения обучаемых, «нанизывающая» на себя и интегрирующая приобретаемый ими опыт. Такой дисциплиной мог бы стать сквозной рефлексивный тренинг «Введение в профессию военного психолога», пронизывающий весь процесс профессиональной подготовки психолога (от первого до последнего дня обучения) в виде «оазисов» насыщенной профессиональной среды. Такой тренинг может быть распределен по всем курсам обучения и непрерывно «вводить» психологов в профессию. В данном случае к обучению добавилось бы развитие. Первоначально обучение психологов по специальности «Психология служебной деятельности» задумывалось начинать с недельного тренинга, в ходе которого курсантам давалась бы возможность познакомиться друг с другом, сформировать общее

представление о психологии как науке, практике и профессии, наглядно показывались (с использованием тренинговых технологий) возможности практической психологической работы, запускались реальные механизмы формирования психологического видения мира и самооощущения в нем, осуществлялось мотивирование на овладение профессией. Такой тренинг мог бы стать чем-то вроде матрицы, интегрирующей и соединяющей отдельные клетки живого психологического опыта в целостный орган профессиональной идентичности. Так, перед каждым важным этапом обучения (практика, стажировка, разработка дипломной работы) можно было бы проводить 6-12-часовые тренинги, моделирующие эти виды деятельности. Перед выпуском целесообразно проведение тренинга по вступлению в должность психолога и адаптации по месту работы. Представляется важным, чтобы, как бы ни были «продвинуты» в области практической психологии преподаватели вузов, в подготовке психологов с первых дней обучения плотно участвовали психологи-практики, заказчики, работодатели— носители профессионального опыта, культуры, стиля, драйва. В качестве «домашних заданий» и в целях получения материала для последующей рефлексии курсанты должны постоянно участвовать в научно-исследовательской работе вуза, в психологической работе в воинских частях и соединениях, в выездах для оказания помощи населению в зоны чрезвычайных ситуаций и т.д. [2; 7; 8; 9].

Еще раз хочется обратить внимание на то, что для взращивания профессиональной идентичности необходима система поддержки профессиональных навыков в вузе. Система развития и поддержки профессиональных навыков, созданная в Военном университете, предполагающая насыщение учебных курсов военно-профессиональными задачами, постоянные выезды (стажировки, практики) в войска, взаимодействие с различными категориями военнослужащих, способствует формированию необходимой профессиональной идентичности, позволяющей обучаемым уже в вузе адаптироваться к будущей профессиональной деятельности. Однако, этого не вполне достаточно. Будущие военные психологи должны постоянно решать военно-профессиональные задачи (например, изучение психологических особенностей военнослужащих, социально-психологических явлений в воинских коллективах и т.д.).

Для того, чтобы развивать профессиональную идентичность у курсантов-психологов, необходимо использовать в процессе их обучения *психологические методы и средства*.

Сегодня идет процесс активного насыщения образовательного процесса современными, часто неимоверно дорогими дидактическими технологиями. При этом приоритет отдается новым техническим средствам обучения, которые во многих случаях имплицитно содержат в себе методику построения педагогического взаимодействия. Так, мультимедийный проектор или интерактивная доска предполагает трансляцию информации от коммуникатора к реципиентам и, в этом отношении, он является лишь усовершенствованным вариантом плаката, классной доски, видеofilmа. То есть он, как и

видеосистемы, другие проекторы статичных и движущихся изображений, является элементом так называемых традиционных методов обучения. Это не плохо. Средства проекции позволяют, например, ярко показать устройство головного мозга, проследить основные пути передачи импульсов и т.д. Однако не факт, что в этом отношении они эффективнее, скажем, самостоятельной лепки обучаемыми основных отделов мозга из пластилина с выделением основных функциональных связей.

Следует сказать, что традиционные методы весьма эффективны при передаче обучаемым большого объема информации. Они остаются направленными, прежде всего, на передачу определенной суммы знаний и формирование навыков практической деятельности. В их основе — предоставление обучаемым готовых решений в качестве образца. Задача обучаемого в данном случае заключается в том, чтобы выучить заданное и воспроизвести его при контроле, либо позже, в процессе профессиональной деятельности. Однако практика показывает, что концентрирование учебного материала, совершенствование форм его предъявления сами по себе не обеспечивают задействия и развития внутренних, психических возможностей, личностных свойств человека и, в частности волевых качеств.

Еще в начале XX века известный психолог Д.Н. Узнадзе высказал эвристическую мысль, раскрывающую сущность активного социально-психологического обучения. Он отмечал: «Активность, возникающая в процессе учения, имеет... не только значение средства, но и свою независимую ценность; основное место в учении занимает не продукт, представляемый им нам в качестве конкретного навыка или знания конкретного содержания, а развитие в определенном направлении сил учащегося. Основное в учении не конкретный навык или знание, а развитие сил, участвующих в процессе учения» [10].

А сегодня, пожалуй, как никогда, задачи обеспечения обороноспособности страны востребуют специалистов-психологов не только с мышлением, приспособленным к постоянным изменениям в военном деле, но и способным мобилизовать свой волевой потенциал, преодолеть возникшие в деятельности препятствия, осуществить регуляцию собственных психических состояний. Поэтому более выгодно формировать специалиста, обладающего целеустремленностью, настойчивостью, упорством, самообладанием, профессиональной мобильностью, опирающейся на гибкость мышления, адаптивность широкого плана — профессиональную, социальную, психологическую. Для этого нужно использовать активные методы обучения, побуждающие обучаемых быть соучастниками образовательного процесса, преподавателями.

В этом отношении определенный потенциал эффективности психологического образования содержится, по нашему мнению, в набирающем популярность «краудсорсинговом» подходе к организации различных видов деятельности [3].

«Краудсорсинг» (англ. crowdsourcing, crowd — «толпа» и sourcing — «использование ресурсов») может быть определен как способ организации деятельности, при котором организаторы «делегировать» свои функции добровольным ее участникам с целью привлечения максимально широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта в интересах достижения целей деятельности.

Использование психолого-педагогических технологий «краудсорсинга» в процессе профессиональной подготовки курсантов — будущих военных психологов, как показывает изучение, позволяет достичь целый ряд положительных эффектов. Так, вместо одного организатора и ведущего занятий (преподавателя) появляется несколько со-организаторов, которые отличаются мироощущением, видением обсуждаемой проблемы, многообразием жизненного опыта. Среди обучающихся есть люди талантливые, творческие, способные придать любому занятию уникальную энергетику. Можно сказать, что в данном случае появляется «коллективный преподаватель». Такой «преподаватель» способен говорить на языке молодежи без переводчиков, обращаться именно к тем проблемам, рассматриваемым на занятиях, которые интересны обучающимся. Другими словами, вовлеченные в организацию занятий обучающиеся способны переводить «высокий стиль» учебного занятия на язык, понятный и приятный им. На каждом таком занятии курсант «примеряет» профессию военного психолога на себя, постепенно «вырастает» в военного психолога.

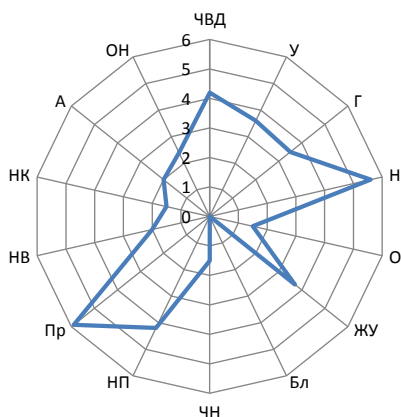
Аналогичным потенциалом роста обладают социально-психологический тренинг и отдельные тренинговые технологии: дискуссии, ролевые и деловые игры, мозговой штурм, кейс-стади, мастер-класс, круглый стол, семинар и т.д.

Сейчас ожидается выход оптимизированного федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности «Психология служебной деятельности» («три плюс»). Это дает нам шанс реализовать изложенные в данной статье идеи.

Вместе с тем, как отмечалось выше, становление военно-профессиональной идентичности у курсантов это не только результат их внутренней активности, но и активности военно-профессиональной системы — Вооруженных Сил Российской Федерации. Изучение нами 180 участников боевых действий в Чечне (1996—1997 гг.) показало, что забвение системой военнослужащих приводит к снижению или даже коллапсу профессиональной идентичности. На рисунке 1 показаны результаты опроса участников боевых действий, выведенных с территории Чечни. Они представлены в виде усредненного профиля переживаний военнослужащих по окончанию военного конфликта [5].

Из рисунка видно, что в эмоциональной сфере военнослужащих, вернувшихся из района локального военного конфликта, преобладают крайне противоречивые переживания. С одной стороны, у них отмечалось чувство честно выполненного долга (ЧВД), с другой — чувство непонимания того, что происходит, ощущение, что их «подставили», предали. Такие переживания «себя

в военной службе» не способствует развитию военно-профессиональной идентичности. Не случайно, многие офицеры после участия в боевых действиях в Чечне ушли с военной службы.

Рис. 1. Усредненный профиль переживаний военнослужащих, завершивших участие в боевых действиях в Чечне (1996–1997 гг.)

Примечание. На рисунке 1 буквами обозначены переживания: ЧВД — чувство честно выполненного долга; У — удовлетворенность; Г — гордость за участие в событиях; Н — непонимание происходящих событий; ЖУ — желание вновь участвовать в подобных событиях; Бл — чувство благодарности руководителям; ЧН — чувство неуверенности в своих силах; НП — ненависть к противнику; Пр — ощущение того, что участника боевых действий «подставили», предали; НВ — навязчивые воспоминания; НК — ночные кошмары; А — агрессивность; ОН — ощущение своей ненужности. Цифрами на осях даны условные баллы.

Приведенные результаты исследования говорят о том, что в интересах развития у военнослужащих военно-профессиональной идентичности необходимо активно поворачивать армию в сторону людей. В этом плане преподаватели могут сыграть важную роль, как в доведении до военных руководителей насущных нужд курсантов, так и в развитии имиджа Вооруженных Сил.

Таким образом, профессиональная идентичность военнослужащего — это осознание им своей неотъемлемой и тесной принадлежности к Вооруженным Силам российской Федерации. Она делает отдельного военнослужащего носителем коллективной силы, ценностей, энергии, уверенности. Формирование у курсантов-психологов военно-психологической идентичности является важной задачей всей военно-образовательной системы и каждого преподавателя военного вуза.

Литература

1. *Алехин И.А., Гожиков В.Я., Караяни А.Г.* Психолого-педагогические проблемы развития творческой активности будущих офицеров в учебной и военно-научной деятельности // Мир образования — образование в мире. 2017. № 2, с. 140–148.
2. *Алехин И.А., Караяни А.Г., Гожиков В.Я.* Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования — образование в мире. 2015. №3.С. 179–188.
3. *Гайдамашко И.В., Гожиков В.Я., Караяни А.Г.* Теоретические и прикладные аспекты использования психолого-педагогических технологий краудсорсинга в подготовке курсантов военного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. №3. С. 5–10.
4. *Караяни А.Г., Сыромятников И.В., Гожиков В.Я.* Об условиях реализации в военных вузах инновационных форм обучения курсантов // Человеческий капитал. 2015. № 5. С. 118–123.
5. *Караяни А.Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах: монография. М.: ВУ, 1998.
6. *Белюсов А.В., Караяни А.Г.* Методика формирования у слушателей и курсантов профессиональных умений и навыков на практическом занятии // Инновации в образовании. 2006. № 2. С. 127–134.
7. *Караяни А.Г.* Тренинг профессиональной идентичности как матрица психологического образования // Материалы первой международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовательном пространстве», Москва, 16–17 октября 2013 года. М., 2013. С.114–119.
8. *Давыдов Н.А., Караяни А.Г., Поляков С.П.* Современная подготовка психологов: бакалавров, специалистов и магистров в вузах России: Монография. М. : ВУ, 2015.
9. *Караяни А.Г., Караяни Ю.М.* Психологическое образование на рубеже веков // Мир образования — образование в мире. 2014. № 3. С. 55–66.
10. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.

**«NURTURING» PROFESSIONAL IDENTITY OF MILITARY
PSYCHOLOGISTS AS A TOPICAL PSYCHOLOGICAL AND
PEDAGOGICAL PROBLEM**

Karayani Alexander Grigorievich,

correspondent member of the Russian Academy of Education,
honored worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Science
(Psychology), professor of Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation,
e-mail: karayani@mail.ru

Abstract. The article reveals the process of formation and development of professional identity of military psychologists as a process of its cultivation. It is shown that cultivation of professional identity is a process of oncoming movement of spiritual and psychological forces of a soldier and military profession, armed forces.

Keywords: military-professional identity; military psychologist; identity development

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кузьмина Елена Ивановна,

профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: kuzminaell@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются философско-психологические основания понимания идентичности, значимые для современных исследователей профессиональной идентичности, в том числе, военно-профессиональной идентичности. К таким основаниям относятся идеи о «единстве сознания», «целостности личности», «идентичности я и не-я», «соотношении я и другой, я и идеал». Показано, что в ходе обучения идет непрерывное развитие мышления, сознания и других познавательных процессов, а также личностных особенностей, наиболее значимых для профессиональной деятельности. Приводятся данные проведенного с помощью авторской методики «Идеал» эмпирического исследования, доказывающие сходство представлений об идеале курсантов первого и третьего курсов ВУ МО РФ.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; философско-психологические основания изучения профессиональной идентичности; компетенциальные способности; рефлексивно-деятельностный подход.

Вопрос о профессиональной идентичности и ее видах, в т. ч. военно-профессиональной, в силу того, что предполагает в начале жизненного пути экзистенциальный выбор человеком конкретной профессии как своего будущего (стиля жизни, дела жизни, смысла жизни) и ценностные основания этого выбора, безусловно, включает в себя личностное измерение. Поэтому вопросы эпистемологического плана — «что есть личность и ее развитие», «единство сознания», «целостность личности», «идентичность я и не-я», «я и другой», «я и идеал», «свобода личности», поставленные продолжателями традиций философии Г. Гегеля, Ф. Ницше, И. Канта — неокантов и феноменологами — в русской философии и психологии — Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским, П.А. Флоренским, Г.Г. Шпетом, М.М. Бахтиным, М.М. Рубинштейном, Н.Я. Гротом, С.Л. Рубинштейном), являются ключевыми для определения оснований и верных ориентиров изучения личностной, профессиональной, а также военно-профессиональной идентичности.

Обращение психологов к философии — не экзотика и даже не романтика (как некоторые искренне расценивают личный интерес к ней), а насущная необходимость. Действительно, в современной психологии существует подъем интереса к философским корням, питающим «стратегию» и определяющим «тактику» теоретического и эмпирического исследования того или иного психического явления. Известные российские психологи А.Л. Журавлев и А.В. Юревич, многие работы которых посвящены поиску, критическому

анализу и обобщению методологических основ современной психологии, во введении книги «Теория и методология психологии» (2007 г.) отмечают: «Основные проявления возрождения интереса к методологическим вопросам психологии, равно как и его причины, сами по себе выглядят важной социально-психологической проблемой. Среди этих причин можно упомянуть и трудности, которые неизбежно испытывает наука и основанная на ней практика, развиваясь в условиях необеспеченности своих «тылов» — неразрешенности базовых методологических вопросов; и то, что к прежним «вечным» методологическим проблемам психологии добавились новые, порожденные в том числе и развитием психологической практики; и притягательность наиболее сложных проблем любой науки, к которым она обречена регулярно возвращаться, и некоторая утомительность прагматики, регулярно порождающей «романтические» настроения; и новые методологические вызовы науке, вступившей на постнеклассическую стадию развития. В результате психология сейчас переживает ренессанс интереса к методологии...» [7, с. 7].

Остается выразить надежду на то, что военная психология, перенасыщенная задачами практического плана в силу объективной необходимости и требований психологического обеспечения Российской Армии на современном этапе ее развития, повернется к методологическим корням в решении проблем, непосредственно связанных с изучением личности и ее развития в системе подготовки и профессиональной деятельности военнослужащих. Нам представляется, что проблема военно-профессиональной идентичности не может эффективно решаться без поиска методолого-теоретических оснований, знание которых позволит грамотно построить эмпирическое исследование и провести анализ полученных результатов. Следует учесть и то, что данная проблема, особо значимая в условиях необходимости сознательного и ответственного выбора профессии военнослужащего (несомненно, экзистенциального, по своей природе, выбора, который является залогом успешности профессиональной деятельности и удовлетворенности жизнью), должна рассматриваться в плане единства личностного и профессионального самоопределения курсантов и слушателей Военных вузов, обеспечивающего желание учиться, высокое качество образовательного процесса и уровня удовлетворенности им учащимися и преподавателями. Она носит междисциплинарный характер и требует для своего решения интеграции педагогики, истории войн, военной психологии, социальной психологии, психологии принятия решений, организационной психологии, психологии труда и, конечно же, общей психологии, дающей всем отраслям психологии фундамент — методологическую базу исследования. Междисциплинарность, по мнению некоторых современных ученых, является особенностью современного этапа развития ряда наук, в том числе и психологии на постнеклассической стадии своего развития. По мнению А.Л.Журавлева, «...результатом специальных организационно-управленческих воздействий в форме реализации принципа

междисциплинарности в организации исследований многообразных психологических явлений может стать порождение новых научных проблем в современной психологии». Данное утверждение конкретизирует положение известного методолога науки Пола Фейрабенда, утверждавшего, что наиболее значимые для культуры открытия совершаются на стыке различных наук.

В настоящей статье мы поставили цель воспроизвести идеи, высказанные философами и теоретиками психологической науки, значимые для понимания и изучения профессиональной идентичности и такого ее вида, как военно-профессиональная идентичность. Прежде всего, обратимся к понятию «идентичность». Как показывает анализ научных работ, общего, устоявшегося определения идентичности к настоящему времени не существует, однако имеются попытки выделить существенное в этом феномене самосознания.

Под идентичностью (лат. *identitas*, англ. *identity*) часто понимается свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

Понятие «эго-идентичность», впервые предложенное Э. Эриксоном, означало целостность личности, тождественность и непрерывность нашего «Я», несмотря на те изменения, которые происходят с нами в процессе роста и развития (Я — тот же самый). При кризисе идентичности и её потере снижаются или исчезают целостность, тождественность и вера человека в свою социальную роль. Экзистенциальная идентичность анализируется в книге Д.Бьюджентала «Наука быть живым» («The search for existential identity»).

В психологических и социологических словарях приводятся разные значения идентификации и идентичности, отмечается, что существует множество видов идентичности — половая, психосоциальная, социальная, личностная, профессиональная, национальная. Под идентификацией (от лат. *identificare* — отождествлять) понимается:

«— в психологии познавательных процессов —<...> узнавание, установление тождественности какого-либо объекта;

— в психоанализе — процесс, в результате которого индивид благодаря эмоциональным связям ведет себя (или воображает себя ведущим) так, как если бы он сам был тем человеком, с которым данная связь существует;

— в социальной психологии — отождествление индивидом себя с другим человеком, непосредственное переживание субъектом той или иной степени своей тождественности с объектом» [6].

Отмечается также:

— уподобление (как правило, неосознанное) себя значимому другому как образцу поведения;

— отождествление себя с персонажем художественного произведения, благодаря которому происходит проникновение в смысловое содержание произведения, его эстетическое переживание;

— механизм психологической защиты, заключающийся в бессознательном уподоблении объекту, вызывающему страх или тревогу;

— проекция, приписывание другому человеку своих черт, мотивов, мыслей и чувств;

— идентификация групповая — отождествление себя с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие её целей и ценностей, осознание себя членом этой группы или общности;

— в инженерной и юридической психологии — распознавание, опознание каких-либо объектов (в том числе людей), отнесение их к определенному классу, либо узнавание на основании известных признаков.

Для изучения проблемы формирования военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в военном вузе, определения психологических условий её формирования в период обучения курсантов — будущих специалистов по «Психологии служебной деятельности» с целью поддержки целенаправленного и регулируемого движения к цели профессиональной подготовки необходимо в начале исследовательской работы выявить методолого-теоретические основы её познания.

В качестве основных философских идей, имеющих статус методолого-теоретических основ психологического изучения идентичности, мы бы отметили идеи немецких и русских философов.

Итак, нам представляются значимыми идеи немецких философов:

И.Г. Фихте — о единстве сознания и активности;

Г. Гегеля — о способности человека в рефлексии и мышлении восходить ко всеобщему, идеалу и при этом оставаться самим собой;

Л. Фейербаха — о самосознании, понимании Я, предполагающего в качестве своего условия не абстрактное не-Я, а другое Я, Ты;

Важно также, в этой связи отметить еврейского философа, выходца из Австро-Венгрии М. Бубера, утверждавшего становление Я в соотношении с Ты (причем, Ты — это не только другое человеческое Я, но и Бог, осознаваемый верующим как абсолютное Ты).

Несомненно, значимыми для понимания идентичности являются размышления русских философов — П.А. Флоренского о самодоказательности субъекта и М.М. Бахтина — о диалогичности в понимании социальной и личностной идентичности и других.

Коротко раскроем перечисленные выше философские идеи.

И.Г. Фихте. Исходя из содержания принципа *единства сознания и активности* как базового условия существования свободы следует, что все противоречия объединяются: в одном и том же сознании возможны противоположные состояния «Я» и «не-Я», в том числе и состояния свободы и несвободы. Сознание активно — оно «...не есть простое безжизненное и страдательное зеркало, отражающее внешние предметы, но ...оно само в себе

обладает жизнью и силой» [19, т.2, с. 626]. Противоречие между «Я» и «не-Я» в континууме сознания живёт особой жизнью и развивается последовательно в соответствии с переходами на новые уровни рефлексии, пока не будет разрешено окончательно при условии осознания человеком нравственного закона и следования ему в своей жизни.

Г.Гегель. Мыслящее «Я» свободно, так как выходит в сферу всеобщего, признаёт собственную свободу и свободу других. Постигая суть предмета, человек размышляет, а размышлять, по Гегелю, означает «вспомнить право, долг, то всеобщее, согласно которому, как твёрдо установленному правилу, мы должны вести себя в данном частном случае» [4, с. 117]. Таким образом, в ходе мышления человек ставит перед собой не субъективные цели, а цели всеобщего порядка (социальные, родовые) — в этом раскрывается этический смысл свободы, без которого она носила бы иллюзорный характер. В философии Гегеля свобода предполагает желание субъекта быть у себя в определённости и вновь возвращаться во всеобщее. Способность мыслить, осознавать себя, осуществлять рефлексии на себя и свою деятельность, на идеалы всеобщего создают предпосылки духовного уровня жизни человека. Когда «Я» рефликтирует в себя, снимаются конкретные, непосредственно данные границы «Я». Поскольку воля в этом процессе обладает способностью растворять границы, то самоопределяющееся, проявляющее волю «Я» снимает свои ограничения. В рефлексии человеку «сообщается всеобщность», открываются новые возможности, выявляются и сравниваются между собой различные компоненты деятельности, её условия, результаты и последствия, осознаются различия между деянием и поступком, внешним происшествием, умислом и знанием обстоятельств. Относясь к другому (предмету, явлению природы, человеку, группе людей), человек не теряет своё «Я», находит в другом собственное полагание, бытие, интерес, цель и т.д. и при этом остаётся самим собой. Таким образом, у рефлексии есть еще одна существенная функция — отношение воли одного человека к воле другого, что предполагает личностный уровень бытия, составляет сферу договора: «Это отношение воли к воле есть своеобразная и подлинная почва, на которой свобода обладает *наличным бытием*» [5, с. 127–128].

По сути дела, идеи Гегеля о *единстве сознания* с переходами Я как единичного — особенного — всеобщего, Я с другими (при этом, по мнению Гегеля, «Я» гражданина выступает как «Мы») продолжили российские философы и психологи М.М. Рубинштейн и С.Л. Рубинштейн, Г.Г. Шпет, о. П.Флоренский, М.М. Бахтин, Ф.Т. Михайлов и их последователи.

о. Павел Флоренский в работе «Слопп и утверждение истины» раскрывает сущность и следствия для человеческого «Я» само-разногласия сознания в пространстве. Закон тождества, выражением которого является равенство «А=А» и в человеческом измерении — «Я=Я», есть «дух смерти, пустоты и ничтожества», так как утверждает «косность, самоизоляция», отсутствие развития и невозможность истины. «*Изменение*, происходящее во внешнем мире, в мире внутреннем и, наконец, в мире мистических

восприятий,— и это все согласно взывает: “Прежнее А не равно теперешнему А, и будущее будет разнствовать с настоящим» <...> Закон «А=А» обращается в совсем пустую схему самоутверждения, не синтезирующую собою никаких действительных элементов, — ничего, что стоило бы соединять знаком («=»). «Я=Я» оказывается ничем более, как криком обнаженного эгоизма,— «Я!», ибо, где нет различия, там не может быть и соединения. Есть, следовательно, одна лишь слепая сила костности и самозаклечения, — эгоизм. *Вне себя* Я ненавидит всякое Я, ибо для него оно — не-Я, и, ненавидя, стремится исключить его из сферы бытия; а так как прошедшее Я (Я в его прошлом) тоже рассматривается объективно, т.е. тоже является как не-Я, то и он непримиримо подвергается исключению. Я не выносит себя же во времени, всячески отрицает себя самого в прошлом и будущем, и, тем самым, — так как голое «теперь» есть чистый *нуль* содержания, — Я ненавидит *всякое* конкретное свое содержание, т.е. всякую свою же жизнь. Я оказывается мертвой пустынею «здесь и теперь» [20, с. 51]. В плане не рассудочного, а разумного — высшего обоснования, по мысли о. Павла Флоренского, А, как вечно отвергающее себя и в своем самоотвержении получающее себя, обретает содержательное, полное жизни, реальное самождество: «А есть А через утверждение себя как не-А, через усвоение и уподобление себе всего. Отсюда понятно, каков самодоказательный Субъект и в чем его самодоказательность <...> Он таков, что он есть А и не-А<...> А от другого...В Б переставая жить, ... от В опосредствованно получает себя, но уже «доказанным», уже установленным...Самодоказательность и само-обоснованность Субъекта Истины есть отношение к Он чрез Ты. Чрез Ты субъективное Я делается объективным Он и в последнем имеет свое утверждение, свою предметность как Я» [20, с. 66]. То, что «Субъект истины есть отношение трех», о. П. Флоренский показывает на примере троицы.

Человек через соотношение себя с творцом понимает свою сущность: его Я обретает границы — становится определенным, целостным, а жизнь представляется наполненной смыслом. Вспомним Г. Державина («Бог»):

«...Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.
Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!
Ты есть! — природы чин вешает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной

Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!..»

Следует отметить важность для психологического познания идентичности размышления о Павла Флоренского о самодеказательности субъекта в аспекте троичности, так они, по всей вероятности, открывают механизм этого сложного феномена, предполагающий рефлексивную работу человека, соотносящего себя с другими (например, с членами своей учебной или профессиональной группы), помещающего себя на место другого, в т.ч. того, кто несет в себе больше возможностей, чем все остальные (профессионал, идеал, идея в понимании Платона), что позволяет обнаружить сущностное в себе. Очевидно, человек при соотношении себя с идеалом переживает свое Я как проект, себя как стремящегося к развитию.

М.М. Бахтин, по мнению ряда философов и психологов, выступает одним из методологов изучения идентичности в силу того, что предложил и разработал принцип диалогичности, раскрывающий роль другого в существовании души человека. М.М. Бахтин показал, что во взаимодействии с другим человек «напряженно владеет собою в абсолютном будущем», что позиция внаходимости дает движение смысла и выступает условием подлинной жизни души — с её «эстетически значимым целым внутренней жизни человека»: «... душа: она активно создается и положительно оформляется и завершается только в категории *другого*, позволяющей утверждать наличность помимо смысла-долженствования. Душа — это совпадающее само с собою, себе равное, замкнутое целое внутренней жизни, постулирующее внаходящуюся любящую активность другого. Душа — это дар моего духа другому» [1, с. 116]. Что же понимается под единством самого себя? Переживание этого состояния, по всей вероятности, является критериальным показателем идентичности. По мнению М.М. Бахтина, «... мое единство для меня самого — вечно предстоящее единство; оно и дано, и не дано мне, оно непрестанно завоевывается мною на острие моей активности; это не единство моего имени и обладания, а единство моего неимения и необладания, не единство моего уже-бытия, а единство моего еще-не-бытия. Все положительное в этом единстве — только в заданности, в данности же — только отрицательное, оно дано мне только тогда, когда всякая ценность мне задана» [1, с. 110–111]. Другой (литературный герой у Бахтина, или, что важно для изучения идентичности — идеал как образец) наполняет смыслом и энергией самосовершенствования проект нашего «Я». Бахтин пишет: «Если движущий смысл жизни героя увлекает нас как смысл стороной своей заданности, а не индивидуальной данности в его внутреннем бытии, то это затрудняет форму и ритм; жизнь героя начинает стремиться пробиться через форму и ритм, получить авторитетное смысловое значение, с точки зрения которого индивидуальное преломление смысла в бытии души, наличность воплощенного смысла, представляется его искажением; художественно убедительное завершение становится невозможным: душа героя из категории *другого* переводится в категорию *я*, разлагается и теряет себя в духе» [1, с. 116]. Онтологическое и аксиологическое основания существования души

пересекаются в понимании и функционировании её как дара другому. У Бориса Пастернака в стихотворении «Свадьба» есть такие строки:

«Жизнь — ведь это только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье»

Категория смысла, его содержания, меняющегося во времени, является методологически значимой и выступает основой феноменологического подхода к изучению идентичности, развиваемого в работах некоторых современных психологов. Так, в книге О.В. Лукьянова «Проблема идентичности в эпоху социальных изменений» (2008 г.) представлены результаты эмпирического исследования темпоральной идентичности (метафорически понимаемой автором как «смысловой горизонт») в ситуации социальных изменений, проведенного на основе метода психосемантического анализа текстов, эксплицирующих опыт становления экзистенции (в их числе — самоописания, литературные и философские тексты). Темпоральная идентичность, по мнению О.В. Лукьянова, основана на отождествлении себя с новым опытом для того, чтобы принять возможность изменений, является «условием своевременности события, сохранения целостности человека в изменениях жизни, не только фактов, но и темпов, и порядков опыта» [14, с.52].

В связи с вышеизложенным и реалиями жизни следует, что не любой посыл (стимул), нравственный закон из множества законов категорического императива (И. Кант), в т.ч. организационные требования, будут взяты человеком в качестве цели своего развития (скажем, курсантом — в содержание своего личностного и профессионального самоопределения). Для понимания того, как они становятся личностно-значимыми и влияют на идентичность, следует обратиться к **субъектно-деятельностной теории С.Л.Рубинштейна**. Методологически значимыми для теоретического и эмпирического изучения идентичности выступают представления С.Л.Рубинштейна о сущности самосознания и его развития в контексте жизненного пути, о направленности личности, личной позиции, идеале, этическом принципе и принципе детерминизма, позволяющими дифференцировать волю и свободу человека. Согласно субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна и вытекающих из неё принципов детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности, «... внешние причины всегда действуют через внутренние условия, так что конечный эффект любого внешнего воздействия всегда зависит не только от внешнего воздействия на тело или явление, но и от внутренних его свойств, применительно к человеку неизбежно приобретает и этический смысл — соотношения определения и самоопределения, свободы и необходимости в человеческом поведении» [18, с. 350]. Формула «внешнее через внутреннее» выступает центральной идеей субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна, стоявшего у истоков зарождения отечественной психологии. Суть этой теории заключается в следующем: «При объяснении

любых психических явлений личность выступает как совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия... через сложившийся у неё строй мыслей и чувств... В этом суть активности личности» [18, с. 350].

Рефлексивно-деятельностный подход, разработанный нами [10] на основе субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна, концепции рефлексии А. Лефевра, философских и психологических идей о сознании, деятельности и свободе личности, позволяет выйти на механизмы идентичности — работу рефлексии, как говорил и писал М.К. Мамардашвили, «удерживающей на одной волне», противоречащие друг другу Я и не-Я, явно несовпадающие: Я и Ты, Я-реальное и идеал. В рефлексии человек способен оценить свои компетенциальные способности в соотношении с идеалом, вбирающим в себя организационные требования, единство личных и групповых ценностей. Под *компетенциальными способностями* нами понимаются индивидуальные особенности личности и качества ума, определяющие готовность к профессиональной деятельности, способствующие ее успеху и проявляющиеся в динамике овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками.

Методологически значимыми для изучения идентичности (личностной и профессиональной) выступают идеи **Л.С. Выготского** [3] о значении и смысле, о зоне ближайшего развития — одного из феноменов, рассматриваемых в культурно-исторической теории развития высших психических функций с позиций возможностей обучения. Согласно этой теории, «высшие психические функции не передаются по наследству, а формируются в процессе усвоения общественно-исторического опыта». Эффективность обучения в военном вузе, а также развивающий эффект практики, которую проходят курсанты, определяются их зоной ближайшего развития — тем, какая система значений освоена на предшествующих ступенях развития (ресурс) и является потенциалом личностного и профессионального роста.

Вместе с Л.С. Выготским вопрос о значении и смысле рассматривался его другом и коллегой А.Р. Лурия. В своей лекции «Развитие значения слов в онтогенезе» он разводит эти понятия следующим образом: «“Значение” есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей* <...> Под смыслом, в отличие от значения, мы понимаем *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой ситуации связей, оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации <...> если “значение” слова является объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” — это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации» [15, с. 55]. В свободе слова А.С.Пушкина, как пишет Ф.Е. Василюк, отражается его экзистенция: «...слово становится при этом творческим актом осуществления полноты жизни человека, а не только делом литературного творчества» [2, с. 47].

В связи с вышесказанным, возникает вопрос, ответ на который чрезвычайно важен для практики: «Как в процессе обучения развить профессионально-важные качества, сделать так, чтобы они воспринимались и оценивались членами учебной или профессиональной группы не только в плане значений, но и личностных смыслов?». Получив смысловую окраску, высокий статус идеала (в т.ч. по причине востребованности групповой и организационной культурой), профессионально-важные качества переходят в ранг компетенциальных способностей, которые каждый член группы стремится развить в себе. Порой случайная, непродолжительная по времени, встреча с кем-то, кто открывает перспективу, вызывает аффективную эмоциональную реакцию, транслирует ценность, порождает вектор движения к смыслу. В этой связи отметим судьбоносный эффект встречи в детстве или подростковом возрасте со своим будущим — профессиональным идеалом, например, в лице героя военных действий (ветераном Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., или успешным в своей профессии офицером, командиром, психологом и т.д.). Такому эффекту экзистенциальной встречи в детстве, определяющей вектор самосознания и жизненного пути личности, впервые ярко описанной в мемуарах знаменитого итальянского кинорежиссера Ф. Феллини, посвящена наша статья ««Вестник из будущего» и его роль в личностной и профессиональной идентичности»[11]. Безусловно, значительную роль в поиске личностной и профессиональной идентичности, интенсивно осуществляющемся в подростковом и юношеском возрасте, играют не только близкие люди — родители, родственники, друзья, но и герои литературных произведений и художественных фильмов, которые затрагивают душу, восхищают, дополняют круг референтных лиц и вместе с ними, в силу своей значимости, влияют на построение идеала и критерии оценивания (в самооценке, оценке окружающих и т.д.).

Методолого-теоретические идеи, важные для изучения идентичности, высказанные о. Павлом Флоренским, М.М. Бахтиным, С.Л. Рубинштейном, Л.С. Выготским, а также концепции идентичности и концептуальные положения о её факторах, условиях, механизмах и видах (среди авторов таких концепций — Э. Эриксон, Э. Фромм, Дж. Мид, И. Гоффман, Г. Фогельсон, Л. Краппман, Ю. Хабермас, Х. Таджшфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, В.А. Ядов и другие) позволяют глубже понять сущность и психологическое содержание идентичности, спланировать и провести эмпирическое исследование военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» с целью оптимизации процесса профессиональной идентификации курсантов в ходе обучения в Военном университете.

Нам представилась возможность провести эмпирическое исследование индивидуальных и коллективных представлений об идеале (идеальном Я по параметру успешности в учебной деятельности) курсантов ВУ МО РФ. Согласно инструкции методики «Идеал», разработанной и апробированной в практике многолетнего исследования Е.И. Кузьминой и З.В. Кузьминой [12],

курсантам было предложено выполнить следующее задание: «Каждый из Вас подумает и напишет на листе бумаги в иерархическом порядке (т.е. в порядке предпочтения) три вида компетенциальных способностей, по Вашему мнению, наиболее значимых в Вашей профессии». Такая методика исследования предоставляет каждому члену учебной или профессиональной группы реальную возможность осуществить «выбор нужного смысла из всех возможных значений» [16, с. 249] — т.е. такой выбор, который, по мнению А.Р. Лурия, отражает сигнификативную функцию речи.

По результатам проведенного нами исследования среди курсантов — будущих специалистов по психологии служебной деятельности в трех учебных группах первого курса (41 чел.) и в учебной группе третьего курса (18 чел.) были получены данные, свидетельствующие о сходстве представлений об идеале профессионала курсантов первого и третьего курсов.

1 курс:

1. Коммуникативные способности
2. Воля (терпение, дисциплина)
3. Интеллект
4. Способность преодолевать стресс
5. Решать проблемы души человека
6. Трудолюбие
7. Профессионализм
8. Ответственность
9. Справедливость, честность
10. Заслужить уважение

3 курс:

1. Сила воли (целеустремленность)
2. Интеллект
3. Общительность
4. Уверенность, уважение к себе
5. Ответственность
6. Справедливость
7. Профессионализм
8. Верность своему делу
9. Умение командовать
10. Желание оказывать помощь

Очевидно, качества, выделенные курсантами первого и третьего курсов, не только значимы для всех, но и имеют значимость для каждого из них. Исследование профессиональной идентичности важно для практики и в том плане, что его результаты помогут выявить членов подразделений с аффектом неадекватности — то есть тех, которые думают, что находятся на «высоте» по компетенциальным способностям (но на самом деле, это лишь их желание, но не реалии). Комплексы неадекватности, завышенного мнения о себе, «самоупоения» [9] могут проявиться в межличностных отношениях в больших и малых группах. В любой учебной группе в процессе обучения возникает соревнование, повышающее активность личности. Никто не желает быть хуже других в той или иной области знаний или профессиональной деятельности. В ходе соревнования появляется интерес, взаимопомощь, но, как показывает многолетний опыт нашей работы, соревнование может перерасти в конкуренцию, что нередко происходит в воинских частях. У некоторых военнослужащих, борющихся за свой статус в подразделении, появляются амбиции, которые сковывают их душу. Они могут с завистью, ненавистью и, порой, с зашкаливающей агрессией (вплоть до физической — напасть, ударить, выстрелить) относиться к тем членам группы, которых отличает высокий уровень компетенциальных способностей. Такие девиации совершают люди с

непомерными амбициями, комплексом Наполеона, поскольку думают, что им «все позволено».

Совершенно иное дело — идентификация членов группы с референтометрическим лидером, входящим в ядро коллектива, выступающего генератором идей. Приведем пример из педагогической практики. На своей лекции по педагогике профессор заметил, что все студенты (около ста человек) пишут, не поднимая головы, и лишь один из них — слушает. Профессор обращается к нему с вопросом: «Почему не работаете? Гуляйте тогда в коридоре!». Студент недоуменно пожал плечами (он же внимательно слушал!) и вышел из аудитории. За ним встали и потянулись к выходу все остальные. Профессор не знал, что этот юноша — референтометрический лидер, значимый для всех, выступающий своего рода идеалом для студентов, разумеется, желающих идентифицироваться с таким умным, обаятельным и талантливым человеком.

Итак, преподавателям высшей школы необходимо с опорой на ядро коллектива создавать условия для развития компетенциальных способностей, повышать духовно-нравственный уровень тех, кто готовится стать профессионалом — учиться в университете, создавать условия для поиска и реализации смысла профессиональной деятельности.

В предисловии ко второму изданию учебника «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейн писал: «От человека — сейчас это очевиднее, чем когда-либо, — требуется, чтобы он не только умел находить всяческие, самые изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог, прежде всего, определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности» [18].

Наша задача — подготовить высококвалифицированных специалистов — защитников большой и сильной державы (из солдат сделать психологов — помощников командиров). «Военный университет сегодня не только готовит востребованных и квалифицированных специалистов в приоритетных сферах военной деятельности по соответствующим профессиональным образовательным программам, но и формирует патриотов, надежных защитников своего Отечества. И достигается это во многом благодаря напряженным усилиям руководящего и профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, передовых представителей Военного университета» [8, с. 9]. Подготовка специалистов с высоким уровнем профессиональной идентичности и духовно-нравственным потенциалом будет способствовать развитию культуры и повышению экономики страны.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6 тт. М.: Педагогика, 1996.

4. Гегель Г. Наука логики. Энциклопедия философских наук. Т.1. М.: Мысль, 1975.
5. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990.
6. Гулина М.А. Словарь справочник по социальной работе. СПб.: Питер, 2008.
7. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Введение // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
8. Идущие впереди /Под общ. ред. В.И. Марченкова. М.: ВУ, 2016.
9. Ильин И.А. О Национальном высокомерии. Из дневника патриота // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996.
10. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М.: МГУ, 1994.
11. Кузьмина Е.И. «Вестник из будущего» и его роль в личностной и профессиональной идентичности// Личностная идентичность: вызовы современности: материалы Всерос. психол. науч.- практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; М.: Институт психологии РАН; 2014. С. 142–144.
12. Кузьмина Е.И., Кузьмина З.В. Методика «Идеал» для определения компетенциальных способностей //Инициативы XXI века. № 1–2. 2017. С. 80–83.
13. Лосев А., Тахо-Годи А. Платон. Миф и реальность. М.: Молодая гвардия, 2014.
14. Лукьянов О.В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2008.
15. Лурия А.Р. Язык и сознание /Под ред. Е.Д. Хомской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998.
16. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
17. Психология самосознания. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2000.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 2004.
19. Фихте И.Г. Сочинения. В 2 т. СПб.: Мифрилл, 1993.
20. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи (1914). М.: АСТ, 2005.

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF PROFESSIONAL IDENTITY

Kuzmina Elena Ivanovna,

doctor of psychological Sciences, professor of the Psychology Department at the
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: kuzminael1@yandex.ru

Abstract. Discusses the philosophical and psychological foundations of understanding identity is significant for modern researchers of a professional identity, including military professional identity. Such bases include ideas about the «unity of consciousness», «integrity», «identity of I and not-I», «the ratio of I and other, I and ideal.» It is shown that during the training there is a continuous development of thinking, consciousness and other cognitive processes, and personal characteristics that are most important for professional activities. Provides data carried out using the author's technique «the Ideal» of empirical studies showing the similarity of the notions of the ideal of cadets of the first and third courses of Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation.

Keywords: professional identity; philosophical and psychological foundations of the study of professional identity; competencial abilities; reflective-activity approach.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Казакова Лариса Петровна,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: kazakovalp@yandex.ru

Маклакова Таисия Юрьевна,

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: mironova.taisiya@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Выявляются специфические психологические проблемы становления идентичности курсантов, связанные с малой осознанностью выбора специальности, трудностями формирования образа профессионала, неопределенностью профессиональной перспективы, субъективными трудностями реализации субъектных качеств в профессиональной сфере.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, военно-профессиональная идентичность, Образ Я, образ профессионала, профессиональные ассоциации, мотивация выбора специальности, уровень субъективного контроля в сфере производственных отношений.

Исследования идентичности являются в настоящее время актуальной междисциплинарной проблемой. В условиях социокультурных, экономических и политических преобразований, происходящих в нашей стране и во всем мире, с особой остротой встает проблема становления идентичности личности. Скорость изменений в обществе, а также — в ряде случаев — их критический характер определяют трудности процесса идентификации современного человека, что может приводить к формированию неустойчивой, диффузной, негативной идентичности как отдельных членов общества, так и целых социальных групп. Особое значение приобретает изучение идентичности в юношеском возрасте, когда происходит личностное и профессиональное самоопределение человека, и процессы становления идентичности интенсифицируются.

Профессиональная подготовка молодых людей в вузе предполагает не только получение учащимися необходимых знаний, умений и навыков, формирование профессиональных компетенций. Не менее важным фактором профессионального развития учащихся является формирование адекватного образа будущей профессии, идентификация с ней. Перед профессорско-

преподавательским составом вуза стоит задача создания условий для оптимального становления профессиональной идентичности учащихся. Это в полной мере относится и к процессам совершенствования образования в высшей военной школе, неотъемлемым компонентом которых является усиление внимания к формированию военно-профессиональной идентичности курсантов.

В настоящее время одна из специальностей, по которой ведется обучение в Военном университете Министерства обороны, — «Психология служебной деятельности» (37.05.02). Выпускникам ВУ МО, освоившим данную специальность, присваивается квалификация «Психолог». При этом выпускники ВУ МО РФ становятся офицерами — им присваивается звание «лейтенант». Таким образом, курсанту, будущему офицеру, обучающемуся по специальности «Психология служебной деятельности» (далее — «ПСД»), необходимо осваивать, по крайней мере, две профессиональных предметных области; овладеть как общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, так и военно-профессиональными компетенциями. Задачи, возникающие в ходе обучения в военном вузе и во время последующей службы военного профессионала, предъявляют специфические требования к развитию личности курсантов.

По мнению А.Г. Караяни, «важнейшей целью подготовки военных психологов является формирование профессиональной идентичности, то есть осознание себя представителями конкретной военной специальности» [9, с.4]. С одной стороны, с этим связана эффективность учебной и служебной деятельности курсантов, с другой стороны, как полагает С.И.Данилов [4], профессиональная идентичность военнослужащих играет важную защитную роль в развитии профессионала.

Актуальность темы исследования проблем становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», определяется малой изученностью специфики военно-профессиональной идентичности, связанной с необходимостью «совмещения» военным специалистом как военных, так и «общепрофессиональных» аспектов профессии в достаточно сложных, порой экстремальных, условиях профессиональной деятельности. Ввиду отсутствия достаточного количества теоретических, эмпирических и прикладных психологических исследований, в учебном процессе военного вуза могут возникать определенные трудности, связанные с проблемой идентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» с профессиональным сообществом и формирования образа профессионала.

Под **профессиональной идентичностью** в профессиональной деятельности Н.С. Пряжников понимает «осознавание себя, выбирающего и реализующего способ взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности» [цит. по: 18, с.155].

В ходе становления профессиональной идентичности выделяется ряд этапов, прохождение через которые — непростой процесс, связанный с переживанием критических периодов. Неоптимальный ход профессиональной идентификации может приводить к возникновению проблемных аспектов профессиональной идентичности не только у осваивающих профессию учеников, но у относительно давно существующих в профессии субъектов.

Л.Б. Шнейдер [17], используя классификацию Дж. Марсиа различает следующие статусы профессиональной идентичности: достигнутая идентичность; мораторий; преждевременная идентичность; диффузная идентичность; псевдоидентичность.

Ю.П. Поваренков [12] на основе проведенных исследований идентичности студентов педагогического вуза выделяет следующие этапы становления профессиональной идентичности в вузе, начиная с 1 курса:

- школьная идентичность — мораторий (поиски новых форм идентичности) и кризис идентичности в 3 семестре;
- студенческая (академическая) идентичность — мораторий (уточнение старых и поиск новых форм идентичности) и кризис идентичности в 6–7 семестре;
- учебно-профессиональная идентичность — мораторий и кризис идентичности, второй год самостоятельной работы;
- профессиональная идентичность.

Е.П. Ермолаева [6] предлагает рассматривать профессионала как субъекта, включенного в структуру идентификационных отношений системы «человек — профессия — общество». Профессиональную идентичность Е.П.Ермолаева считает высшим уровнем их взаимного соответствия, но отмечает возможность проявления различных степеней неидентичных форм. Предельным выражением неблагополучия профессионализации является **профессиональный маргинализм**.

Профессиональный маргинализм — это «социально пограничное состояние, поведенческий и концептуальный антагонист профессиональной идентичности и **особая стратегия** социальной реализации субъекта при рассогласовании компонентов системы **«человек—профессия—общество»** [6, с.8].

На основе анализа работ по психологии профессиональной идентичности, вслед за Н.В. Евтешиной [5], мы предлагаем определить **военно-профессиональную идентичность** как многомерное, интегративное (лично-групповое) явление, представляющее собой степень отождествления военнослужащего с профессией и включённости в профессиональную группу на основе осуществления служебной деятельности и социальных представлений о профессиональных качествах военнослужащего, в результате чего происходит восприятие, а также эмоциональная оценка военнослужащими самих себя, характеристик военной профессии и подразделения; при этом возникают различные эффекты

взаимодействия, прежде всего, проявляющиеся в ценностно-профессиональном единстве.

Можно утверждать, что условия становления профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» в ВУ МО РФ, имеют определенную специфику.

Во-первых, нужно отметить необходимость освоения двух аспектов профессии: «военного» и «психологического».

Во-вторых, значимым условием является выполнение курсантами ряда профессиональных задач уже в ходе обучения в вузе (несение воинской службы), в отличие, например, от студентов «гражданских» вузов, осваивающих специальность «ПСД». Студенты не решают профессиональных задач в ходе обучения в вузе в качестве необходимого условия обучения.

Наконец, практика показывает неопределенность конкретного варианта профессиональной реализации курсантов, обучающихся по специальности «ПСД», после окончания военного вуза, которая сопровождается ограниченностью возможностей самостоятельного выбора будущей профессиональной позиции. Должности, на которые направляются курсанты, окончившие военный вуз, необязательно тесно связаны с психологической работой. Весьма часто курсанты становятся заместителями командиров подразделения по работе с личным составом, могут занимать командирские должности.

Анализ литературы по теме исследования, а также обобщение опыта работы авторов с курсантами ВУ МО РФ, обучающимися по специальности «Психология служебной деятельности», позволяют выдвинуть следующие **гипотезы эмпирического исследования.**

Гипотеза 1. В ходе профессиональной самоидентификации курсантов, обучающихся по специальности «ПСД», наблюдаются противоречия, связанные с объективными различиями профессионально важных качеств офицера (военнослужащего) и психолога. Если в представлениях курсантов о психологе будут выражены черты, связанные с субъект–субъектным взаимодействием, недирективным стилем общения с людьми, то в представлениях об офицере будут выражены маскулинные черты, востребованные в ходе решения задач в жестко регламентированных (в ряде случаев — экстремальных) условиях воинской службы и значимые для управления подчиненными. В представлениях о военном психологе и заместителе командира по работе с личным составом (далее — «ЗКРЛС») проявятся коммуникативные качества, значимые в процессе воспитания и оказания психологической помощи. Восприятие курсантами специфики деятельности военного психолога и «ЗКРЛС» «на стыке» военной сферы и сферы деятельности специалистов «помогающих» профессий определяет противоречия, которые затрудняют формирование образа идеального представителя данных узких воинских специальностей, а также становление профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности».

Гипотеза 2. Выбор узкой специальности «ПСД» для значительного числа курсантов, обучающихся по данной специальности, явился мало осознанным, зависящим от случайных факторов, по сути, «выбором без выбора». Желание стать офицером у многих курсантов не подкреплялось адекватным представлением о выбранной узкой воинской специальности и желанием ее осваивать. При этом затрудняется профессиональная идентификация. Ее становление происходит в период обучения в выбранном вузе, а, возможно, откладывается и на более поздний период.

На основе анализа литературы и сформулированных гипотез была создана модель исследования военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «ПСД». Представляется, что в ходе изучения профессиональной идентичности целесообразно выделять такие ее аспекты, как **отношение к делу, «Я» (образ Я, Я-концепция), осознание принадлежности к профессиональной группе с ее местом в социуме.**

Л.Б. Шнейдер [19] выделяет следующие источники профессиональной идентичности:

- объективно существующий образовательно-профессиональный компонент;
- субъективно выражающаяся система ожиданий и предпочтений, идеальные образы профессии;
- признание значимыми Другими тебя как профессионала;
- профессиональная самопрезентация;
- профессиональные нормы (ценности) и атрибуты (лексикон, мифы, стереотипы);
- эмоционально-положительный фон, на котором происходило получение первичной информации о своей профессии;
- положительное восприятие себя как субъекта профессиональной деятельности;
- эмоционально-позитивное принятие своей принадлежности к профессиональному сообществу;
- успешное освоение правил и норм профессиональной деятельности;
- мера ответственности, которую индивид может на себя взять;
- уровень личностного развития;
- мотивационная готовность к самореализации в избранной профессии.

В соответствии с данной моделью был выделен ряд психологических методик и показателей для использования при проведении эмпирического исследования идентичности курсантов, обучающихся по специальности «ПСД» (табл. 1).

Охарактеризуем использованные в исследовании **методики**. Во-первых, это **униполярный личностный семантический дифференциал** (Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю.) [16] с рядом дополнительных шкал, в соответствии с задачами исследования. Курсантам

были предложены для оценки конструкты «Я», «Идеал Я», «Идеальный офицер», «Идеальный заместитель командира по работе с личным составом» (далее - «Идеальный ЗКРЛС»), «Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог», «Настоящий мужчина». Использовались 74 униполярных шкалы.

Следующая методика — «Уровень субъективного контроля» (адаптация Бажина Е.Ф., Голынкиной С.А., Эткинда А.М.). Далее — для изучения содержательных характеристик идентичности испытуемых, их оценок собственных идентификаций и степени согласованности этих оценок применялась методика «Кто я?» (модификация А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой, В.А. Емелина [13, 14]).

Таблица 1.

Источники идентичности, показатели и методики эмпирического исследования

Источники профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер)	Показатели и методики исследования
Субъективно выражающаяся система ожиданий и предпочтений, идеальные образы профессии	Показатели оценки профессиональных конструктов (семантический дифференциал (СД))
Признание значимыми Другими тебя как профессионала	Показатель социального признания идентификаций (модифицированная методика «Кто я?»)
Положительное восприятие себя как субъекта профессиональной деятельности	Показатель интернальности в сфере производственных отношений (методика УСК)
Эмоционально-позитивное принятие своей принадлежности к профессиональному сообществу	Показатель социальной идентичности и показатель эмоциональной оценки идентификаций (модифицированная методика «Кто я?»)
Мера ответственности, которую индивид может на себя взять	Показатели интернальности (методика УСК)
Уровень личностного развития	Оценка себя по отношению к субъективному идеалу (уровень самооценки) — СД; уровень интернальности (методика УСК), позитивные и согласованные идентификации (методика «Кто я?»)
Мотивационная готовность к самореализации в избранной профессии	Показатели мотива избрания профессии и специальности (анкета), показатели осознанности временной перспективы (показатель «Перспективное Я» в тесте «Кто я?», данные анкеты)

В отличие от оригинальной методики М. Куна — Т. Макпартленда, модифицированный вариант предполагает оценку испытуемыми, насколько им нравится каждая идентификация, частоты актуализации отдельных идентификаций, степень их важности и признанности другими. В итоге образуется четыре шкалы: эмоциональная оценка, значимость,

психологическая центральность и воспринимаемое социальное признание. Обработка данных осуществлялась на основе шкалы анализа идентификационных характеристик. Она включает в себя 24 показателя, образующих 7 компонентов идентичности: «социальное Я», «коммуникативное Я», «материальное Я», «физическое Я», «деятельное Я», «перспективное Я», «рефлексивное Я». Для более углубленного изучения особенностей военно-профессиональной идентичности курсантов Военного университета, обучающихся по специальности «ПСД», в каждом компоненте (и показателе, его образующем) дополнительно были выделены идентификации, связанные с профессиями «военнослужащий» и «психолог». Они не составляли группу отдельных показателей и категорий, но при интерпретации результатов позволили раскрыть субъективное восприятие курсантами своих профессиональных идентификаций.

Также для исследования была создана авторская анкета с открытыми вопросами, направленная на выявление мотивов выбора университета и специальности, представлений о профессиональной перспективе и профессиональных образах-типажах.

В работе использовались также методы статистической обработки данных: корреляционный и кластерный анализ, факторный анализ, анализ значимости различий распределения признака и др. методы. В исследовании был принят 5%-й уровень значимости. Обработка данных, полученных в ходе эмпирического исследования, осуществлялась с помощью статистического пакета IBMSPSSStatistics 22.

Характеристика выборки исследования. В исследовании приняли участие курсанты Военного университета МО РФ, обучающиеся по специальности «Психология служебной деятельности».

На 1 этапе (2016 год) в исследовании приняли участие 72 курсанта 3 курса 2013 года набора. Возраст испытуемых 1 исследования — от 19 до 26 лет. Средний возраст испытуемых — 22,3 лет. Средний стаж в Вооруженных силах — от 3 до 9 лет (в среднем — 3,6 лет). В ходе данного этапа исследования были апробированы методики и определены методы обработки результатов. Частично данные 1 этапа исследования опубликованы в статье [7]. Как будет показано ниже, основные закономерности, выявленные при анализе результатов данной группы испытуемых, сохраняются и в других группах испытуемых, принявших участие во 2 этапе исследования.

На втором этапе (2017 год) в исследовании приняли участие 67 курсантов 3 курса 2014 года набора. Возраст испытуемых — 19–26 лет. Средний возраст испытуемых — 21,8 лет. Средний стаж в Вооруженных силах — от 3 до 7 лет (в среднем — 3,6 лет).

В анализ профессиональных конструкторов и показателей интернальности включены результаты 3 этапа исследования. Выборку на этом этапе составили курсанты 2 курса обучения, набора 2015 года, также обучающиеся по специальности «ПСД». Возраст испытуемых — 19–24 лет. Средний возраст

испытуемых — 20,9 лет. Средний стаж в Вооруженных силах — от полутора лет до 4,5 лет (в среднем — 2,5 года). Все испытуемые мужского пола.

В дальнейшем данные трех подвыборок будут обозначаться соответственно **3–1** (3 курс, 1 этап исследования); **3–2** (3 курс 2 этап исследования) и **2–2** (2 курс, 2 этап исследования). Данные подвыборки не объединяются, поскольку, как будет показано ниже, по ряду показателей были получены значимые различия распределения.

Количество обработанных бланков меньше, чем участников исследования, поскольку ряд бланков были заполнены некачественно, и исключены из дальнейшей обработки. Рассмотрим **результаты эмпирического исследования.**

Результаты анкетирования

Мотивационная основа выбора профессии и характеристики идентичности раскрываются на основе сравнительного анализа результатов 1 и 2 этапов исследования.

С этой целью были определены 2 группы испытуемых (подвыборки 3-1 и 3-2). Исследования проводились в 2016 и 2017 годах, когда курсанты находились на 3 курсе обучения.

В ходе анализа ответов на вопросы авторской анкеты нам удалось получить следующие результаты.

Большинство курсантов в качестве причины, побудившей поступить в ВУ МО РФ, назвали военную службу. Это 40% испытуемых подвыборки 3-1 и 31% подвыборки 3-2. Ответы курсантов группы 3-1 расположились следующим образом — ситуационные факторы внешнего локуса (18%), высокое качество образования (17%), престиж (15%), лишь 6% ответов содержат идентификацию со значимыми другими, и 4% — представление о возможности развития в условиях ВУ. Мотивы курсантов группы 3-2, помимо военной службы, включают идентификации со значимыми другими (16%), ситуационные факторы внешнего локуса (14%), престиж (13%), высокий уровень образования в ВУ (7%), желание заниматься достойным делом (6%), представление о том, что обучение в ВУ способствует развитию (4%). Стоит отдельно отметить, что лишь в 5% ответов курсантов группы 3-2 причина поступления в ВУ связана с выбором специальности «Психология». Среди их товарищей из группы 3-1 подобный мотив вообще отсутствует.

В связи с этим встает вопрос о мотивах выбора специальности. По результатам нашего исследования, выбор специальности «ПСД» связан, в первую очередь, с ситуационными факторами внешнего локуса — *например, с тем, что только на эту специальность была возможность поступить* — это 34% ответов курсантов группы 3-1 и 24% - 3-2). Во-вторых, выбор специальности «ПСД» связан с представлением о психологии как об интересной науке (27% ответов курсантов группы 3-1 и 26% — 3-2). Среди ответов курсантов группы 3-2 — 19% связаны с желанием реализовать себя на военной службе и приобретением для этого знаний в области психологии. Среди курсантов группы 3-1 таких ответов всего 4%. В группе 3-2 значительно

больше тех, кто при помощи психологических знаний планирует «разобраться в себе» (10% ответов). Среди курсантов группы 3-1 этот параметр составляет 1%. Помимо указанных причин выбора специальности «ПСД», испытуемые отмечают стремление работать в сфере «человек-человек» (группа 3-1 — 14%, группа 3-2 — ответ отсутствует), стремление помогать людям (группа 3-1 — 11%, группа 3-2 — 6%), предрасположенность к профессии психолога (группа 3-1 — 8%, группа 3-2 — 9%), стремление управлять другими (группа 3-1 — ответ отсутствует, группа 3-2 — 2%), и то, что профессия психолога востребована (группа 3-1 — 1%, группа 3-2 — ответ отсутствует).

Значительное число испытуемых планируют поступать в адъюнктуру (60% курсантов группы 3-1 и 45% группы 3-2). Это может быть связано как с перспективой построения карьеры, так и с желанием сохранить прежнюю социальную ситуацию, продлить обучение, а вместе с тем — период моратория в становлении профессиональной идентичности. Отметим, что если это лишь очередной шаг в построении карьеры, то не обязательно он будет связан со специальностью, которую курсанты получают сейчас.

Рассмотрим образы-типажи, которые ассоциируются у курсантов с профессиональными позициями офицера, психолога, заместителя командира по работе с личным составом и военного психолога.

Образ офицера для курсантов чаще всего ассоциируется с военными деятелями Российской империи (группа 3-1 — 33%, группа 3-2 — 21%) и советскими военными деятелями (группа 3-1 — 31%, группа 3-2 — 22%). В подавляющем большинстве испытуемые отмечают Александра Васильевича Суворова и Георгия Константиновича Жукова. Ответов, относящихся к категориям «военные деятели Российской империи» и «советские военные деятели», больше среди испытуемых группы 3-1. Курсанты группы 3-2 чаще своих товарищей отмечают персонажей художественной культуры (группа 3-1 — 14%, группа 3-2 — 18%), офицеров подразделений, где служили или учатся в настоящий момент (группа 3-1 — 4%, группа 3-2 — 13%), своих отцов (группа 3-1 — 3%, группа 3-2 — 8%) и российских (современных) деятелей (группа 3-1 — ответ отсутствует, группа 3-2 — 7%). В 6% ответов каждой группы отмечены правители Российского государства.

Перечисляя образы, связанные с профессией психолога, курсанты чаще отмечают зарубежных и отечественных ученых-психологов, преподавателей ВУ, персонажей художественной культуры и родителей. Курсанты подвыборки 3-2 значительно реже испытуемых из подвыборки 3-1 ориентируются на отечественных ученых-психологов и чаще — на персонажей художественной культуры, преподавателей ВУ и родителей.

Значительное число испытуемых затруднились перечислить образы, которые ассоциируются у них с заместителем командира по работе с личным составом (в группе 3-1 — 25%, в 3-2 — 30%). Те, кто справились с этим вопросом, дают следующие варианты ответов. В подвыборке 3-1 испытуемые отмечают преподавателей ВУ (29%) и легендарных отечественных военных деятелей (20%), реже — персонажей художественной культуры (9%) и

офицеров подразделений, где служили или учатся в настоящий момент (2%). В отличие от испытуемых группы 3-1, для их товарищей из группы 3-2 это один из самых популярных ответов (19%). Далее в подвыборке 3-2 следует выбор персонажей художественной культуры (15%), преподавателей ВУ (9%), легендарных отечественных деятелей (8%) и образа отца (7%).

Большинство затруднений у испытуемых вызвал вопрос, связанный с образом военного психолога. На него затруднились ответить 50% испытуемых группы 3-2 и 39% группы 3-1. Те курсанты, кто смог ответить на вопрос, отмечают следующие образы: преподаватели ВУ (среди курсантов группы 3-1 таких ответов значительно больше — 34%, группа 3-2 — 9%), отечественные военные деятели (10% и 4% соответственно), персонажи художественной культуры (группа 3-1 — 4%, группа 3-2 — 6%), офицеры подразделения, где служили (группа 3-1 — 3%, группа 3-2 — 4%). В ответах испытуемых группы 3-2 чаще остальных образов отмечен образ отца (10%). Доли курсантов, затруднившихся назвать ассоциации с теми или иными профессиональными позициями, представлены в рис. 1.

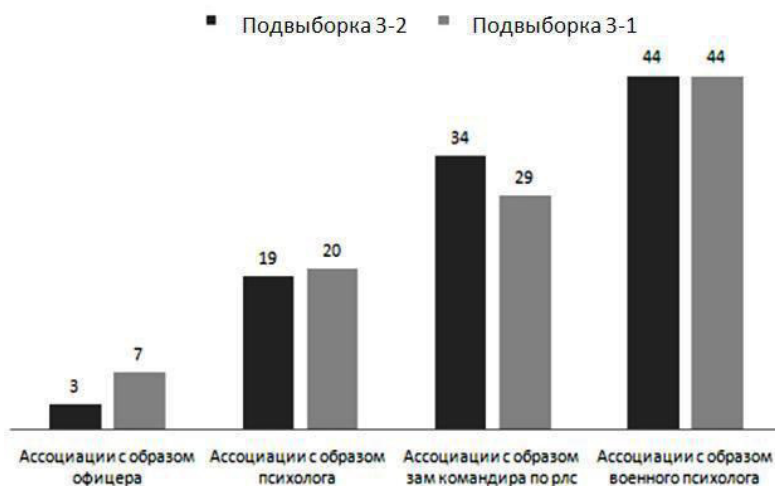

Рис. 1. Сравнительный анализ затруднений с профессиональными ассоциациями (%).

Еще раз обратим внимание на то, что большинство затруднений курсантов связаны с образами «ЗКРЛС» и военного психолога. Те, кто смогли дать ответы, ориентировались в первую очередь на преподавателей ВУ (подвыборка 3-1), либо на образ своего отца и офицеров подразделений, где служили или сейчас обучаются (подвыборка 3-2). Таким образом, формирование представлений о специальности «ПСД» связано не только со знаниями о выдающихся представителях профессий и героях фильмов, но и,

главным образом, с профессиональной социализацией, опытом взаимодействия с военными психологами и офицерами подразделений, представителями военного вуза, который у многих испытуемых отсутствует или недостаточный.

Результаты модифицированной методики «Кто я?»

Далее обратимся к результатам, полученным при помощи методики «Кто я?». Анализ этих данных позволил выявить характер распределения идентификаций по основным категориям. Большинство идентификаций испытуемых подвыборки 3-2 образуют категории «социальное Я» (41%) и «рефлексивное Я» (34%). Далее следует «деятельное Я» (11%). Одинаковое положение занимают «коммуникативное Я» и «перспективное Я» — по 6%. Меньше всего идентификаций представлено в категории «физическое Я» (2%). Категория «материальное Я» в ответах испытуемых этой подвыборки отсутствует. Сравнительный анализ с результатами исследования испытуемых подвыборки 3-1 показал, что категории ответов располагаются похожим образом, и категории сохраняют свое значение. Однако среди курсантов группы 3-2 значительно меньше тех, кто указывает идентификации, относящиеся к категории «социальное Я» (на 11%), практически на это же число увеличилось количество идентификаций категории «рефлексивное Я» (10%). Представленность категории «перспективное Я» увеличилось у испытуемых 2 этапа исследования в 2 раза с 3% до 6%. Распределение ответов испытуемых двух подвыборок представлено в рис. 2.

Рассмотрим соотношение параметров указанных категорий. «Социальное Я» представлено следующими параметрами: групповая принадлежность (27%), семейная принадлежность (26%), учебно-профессиональная позиция (14%), прямое обозначение пола (11%), мировоззренческая идентичность (11%), этническо-региональная идентичность (8%), сексуальная роль (3%). Несмотря на то, что сохраняется тенденция распределения идентификаций курсантов 3 курса разных годов набора в похожих пропорциях по тем же самым параметрам, выявлены и существенные отличия. Для подвыборки 3-2 семейная идентичность и учебно-профессиональные позиции имеют меньшее значение, чем для курсантов подвыборки 3-1. Помимо этого испытуемые группы 3-2 чаще отмечают групповую принадлежность, мировоззренческую и этническо-региональную идентичности. Среди всех идентификаций, принадлежащих категории «социальное Я», прямо или косвенно с военной профессией связаны 43%, с профессией психолога — 4%. Это больше на 10% и 1% соответственно, чем у испытуемых группы 3-1. Данные подкатегории «социального Я» наглядно представлены на рис. 3.

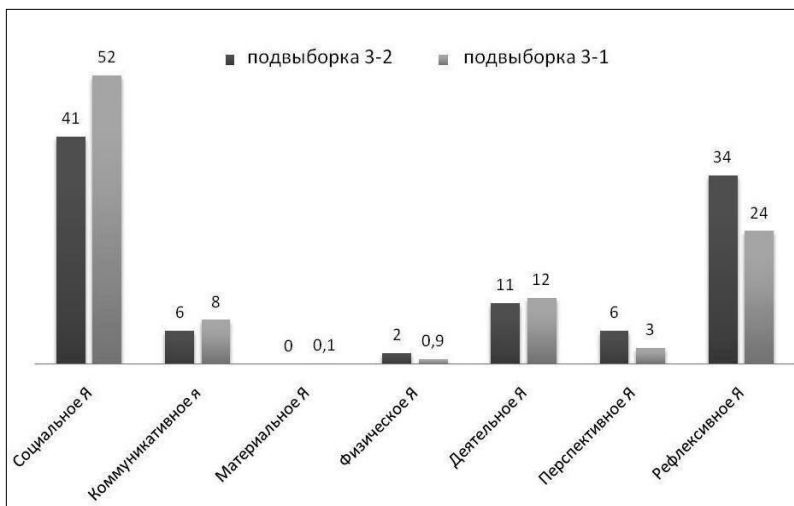

Рис. 2. Сравнительный анализ распределения ответов по основным категориям ответов в тесте «Кто я?» (%).

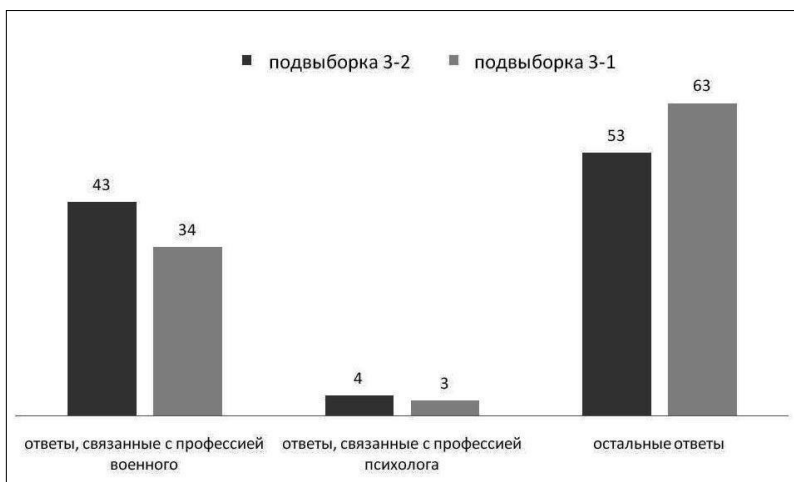

Рис. 3. Сравнительный анализ подкатегорий категории «социальное Я», тест «Кто я?», %.

Категория «коммуникативное Я» у испытуемых подвыборки 3-2 содержит, помимо ролей «друг» (53%) (в подвыборке 3-1 — 64%) и «товарищ» (соответственно 29% — подвыборка 3-2 и 36% у испытуемых группы 3-1), оценку общения (18%). Этот параметр отсутствует у испытуемых группы 3-1.

«Физическое Я» отметили лишь 13% испытуемых группы 3-2 и 7% группы 3-1. Данная категория включает фактическое описание курсантами своих физических данных (46%) (параметр отсутствует у испытуемых группы 3-1), субъективное описание своих данных (36%) (основной параметр «физического Я» испытуемых группы 3-1 — 75%), пристрастие в еде, вредные привычки (18%) (25% у испытуемых группы 3-1).

Одной из наиболее значимых для курсантов категорий является «рефлексивное Я». По количеству ответов эта категория уступает лишь «социальному Я». Большой вес эта категория имеет подвыборке 3-2. Преобладание возникло не за счет глобальных, экзистенциальных идентификаций (человек, личность), а за счет рефлексии своих характерологических особенностей, индивидуального стиля поведения, эмоционального отношения к себе, т.е. того, что составляет персональную идентичность.

11% от общего числа идентификаций испытуемых группы 3-2 и 12% группы 3-1 принадлежит категории «деятельное Я». Ее составили ответы, раскрывающие увлечения, интересы, занятия, опыт курсантов, а так же их оценку своей способности к деятельности, знания, умения, навыки.

Как отмечалось выше, в ответах испытуемых не представлены идентификации, связанные с категорией «материальное Я». У курсантов отсутствует описание своей собственности, оценка своей обеспеченности и отношение к материальным благам, оценка своего отношения к внешней среде. Лишь один курсант подвыборки 3-1 отметил, что у него средний уровень дохода. Полученные результаты объясняются специфическими условиями организации быта курсантов и других военнослужащих, где элемент идентичности, связанный с обладанием материальными объектами, не может быть в полной мере актуализирован.

Особое внимание следует обратить на категорию «перспективное Я». В подвыборке 3-1 19% испытуемых дали ответы, связанные с перспективой. Их идентификации категории «перспективное Я» составили 3% от всех ответов данной группы испытуемых. В группе 3-2 39% испытуемых дали ответы, связанные с перспективой, и это 6% от всех ответов в данной подвыборке. Ориентация на будущее является важной характеристикой юношеского возраста и в значительной степени определяет настоящее. В представлениях курсантов о своей перспективе раскрываются наиболее значимые идентификации, которые они стремятся реализовать. Для курсантов подвыборки 3-1 это профессиональные и семейные идентификации. Упоминания о перспективе в других сферах в ответах испытуемых группы 3-1 отсутствуют. Более полно временной аспект идентичности представлен в ответах курсантов группы 3-2. В рамках «перспективного Я» испытуемые чаще отмечают наличие желаний и стремлений, оценивают свои стремления (32%). Далее следует профессиональная (29%) и групповая перспективы (16%). Лишь 10% ответов рассматриваемой категории относятся к семейной перспективе. Реже встречаются пожелания, намерения, мечты связанные с определенными

занятиями, увлечениями (деятельностная перспектива — 5%), персональными особенностями (персональная перспектива — 5%) и материальной сферой (материальная перспектива — 3%). Отсутствуют представления о коммуникативной и физической перспективе.

Рассмотрим детальнее параметр профессиональной перспективы. Он представлен двумя идентификациями — будущий военный и будущий психолог. Но пропорции этого параметра в группах 3-1 и 3-2 существенно отличаются.

Если у курсантов группы 3-1 профессиональной перспективе принадлежит больше половины identifications «перспективного Я», то в группе 3-2 это лишь 29%, и все они связаны с профессией военнослужащего. Если сравнить полученные результаты с идентификациями категории «социальное Я», то получим обратную ситуацию — у испытуемых группы 3-2 на 10% больше ответов, связанных с военной профессией. Другими словами, курсанты группы 3-2 чаще чувствуют себя обладателями военной профессии в настоящем, а их будущее связано с реализацией личных стремлений и желаний, тогда как в представлениях курсантов группы 3-1 будущее — это реализация роли офицера и семьянина.

Учитывая полученные результаты, а также соотношение субъективных и объективных характеристик всех identifications испытуемых, можно сделать вывод о преобладании социальной идентичности над личностной у курсантов группы 3-1, где высокий уровень определенности схемы «мы — другие» сочетается с низким уровнем определенности схемы «я — мы», и гармоничном становлении социальной и личностной идентичности у курсантов группы 3-2.

Важно отметить, что специальность, которую получают курсанты, не находит реализации в их профессиональной перспективе. Среди всех испытуемых лишь один указал идентификацию «будущий психолог».

В результате анализа эмоционально-оценочного тона identifications выявлено, что у 49% испытуемых группы 3-1 неадекватно заниженная самооценка. Среди курсантов группы 3-2 таких 27%. Самооценка считалась неадекватно заниженной, если количество отрицательно оцениваемых качеств по отношению к положительно оцениваемым составляет 50-100%, то есть курсант отмечал, что у него или нет достоинств, или их число достигает 50%. Неадекватно завышенная самооценка у 10% испытуемых группы 3-1 и 19% группы 3-2 (показатель высчитывался аналогичным образом). Полученные результаты говорят о неадаптивном состоянии идентичности у половины курсантов.

Анализ психолингвистического аспекта идентичности позволил установить преобладание в самоописаниях курсантов имени существительного — 84% в группе 3-1 и 71% в 3-2. Гораздо реже применяются прилагательные — 15% и 22%, глаголы — 1% и 7% соответственно. Полученные результаты совпадают с результатами других исследований, в которых применялась методика «Кто я?». Однако в нашем исследовании обращает на себя внимание отсутствие у большинства испытуемых в

самоописаниях частей речи, обозначающих действие. В группе 3-1 — 92% таких испытуемых, в 3-2 — 78%. Это может говорить о недооценке курсантами степени своей активности, источник которой, по их представлению, лежит вовне. Сделанное предположение подтверждается результатами анализа данных методики «Уровень субъективного контроля».

Таблица 2.

Рейтинги идентификаций курсантов

Рейтинг	Подвыборка 3-2		Подвыборка 3-1	
	Идентификации	Доля от общего числа ответов		Идентификации
1	человек	0,06	0,074	сын
2	сын	0,052	0,073	человек
3	курсант	0,049	0,06	брат
4	военнослужащий	0,04	0,056	мужчина
5	друг	0,031	0,053	курсант
6	спортсмен	0,029	0,046	друг
7	мужчина	0,029	0,044	военнослужащий
8	брат	0,023	0,034	спортсмен
9	личность	0,021	0,034	личность
10	гражданин	0,018	0,026	товарищ
11	<i>психолог</i>	0,016	0,023	внук
12	военный	0,013	0,019	военный
13	защитник	0,013	0,019	муж
14	будущий офицер	0,012	0,017	патриот
15	командир	0,012	0,012	защитник
16	патриот	0,01	0,011	будущий офицер
17	товарищ	0,01	0,011	гражданин
18	внук	0,01	0,009	<i>психолог</i>
19	парень	0,009	0,009	воин
20	племянник	0,007	0,009	ученик
21	муж	0,007	0,005	парень
22	сослуживец	0,006	0,005	племянник
23	борец	0,005	0,005	командир
24	др.	0,47	0,65	др.

На следующем этапе были выявлены наиболее часто встречающиеся идентификаций курсантов. Распределение категорий представлено в табл. 2. (Серым цветом выделены идентификации, связанные с военной службой, черным — семейные идентификации, курсивом выделена идентификация «психолог». В обеих выборках наибольший рейтинг имеют идентификации «человек» и «сын»).

На данном этапе исследования есть возможность проследить оценки каждой идентификации в подвыборке испытуемых 3-2. Сравнительные данные оценок идентификаций по 4-м шкалам представлены на рис. 4.

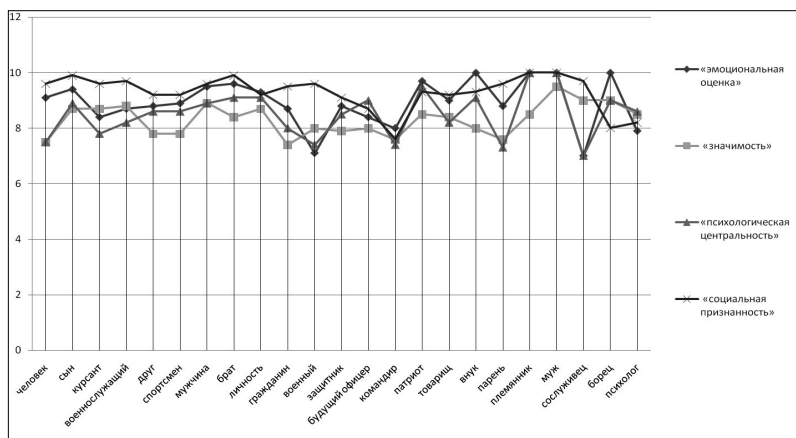
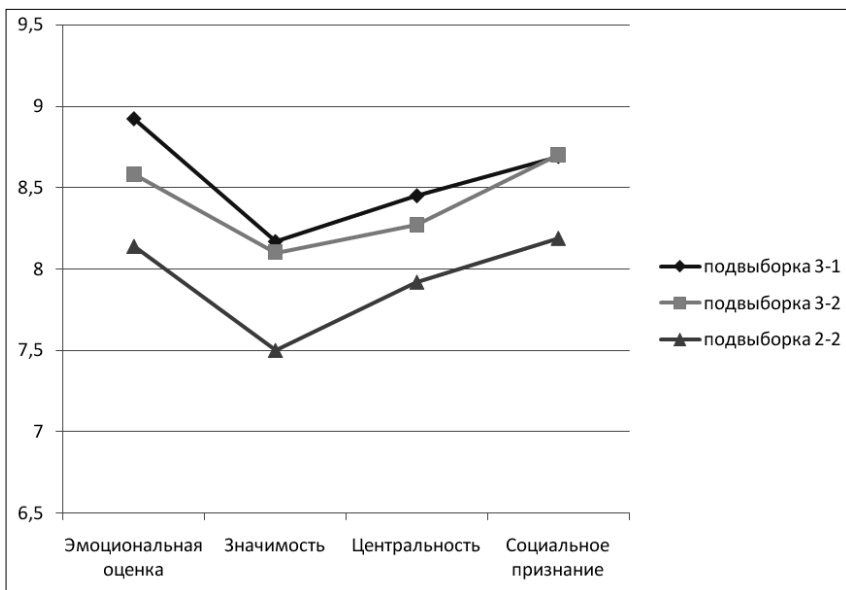

Рис. 4. Сравнительная характеристика оценок идентификаций по шкалам методики «Кто я?» (подвыборка 3-1).

Напомним, что каждая идентификация оценивалась курсантами с позиции эмоциональной оценки, значимости, психологической центральности и социальной признанности. Самые высокие оценки по всем четырем шкалам набрала роль «мужа». В целом, оценки семейных идентификаций значительно выше остальных. Обращает на себя внимание, что относительно остальных идентификаций профессиональная категория «психолог» набирает низкие оценки по всем шкалам. Подобная ситуация и с военно-профессиональными идентификациями: «военный», «курсант», «командир» и др. Таким образом, идентификации, объективно значимые, с точки зрения достижения военно-профессиональной идентичности, не являются, по представлению курсантов, социально признанными и не связаны с положительным переживанием своей идентичности.

Следует также отметить, что из рассматриваемых 23-х идентификаций 20 имеют значительно более высокие оценки по шкале «социальная признанность».

Средние показатели оценок всех идентификаций во всех 3-х подвыборках можно наблюдать на рис. 5. Некоторое снижение показателей на уровне тенденции заметно в подвыборке 2-2, хотя различия распределения показателей между подвыборками не значимы.

Рис. 5. Средние показатели оценок идентификаций (по всем трем подвыборкам).

С помощью U-критерия Манна-Уитни удалось установить значимые отличия распределения по шкалам «значимость» и «эмоциональная оценка» идентификаций; а также между шкалами «значимость» и «социальная признанность» во всех трех выборках. Значимые отличия между значениями других параметров не установлены. Уровень значимости различий оценок идентификаций в трех подвыборках показан в таблицах 3, 4, 5.

Корреляционный анализ показывает, что все 4 шкалы средних оценок идентификаций модифицированной методики «Кто я?» связаны положительно на уровне значимости не менее 0,05. Во всех подвыборках обнаружен один фактор, объединяющий все четыре показателя.

В подвыборках 3-1 и 3-2 самые высокие коэффициенты корреляции Спирмена выявлены между средними показателями значимости и психологической центральности; подобное значение в выборке 2-2 также весьма высоко. Наименьшие коэффициенты корреляции между показателем социальной признанности и другими показателями теста, особенно это выражено в подвыборках 3-2 и 2-2.

Таблица 3.

**Уровень значимости различий показателей оценок идентификаций:
средние значения (подвыборка 3-1)**

<i>Показатели</i>	<i>Эмоциональная оценка</i>	<i>Значимость</i>	<i>Психологическая центральность</i>	<i>Социальная признанность</i>
Эмоциональная оценка				
Значимость	0,002			
Психологическая центральность	0,29	0,107		
Социальная признанность	0,564	0,015	0,57	

Таблица 4.

**Уровень значимости различий показателей оценок идентификаций:
средние значения (подвыборка 3-2)**

<i>Показатели</i>	<i>Эмоциональная оценка</i>	<i>Значимость</i>	<i>Психологическая центральность</i>	<i>Социальная признанность</i>
Эмоциональная оценка				
Значимость	0,027			
Психологическая центральность	0,369	0,425		
Социальная признанность	0,492	0,007	0,087	

Таблица 5.

**Уровень значимости различий показателей оценок идентификаций:
средние значения (подвыборка 2-2)**

<i>Показатели</i>	<i>Эмоциональная оценка</i>	<i>Значимость</i>	<i>Психологическая центральность</i>	<i>Социальная признанность</i>
Эмоциональная оценка				
Значимость	0,005			
Психологическая центральность	0,269	0,061		
Социальная признанность	0,635	0,012	0,578	

Можно сделать вывод о том, что испытуемые находятся в процессе поиска (построения?) собственной идентичности, что характерно для юношеского возраста, отсюда относительное снижение показателя значимости

идентификаций (возможно, самая значимая идентификация еще не найдена). Кроме того, в условиях социальной изменчивости высокая значимость идентификаций, возможно, будет связана с их негибкостью, сложностью изменения, что не является адаптивным. Однако эти предположения нуждаются в специальной проверке.

Также об трансформационных процессах в сфере идентичности, связанных, предположительно, с интенсификацией процессов рефлексии, может свидетельствовать высокая корреляция значимости и психологической центральности идентификаций.

Для дальнейшего анализа результатов исследования в подвыборках 3-1 и 3-2 испытуемые были поделены на две подгруппы. Первая характеризуется высокими оценками идентификаций и их согласованностью. Вторую составили курсанты, чьи оценки идентификаций рассогласованы. Для определения степени рассогласованности рассчитывалось среднее значение и среднеквадратическое отклонение по каждой из четырех шкал. Согласованными считались значения меньше двух величин среднеквадратического отклонения. В группе с рассогласованными оценками идентификаций среднеквадратическое отклонение имело более трех величин. В результате было установлено, что у курсантов с согласованными оценками идентификаций доминанта выбора вуза чаще связана с военной службой, тогда как в ответах курсантов с рассогласованными оценками идентификаций, чаще встречаются ситуационные факторы внешнего локуса. Среди мотивов выбора специальности испытуемые с рассогласованными оценками также значительно чаще отмечают ситуационные факторы, такие, как «не было выбора», «случайно», «на эту специальность реально поступить», «подходили экзамены, которые сдавал в школе» и т.д. Таким образом, специфика мотивации выбора вуза и специальности обнаруживает связь со становлением военно-профессиональной идентичности в ходе обучения в Военном университете, по крайней мере, вплоть до 3 курса.

Результаты показателей семантического дифференциала

Исследования показывают, что представления студентов о будущей профессии могут сопровождаться рядом затруднений, искажений, расхождений с мнением о профессии идентичных профессионалов [8], это касается и представлений студентов-психологов [3]. Профессиональные представления могут уточняться в процессе обучения в вузе [2].

В данном исследовании с помощью метода семантического дифференциала в качестве сравниваемых конструкторов были взяты конструкторы «Я» и «Идеал Я», «идеальные» профессиональные конструкторы («Идеальный офицер», «Идеальный психолог», «Идеальный заместитель командира по работе с личным составом», «Идеальный военный психолог»), а также конструктор «Настоящий мужчина» ввиду значимости ценностей мужественности и важной роли маскулиных качеств в процессе профессионального развития будущего офицера.

А.М. Рикель [15] приводит данные Л. Готтфредсон о том, что представления о типично «мужских» и «женских» профессиях все еще сохраняются в обществе и влияют на формирование профессиональной Я-концепции. Согласно ее данным, в случае необходимости идти на компромисс в выборе профессии или места работы люди в первую очередь жертвуют интересом к работе, затем — общественной престижностью, и в последнюю очередь — «гендерным» фактором профессии. Можно предположить, что становление профессиональной идентичности курсантов происходит во взаимосвязи с гендерной идентичностью.

Одной из задач анализа данных семантического дифференциала было выделение семантических универсалий. **Семантическая универсалия** — это список выделенных для данного стимула координат (оценок по шкалам), одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых [16]. Были выделены семантические универсалии конструкторов отдельно для каждой из 3 подвыборок. Для принятия решения о включении признака (дескриптора) в семантическую универсалию использовался 10%-й интервал отступа (в ряде случаев в статье показаны и более точные данные — с 5%-м интервалом отступа). В семантических универсалиях подвыборок обнаружилась специфика, тем не менее, есть дескрипторы, входящие в семантические универсалии конструкторов во всех подвыборках.

Так, в семантическую универсалию конструктора «Я» входят только 3 общих для всех подвыборок дескриптора: «добрый», «доброжелательный» (высокие оценки признака), «подлый» (низкие оценки признака). Конструктор «Я» оценивается курсантами наименее однозначно. Так, в подвыборке 3-1 в семантическую универсалию входят 25 дескрипторов (признаков), в подвыборках 3-2 и 2-2 — по 9 признаков. В табл. 6 показаны все дескрипторы, входящие в семантическую универсалию конструктора «Я» (** — 5%-й интервал отступа; * — 10%-й интервал отступа).

В семантическую универсалию конструктора «Идеал Я» всех подвыборок входят 32 дескриптора: общительный, активный, умный, сильный, организованный, трудолюбивый, опытный, мужественный, смелый, тактичный, расчетливый, подвижный, эрудированный, знающий, практик, ответственный (с высокими значениями признака); замкнутый, пассивный, глупый, подлый, рассеянный, скованный, неуверенный, ограниченный, безалаберный, неопытный, недоброжелательный, неприятный, мелочный, изнеженный, закомплексованный, вредитель (с низкими значениями признака).

Таблица 6.

Семантическая универсалия конструкта «Я», все подвыборки

<i>Подвыборки</i>	<i>Высокие оценки показателей</i>	<i>Низкие оценки показателей</i>
Подвыборка 3-1	мужественный (2,50)** доброжелательный (2,48) ** оптимист (2,47) ** активный (2,44) ** добрый (2,42) ** общительный (2,39)* подвижный (2,39) * ответственный (2,37) * организованный (2,37) * патриот (2,37) * смелый (2,37) * тактичный (2,35) * простой (2,34) * естественный (2,34) * расчетливый (2,32) * честный (2,31) * сильный (2,31) *	изнеженный (0,37) ** подлый (0,40) ** неприятный (0,42) ** вредитель (0,44) ** глупый (0,53)* безалаберный (0,55)* замкнутый (0,56)* недоброжелательный (0,56)*
Подвыборка 3-2	активный (2,43) ** мужественный (2,42) ** доброжелательный (2,40)* добрый (2,52) * смелый (2,35) * оптимист (2,33) * подвижный (2,34)*	подлый (0,30) ** изнеженный (0,36) *
Подвыборка 2-2	доброжелательный (2,59) ** добрый (2,55) ** мечтательный (2,41) * ответственный (2,41) *	подлый (0,41) ** недоброжелательный (0,48) ** неприятный (0,57) ** мелочный (0,55) ** вредитель (0,55) **

При анализе семантических универсалий «профессиональных» конструктов выделяется 16 дескрипторов, которые включены во все семантические универсалии трех подвыборок: умный, организованный, трудолюбивый, опытный, тактичный, знающий, ответственный (с высокими оценками признака), глупый, подлый, рассеянный, неуверенный, безалаберный, неопытный, недоброжелательный, неприятный, вредитель (с низкими значениями признака). Также эти дескрипторы входят в семантическую универсалию конструкта «Идеал Я». Ряд данных качеств, вероятно, являются важными для любого профессионала; другие же качества (подлый, вредитель) определяют нравственное отношение курсантов в оценке профессионала.

Наиболее интересны различия дескрипторов, входящих в семантические универсалии «профессиональных» конструкторов. Так, спецификой семантической универсалии конструктора «Идеальный психолог» является включение дескрипторов «добрый» (с высоким значением признака) и «безвольный» (с низким значением признака). В семантические универсалии конструкторов «Идеальный ЗКРЛС» и «Идеальный психолог» входит дескриптор «доброжелательный», а в семантические универсалии конструкторов «Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог» входит дескриптор «спокойный». Семантические универсалии «Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС», в отличие от других «профессиональных» конструкторов, включают дескрипторы «общительный» и не «замкнутый».

Спецификой семантической универсалии конструктора «Идеальный офицер» является включение дескрипторов «честный», «доминирующий», «упорный». «Военные» профессиональные конструкторы включают такие специфические дескрипторы, как «активный», «сильный», «патриот», «смелый», «подвижный» (с высокими оценками); «пассивный», «изнеженный» (с низкими оценками).

Немаловажным оказывается и то, какие дескрипторы не включаются в те или иные семантические универсалии. Так, ни в одной из подвыборок в семантические универсалии «Идеальный офицер» не включаются дескрипторы «добрый», «спокойный», «общительный», «толерантный», «творческий». В семантическую универсалию конструктора «Идеальный психолог» не входят такие дескрипторы, как «смелый», «сильный», «доминирующий», «мужественный», «строгий», «пассивный», «подвижный», а дескриптор «активный» присутствует в семантической универсалии конструктора «Идеальный психолог» лишь одной из подвыборок.

Интересно, что такое профессионально важное качество специалиста помогающей профессии, как «эмпатичный» не входит ни в одну из семантических универсалий, а «толерантный» возникает в семантических универсалиях «Идеального психолога», «Идеального военного психолога», «Идеального ЗКРЛС» лишь в 3 случаях (из 9 возможных). Также неожиданным для авторов является факт, что дескриптор «патриот», входя в семантические универсалии «военных» профессиональных конструкторов всех трех выборок, тем не менее, не входит в семантическую универсалию «Идеала Я» ни одной из подвыборок. Он присутствует в семантической универсалии конструктора «Я» (в одной из подвыборок) и в универсалии конструктора «Настоящий мужчина (в двух подвыборках), но на десятипроцентном интервале отступа.

Итак, семантические универсалии включают как общие для всех профессиональных конструкторов дескрипторы, важные в любой специальности, так и специфические для той или иной профессиональной сферы.

В целом, при адекватном представлении о качествах «идеального» профессионала, курсантами упускается несколько важных характеристик специалистов психологической работы («эмпатичность» и «толерантность»).

В семантической универсалии конструкта «Идеальный офицер» присутствуют маскулинные качества, проявляющиеся в экстремальных условиях деятельности и в ситуациях, связанных с авторитарным типом общения с подчиненными. В то же время, эта семантическая универсалия не содержит дескрипторов, связанных с демократическим стилем взаимодействия с людьми. Напротив, в семантическую универсалию «Идеальный психолог» маскулинные качества не входят, но включаются качества, связанные с демократическим стилем взаимодействия. Семантические универсалии «Идеального ЗКРЛС» и «Идеального военного психолога» включают как дескрипторы маскулинных качеств, так и дескрипторы, связанные с демократическим стилем общения с людьми, то есть эти конструкты занимают промежуточное положение.

Можно выделить дескрипторы, входящие в семантические универсалии лишь одной из подвыборок. Например, в семантическую универсалию «Идеальный офицер» в одной из подвыборок входит дескриптор «строгий», а в семантическую универсалию «Идеальный ЗКРЛС» другой подвыборки входит дескриптор «доминирующий». Также необходимо отметить включение дескриптора «толерантный» в семантическую универсалию «Идеальный ЗКРЛС» (подвыборка 3-2), «Идеальный психолог» и «Идеальный военный психолог» (подвыборка 3-1). Эти данные также вписываются в указанную выше закономерность.

В семантической универсалии конструкта «Идеальный психолог», в отличие от «военных» профессиональных конструктов, отсутствуют показатели активности, динамичности (дескрипторы «активный», «пассивный», «подвижный»).

Семантическая универсалия конструкта «Настоящий мужчина», в отличие от конструкта «Идеальный офицер», содержит дескриптор «доминирующий» лишь в одной из подвыборок, а также содержит дескрипторы «спокойный», «общительный» (выделяющиеся при 10%-ом интервале отступа). То есть оценки маскулинных качеств «Идеального офицера» более однозначные, чем оценки маскулинных качеств «Настоящего мужчины».

Представляется интересным сравнить оценки различных конструктов по тем или иным качествам. Для анализа были взяты данные оценок всех трех подвыборок. Для выявления значимости различий использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

При анализе оценок конструктов по тем или иным качествам в подвыборках обнаруживается ряд сходств и значимых различий.

В подвыборках, в целом, дается позитивная характеристика всех профессиональных конструктов.

Все подвыборки сходны тем, что самое большое количество различий обнаруживается между оценками «Я» и оценками всех «идеальных» конструктов. Далее приводятся данные различий оценок «идеальных» конструктов («Идеал Я», «Идеальный офицер», «Идеальный ЗКРЛС»,

«Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог» и «Настоящий мужчина»). Максимальное возможное количество значимых различий одного «идеального» конструкта с другим «идеальным» конструктом по одному качеству — 15. Это означает, что во всех трех подвыборках по данному качеству наблюдаются значимые отличия данного «идеального» конструкта со всеми другими «идеальными» конструктами.

Значимые различия конструкта «Идеальный офицер» с другими конструктами

Конструкт «Идеальный офицер» имеет **значимо более низкие оценки:**

- по сравнению со всеми конструктами по качеству: **«добрый»** (во всех подвыборках);
- по сравнению со всеми идеальными конструктами по качеству **«общительный»** (кроме конструкта «Настоящий мужчина» во всех подвыборках, кроме конструкта «Идеал Я» в подвыборках 3-их курсов);
- по сравнению со всеми идеальными профессиональными конструктами по качеству **«спокойный»** (кроме конструктов «Идеальный военный психолог», «Идеальный ЗКРЛС» в подвыборке 2-2);
- по качеству **«мечтательный»** во всех подвыборках, по сравнению с конструктами «Идеал Я», «Идеальный психолог»; и с конструктами «Идеальный ЗКРЛС» и «Настоящий мужчина» в подвыборках 2-2 и 3-2 — всего 10 различий;
- по качеству **«поэтичный»**, по сравнению с конструктами «Идеальный ЗКРЛС» и «Идеальный психолог» (во всех подвыборках) и с конструктом «Идеал Я» (в подвыборке 2-2); с конструктом «Настоящий мужчина» (в подвыборках 3-их курсов) — всего 8 значимых различий;
- по качеству **«открытый»**, по сравнению с идеальными конструктами. Всего 7 значимых отличий (5 — на уровне 0,01, 2 — на уровне 0,05).

Конструкт «Идеальный офицер» имеет **значимо более высокие оценки:**

- по сравнению со всеми идеальными конструктами по качеству **«твердый»** (кроме «Идеальный ЗКРЛС» в оценке подвыборки 3-1 и «Настоящего мужчины» в оценках подвыборок 3-1 и 3-2) — 10 отличий, значимых на уровне не менее 0,001, 3 — на уровне 0,05;
- по сравнению со всеми идеальными конструктами по качеству **«грубый»** (кроме оценок «Настоящий мужчина» в подвыборках 3-1 и 2-2 и оценок «Идеального военного психолога» в подвыборке 2-го курса) — 9 отличий на уровне не менее 0,001; 3 отличия — на уровне 0,05;
- по качеству **«строгий»** с конструктами «Идеал Я», «Идеальный психолог» (во всех подвыборках); «Настоящий мужчина» (в подвыборке 2-2), «Идеальный ЗКРЛС» (в подвыборке 3-2) — всего 9 значимых отличий;
- по качеству **«доминирующий»** с конструктами «Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог» (во всех подвыборках), с конструктом «Идеальный ЗКРЛС» (в подвыборках 3-их курсов) — обнаружено 9 значимых различий;

- по качеству **«холодный»** — с конструктами «Идеал Я» и «Идеальный психолог» (во всех подвыборках), с конструктом «Идеальный ЗКРЛС» (в подвыборках 3-их курсов), с конструктом «Идеальный военный психолог» (в подвыборке 3-2); с конструктом «Настоящий мужчина» (в подвыборке 3-2) — всего 10 значимых отличий;

- по качеству **«сильный»**, по сравнению с идеальными конструктами; всего имеется 7 значимых отличий (4 — на уровне 0,01; 3 — на уровне 0,05);

- по качеству **«патриот»**, по сравнению с другими «идеальными» конструктами. Всего имеется 7 значимых различий; причем обнаруживается 3 значимых отличия с оценками конструкта «Идеальный психолог» на уровне 0,0001.

- по качеству **«вспыльчивый»**, по сравнению с конструктами «Идеальный психолог» (во всех подвыборках) и «Идеальный ЗКРЛС» (в подвыборках 2-2 и 3-2);

- по качеству **«мужественный»**, по сравнению с конструктом «Идеальный психолог» (во всех подвыборках на уровне 0,0001) и с конструктом «Идеальный военный психолог» (в подвыборках 3-1 и 2-2 — на уровне соответственно 0,01 и 0,05), с конструктом «Идеал Я» (в подвыборке 3-1 — на уровне 0,05) — всего 6 значимых отличий;

- по качеству **«смелый»**, по сравнению с конструктом «Идеальный психолог» на уровне не менее 0,01; с конструктом «Идеальный военный психолог» (в подвыборках 3-их курсов); с конструктом «Идеал Я» (в подвыборке 3-2) — всего 8 значимых отличий.

Данные различия оценок конструкта «Идеальный офицер» обобщены в табл. 7.

Представляет интерес также анализ различий оценок между другими профессиональными конструктами попарно.

Между оценками **«Идеального ЗКРЛС»** и **«Идеального военного психолога»** выделяются 11 значимых различий по качествам:

- **«добрый»**, **«поэтический»** (выше оценки «Идеального ЗКРЛС») — по 2 различия;

- **«открытый»** (выше оценки «Идеального ЗКРЛС»); **«эгоистичный»**, **«неуверенный»**, **«пассивный»** (выше оценки «Идеального военного психолога» - на уровне 0,05); **«творческий»** (выше оценки «идеального ЗКРЛС») и **«подлый»** (выше оценки «Идеального военного психолога» — на уровне 0,01) — по 1 различию.

Таблица 7.

Различия оценок конструкта «Идеальный офицер» с другими конструктами

<i>Оценки значительно выше</i>	<i>Оценки значительно ниже</i>
Твердый	Добрый
Грубый	Общительный
Строгий	Спокойный
Доминирующий	Мечтательный
Холодный	Поэтичный
Сильный	Открытый
Патриот	
Вспыльчивый	
Мужественный	
Смелый	

Итак, между оценками качеств «Идеального ЗКРЛС» и «Идеального военного психолога» различия минимальны, причем оценки, чуть более приближенные к социально одобряемому «полюсу» по данным качествам, получает «Идеальный ЗКРЛС».

Различия оценок «Идеального ЗКРЛС» и «Идеального психолога» более существенны. Проявилось всего 33 значимых различия. Во всех 3-х подвыборках наблюдаются значимые различия оценок таких качеств, как «**сильный**», «**твердый**», «**патриот**», «**мужественный**», «**смелый**», «**доминирующий**», «**строгий**» (из них 19 различий на уровне не менее 0,01; 3 — на уровне 0,05). Оценки данных качеств «Идеального ЗКРЛС» ближе к социально одобряемому «полюсу».

В 2-х подвыборках наблюдаются различия по качествам «**активный**» (на уровне 0,05), оценки выше у «Идеального ЗКРЛС»; «**вспыльчивый**» (на уровне 0,01, оценки ниже у «Идеального ЗКРЛС»).

Различия по качествам «**спокойный**», «**подвижный**», «**изнеженный**» (на уровне 0,05) выделяются лишь в одной из подвыборок. Данные сравнения обобщены в табл. 8.

Различия оценок «Идеального военного психолога» и «Идеального психолога» еще более выражены, особенно в подвыборках 2-2 и 3-2. Всего выявлено 39 значимых различий.

Во всех трех подвыборках наблюдаются различия между оценками показателей «**сильный**», «**твердый**», «**вспыльчивый**», «**патриот**», «**строгий**» (из них 12 на уровне 0,01; 3 — на уровне 0,05). По этим качествам выше оценки «Идеального военного психолога».

Таблица 8.

**Значимые различия оценок конструкторов
«Идеальный ЗКРЛС» и «Идеальный психолог»**

<i>Систематичность проявления различий</i>	<i>Выше оценки «Идеального ЗКРЛС»</i>	<i>Выше оценки «Идеального психолога»</i>
В 3-х подвыборках	Сильный Твердый Патриот Мужественный Смелый Доминирующий Строгий	
В 2-х подвыборках	Активный Вспыльчивый	
В 1-ой подвыборке	Подвижный	Спокойный Изнеженный

В двух из 3-х подвыборок наблюдаются различия, с одной стороны, по качествам «**добрый**», «**спокойный**», «**общительный**», «**открытый**», «**мечтательный**», «**поэтический**», «**творческий**» (выше оценки «Идеального психолога»); с другой стороны, по качествам «**грубый**», «**мужественный**» (выше оценки «Идеального военного психолога»). Данные сравнения обобщены в табл. 9.

Таблица 9.

**Значимые различия оценок конструкторов
«Идеальный военный психолог» и «Идеальный психолог»**

<i>Систематичность проявления различий</i>	<i>Выше оценки «Идеального военного психолога»</i>	<i>Выше оценки «Идеального психолога»</i>
В 3-х подвыборках	Сильный Твердый Вспыльчивый Патриот Строгий	
В 2-х подвыборках	Сильный Мужественный	Добрый Спокойный Общительный Мечтательный Поэтический Творческий

Анализ выявленных различий оценок по качествам конструкторов позволяет утверждать, что:

- Идеальные конструкты в восприятии курсантов можно условно расположить на шкале «феминности» — «маскулинности», причем «Идеальный офицер» оказывается более маскулинным, чем «Настоящий мужчина» в силу значимо более высоких оценок конструкта «Настоящий мужчина» по таким показателям, как «добрый», «мечтательный», «красивый», и, с другой стороны, значимо более высоких оценок «Идеального офицера» по таким качествам, как «твердый», «грубый», «строгий» хотя бы в одной из подвыборок.

- В оценках конструктов «Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС» выявлены как высокие оценки маскулинных качеств, так и высокие оценки качеств, требующихся в сфере субъект-субъектного взаимодействия с людьми.

- Оценки конструкта «Идеальный ЗКРЛС» более высокие (находятся ближе к социально одобряемому «полюсу»), чем оценки конструкта «Идеальный военный психолог».

- Оценки конструкта «Идеальный военный психолог» ближе к оценкам «Идеального ЗКРЛС», чем к оценкам «Идеального психолога». Вероятно, военный аспект профессии оказывается более значимым при восприятии курсантами качеств идеального профессионала, чем собственно «психологический» аспект профессии.

При сравнении различий оценок не между конструктами, а между подвыборками обнаруживается, что эти различия не носят однонаправленного характера. Различия оценок конструктов 3-х курсов столь же выражены, как и при сравнении их с оценками 2-го курса.

Количество и значимость различий оценок качеств одного и того конструкта между подвыборками, как правило, меньше, чем значимость различий между конструктами в рамках оценок одной подвыборки. Количество значимых различий оценок конструктов по качествам представлено в табл. 10. Сравнения приведены по выборкам попарно.

Кластерный анализ данных семантического дифференциала позволяет обнаружить как общие черты, так определенное своеобразие в каждой подвыборке.

Во всех подвыборках (рис. 6, 7, 8), можно выделить 2 кластера: в один входит конструкт «Я», находящийся на самом большом расстоянии от других конструктов; во второй кластер входят «идеальные» конструкты (включая конструкт «Настоящий мужчина»). При этом в кластере «идеальных» конструктов наименьшее сходство проявляется с другими конструктами у конструкта «Идеальный психолог». Остальные же конструкты чрезвычайно близки. При этом «Настоящий мужчина» на первом (подвыборки 2-2 и 3-2) или третьем этапе кластеризации (подвыборка 3-1) связывается с конструктом «Идеал Я».

Таблица 10.

**Количество значимых различий оценок конструкторов
в 3-х подвыборках**

Подвыборки	Конструкторы						
	Я	Идеал Я	Идеальный офицер	Идеальный ЗКРЛС	Идеальный психолог	Идеальный военный психолог	Настоящий мужчина
3-1 и 3-2	3	6	3	4	3	8	3
2-2 и 3-1	4	6	4	4	5	2	4
2-2 и 3-2	5	6	4	2	2	7	10

В подвыборке второго курса расстояние между конструктором «Идеальный офицер» и другими «военными» профессиональными и непрофессиональными «идеальными» конструкторами меньше, чем в выборках 3-х курсов.

Можно сделать вывод о том, что конструктор «Идеальный военный психолог» в представлении курсантов ближе, с одной стороны, к субъективному идеалу, а, с другой стороны, к «военным» профессиональным конструкторам, чем к конструктору «Идеальный психолог».

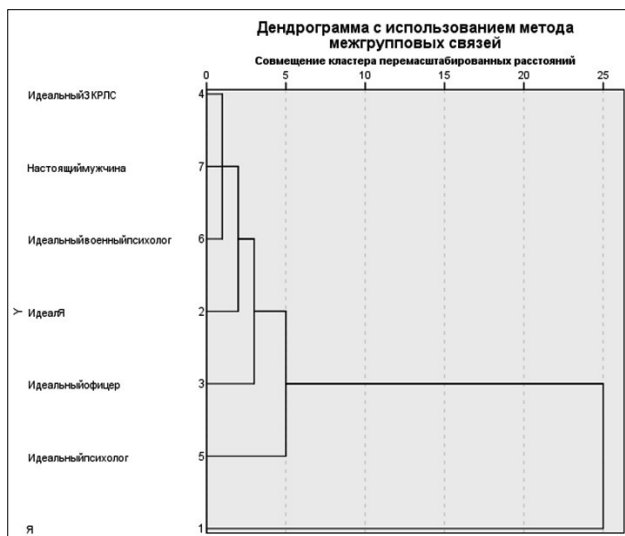

Рис. 6. Результаты кластерного анализа, подвыборка 3-1.

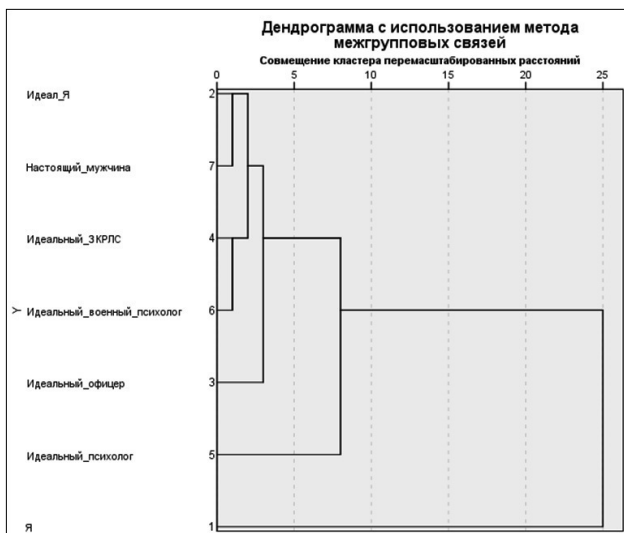

Рис. 7. Результаты кластерного анализа, подвыборка 3-2.

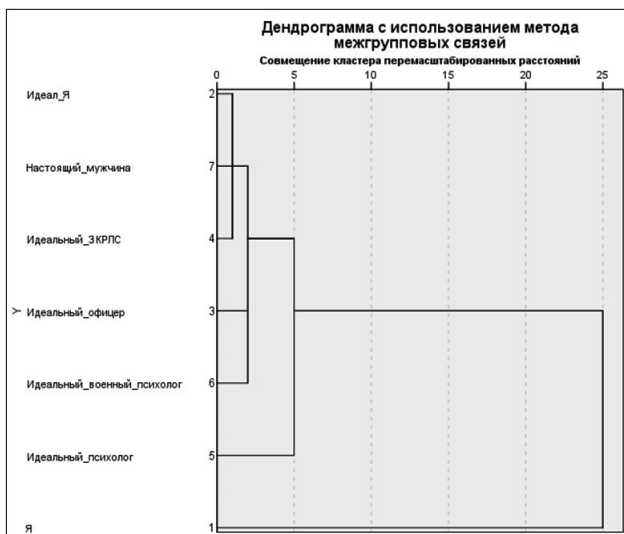

Рис. 8. Результаты кластерного анализа, подвыборка 2-2.

Результаты теста «Уровень субъективного контроля»

Анализ результатов теста «Уровень субъективного контроля» (далее — УСК) показывает, что, в целом, для большинства курсантов характерен высокий показатель общей интернальности (интернальная локализация контроля). Экстернальный локус контроля может проявляться по отдельным шкалам, и чаще всего обнаруживается в показателях интернальности в области производственных отношений и интернальности в области неудач. Во всех подвыборках по данным шкалам выявлены более низкие оценки, по сравнению с другими шкалами теста (использовался статистический U-критерий Манна-Уитни). Значимые различия данных шкал с другими шкалами представлены в табл. 11 (числовые обозначения показывают уровень значимости различий, незначимые различия выделены курсивом; Ио - шкала общей интернальности; Ид — шкала интернальности в области достижений; Ин — шкала интернальности в области неудач; Ис — шкала интернальности в семейных отношениях; Ип — шкала интернальности в области производственных отношений; Им — шкала интернальности в области межличностных отношений; Из — шкала интернальности в отношении здоровья и болезни).

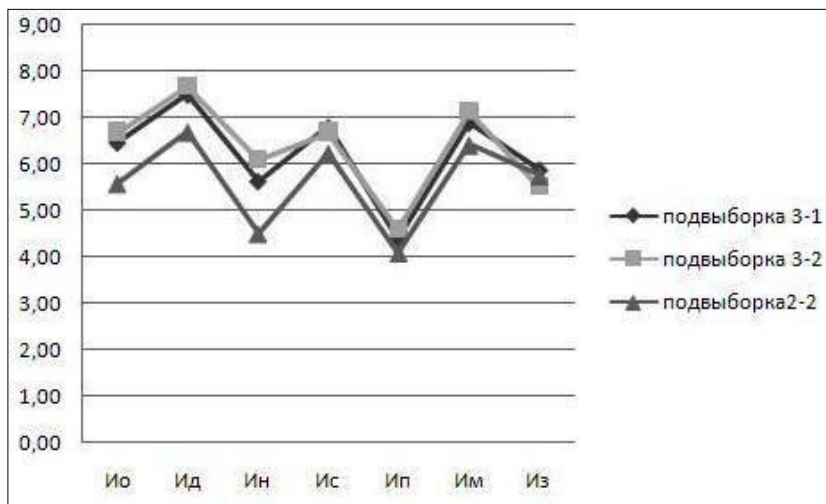
Таблица 11.

Значимость различий шкал «Ип» и «Ин» теста УСК

Показатели	Подвыборка 3-1		Подвыборка 3-2		Подвыборка 2-2	
	<i>Ип</i>	<i>Ин</i>	<i>Ип</i>	<i>Ин</i>	<i>Ип</i>	<i>Ин</i>
Ио	0,032	0,000	0,098	0,000	0,003	0,000
Ид	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Ин		0,002		0,000		0,210
Ис	0,002	0,000	0,081	0,000	0,000	0,000
Ип	0,002		0,000		0,210	
Им	0,001	0,000	0,003	0,000	0,000	0,000
Из	0,484	0,000	0,122	0,004	0,001	0,000

Графически данные теста УСК показаны на рис. 9 (условные обозначения те же, что в табл. 11).

Сравнительный анализ данных теста УСК по подвыборкам выявил, что между показателями интернальности в подвыборках третьих курсов различий не обнаружено. При сравнении с данными третьих курсов подвыборки 2 курса, выявлены значимо более высокие показатели общей интернальности, интернальности в области достижений, интернальности в области неудач в подвыборке 3-1 (на уровне 0,05) и, особенно, в подвыборке 3-2 (на уровне не менее 0,01). Также в подвыборке 2-2 значимо снижены показатели по интернальности в области производственных отношений и интернальности в области межличностных отношений, по сравнению с данными подвыборки 3-2.

Рис. 9. Показатели теста УСК 3-х подвыборок исследования.

Необходимо отметить отсутствие значимых различий по шкалам интернальности в области семейных отношений и интернальности в области здоровья и болезни между всеми подвыборками.

Общие выводы на основе анализа данных эмпирического исследования

Итак, анализ результатов эмпирического исследования позволяет выделить следующие **психологические проблемы становления военно-профессиональной идентичности** курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности»:

1. Если мотив выбора вуза у большинства курсантов связан с военной службой, то выбор специальности в большинстве случаев определяется внешними ситуационными факторами, что негативно влияет на переживание профессиональной идентичности в процессе обучения.

2. Относительно других идентификаций, идентификации «психолог» курсанты приписывают низкие оценки по всем шкалам модифицированной методики «Кто я?»: эмоциональная оценка, значимость, психологическая центральность и социальная признанность. Самые высокие оценки курсанты дают семейным, а не профессиональным идентификациям.

3. Объективно значимые для становления профессиональной идентичности курсантов идентификации не являются, по их представлению, социально признанными и не связаны с положительным переживанием своей идентичности.

4. Несмотря на то, что в результатах испытуемых разных выборок сохраняются основные тенденции, есть и существенные отличия, определяющие большую выраженность проблем идентификации в некоторых

подвыборках. У курсантов подвыборки 3-2 значительно выше уровень рефлексии, наблюдается баланс в развитии социальной и личностной идентичности, тогда как у курсантов подвыборки 3-1 социальная идентичность преобладает над личностной.

5. В целом, положительная и адекватная оценка курсантами образов идеального профессионала сочетается с недооценкой ряда профессионально важных качеств, необходимых в психологической работе (представления об «Идеальном психологе» и «Идеальном военном психологе»).

6. Выраженная маскулинность конструкта «Идеальный офицер» противостоит невыраженности ее в оценках «Идеального психолога». При этом в семантических универсалиях «Идеального ЗКРЛС» и «Идеального военного психолога» маскулинные качества сочетаются с качествами, необходимыми для субъект-субъектного взаимодействия в сфере «Человек-человек». Однако то, каковы механизмы сочетания в образе «Идеального военного психолога» и «Идеального ЗКРЛС» качеств доминантности, строгости и одновременно толерантности, доброты, требует специального изучения.

7. Значимость гендерного аспекта в становлении идентичности курсантов (включая ее профессиональные «проекции») подтверждается близостью военных профессиональных конструктов и конструкта «Идеал Я» к конструкту «Настоящий мужчина». Данные анкеты и семантического дифференциала позволяют заключить, что профессию психолога курсанты считают, скорее, женской, чем мужской.

8. В образе «Идеального военного психолога» курсантами акцентируются преимущественно его «военные» и в меньшей степени «психологические» аспекты. Образ «Идеального военного психолога» значительно ближе к образу «Идеального ЗКРЛС» и «Идеального офицера», чем к образу «Идеального психолога».

9. Формирование военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», по нашему мнению, усложняется в связи с низкими показателями интернальности в области профессиональных отношений, что может негативно сказаться на мотивации освоения военной специальности.

В целом, гипотезы исследования нашли свое подтверждение.

«Соединение» в единый образ профессионала «военных» и «психологических» профессионально важных качеств в представлениях курсантов не является легким и «автоматическим» процессом, поскольку данные качества могут в определенной степени противоречить друг другу. Это выявлено при анализе оценок профессиональных конструктов с помощью метода семантических универсалий и кластерного анализа. Оценки конструктов «Идеальный офицер» и «Идеальный психолог» имеют закономерные различия. Возможно, именно данный факт обуславливает отсутствие и конкретных образов-ассоциаций с профессиями военного психолога и заместителя по работе с личным составом у значительной части

курсантов. Это доказывает необходимость целенаправленной работы по формированию военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности».

Практические рекомендации по формированию военно-профессиональной идентичности

На основе результатов проведенного исследования считаем возможным сформулировать следующие **рекомендации** с целью оптимизации работы по формированию военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «ПСД» в Военном университете МО РФ:

- Обсуждение, формулирование **целей и задач** формирования военно-профессиональной идентичности и содействия профессиональному самоопределению курсантов, закрепление их в учебно-методических документах военного вуза.

- Проведение бесед профессорско-преподавательского состава кафедры психологии с командирами подразделений по вопросам закономерностей формирования социальной и личностной идентичности курсантов, по вопросам переживания кризисов идентичности. Активизация **взаимодействия факультета и кафедры** в ходе воспитательной работы с курсантами.

- Активизация взаимодействия курсантов, преподавателей, командиров подразделений с **психологической службой вуза**.

- Целенаправленное формирование **имиджа профессий** военного психолога и заместителя командира подразделения по работе с личным составом с привлечением **имиджей ведущих преподавателей и опытных офицеров**. Акцентирование маскулинных аспектов профессии военного психолога.

- Создание **курса «Введение в специальность»** для первокурсников. Проведение в рамках данного курса психологического **тренинга**, направленного на актуализацию личностной рефлексии, формирования образа Я, временной перспективы личности, образа будущей профессии курсантов. Также задачей данного тренинга может стать сплочение первичной группы и создание условий для формирования групповой идентичности курсантов.

- Преподавание отдельных разделов **курса «Военная психология»** на младших курсах или более интенсивная интеграция проблематики военной психологии в другие психологические дисциплины.

- Активизация **научной деятельности курсантов**, привлечение курсантов к участию в психологических конференциях учащихся и молодых ученых, проводимых как в Военном университете, так и в других учебных и научных психологических организациях.

- Побуждение курсантов к созданию и поддержанию **контактов в профессиональном психологическом сообществе**.

- Вовлечение курсантов в профессионально-ориентированное использование сети Интернет с целью интеграции курсантов с профессиональным сообществом.

- Более полное **использование ресурса практик** в войсках.

- Поддержание **вариативности учебно-профессиональной среды**, создающей условия для самоопределения курсантов.

- На протяжении всего периода обучения создавать условия (на практических учебных занятиях по профессиональным дисциплинам, в ходе тренинговой работы, встреч и бесед с практическими работниками, сотрудниками кафедры, адъюнктами) для **осознания «возможных Я»**, возможных траекторий жизненного пути, формирования временной перспективы личности.

- Индивидуализация психологической работы с курсантами. Психологическое сопровождение процессов личностной интеграции курсантов, включающее выявление и осознание внутриличностных конфликтов, ролевых конфликтов, выявление и осознание личностных ресурсов, необходимых для преодоления противоречий, возникающих в ходе воинской службы, в учебной и профессиональной деятельности.

- Активизация творческой активности курсантов, совместный с преподавателями выбор или создание **прецедентных текстов**, в которых проявляются образы-прототипы, выражающие ценности и смыслы современного идентичного военного профессионала.

- **Символическое оформление учебного пространства** курсантов (тематические стенды по психологии, портреты известных психологов и др.).

Еще раз подчеркнем важность оптимизации процесса становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «ПСД» в военном вузе. Исследование Е.Н. Евтешиной [5] показывает, что психологи силовых структур характеризуются общим низким уровнем профессиональной идентичности, их отличает низкий уровень удовлетворенности профессией. Е.Н. Евтешина полагает, что необходимо разрабатывать и внедрять специальные программы развития профессиональной идентичности психологов в различных сферах. В данном случае оптимизацию процессов становления профидентичности можно рассматривать, пользуясь подходом Е.П. Ермолаевой [6], как предотвращение профессионального маргинализма и гармонизацию не только внутриспсихических характеристик субъекта труда, но и гармонизацию отношений компонентов системы «**человек-профессия-общество**».

В настоящее время разработано ряд программ по формированию профессиональной идентичности студентов-психологов [например: 10, 11]. Данные программы и циклы тренингов показали свою эффективность в практике. А.Г. Караяни [9] полагает, что создание профессиональной среды, в которой находят свое применение интерактивные методы обучения, тренинговая работа — важнейшая часть «вращения» идентичности будущих военных психологов. По мнению А.Г. Караяни, «идентичность может

быть сформирована лишь в условиях профессионализированной военной среды, насыщенной военными профессионалами конкретного профиля, военно-психологическими идеями, информацией, событиями, делами, рутинной и т.д., позволяющей обучаемым уже в вузе адаптироваться к будущей профессиональной деятельности. Военный психолог «вращивается» на благодатной психологической почве в соответствующем психологическом климате в процессе повседневных контактов с носителями военно-профессионального опыта» [9, с. 4].

Мы присоединяемся к данному мнению, основываясь на результатах исследования проблем становления «смешанной» («дубальной») идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Специфические условия развития диктуют необходимость разработки специальных программ формирования военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «ПСД». Ведь для данной категории военнослужащих существуют особые трудности идентификации: мотивация выбора психологической профессии «в погонах», сложность формирования образа профессионала на пересечении «военной» (жесткой, экстремальной) и «психологической» (гуманной, эмпатичной) сфер деятельности, проблема понимания смысла профессии военного психолога не только курсантами, но и офицерами-командирами курсантских подразделений.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что формирование военно-профессиональной идентичности курсантов должно вписываться и в более широкий социальный контекст (модернизации Вооруженных сил РФ, быстрого изменения рынка труда под влиянием усиливающихся социальных трансформаций). Учитывая глобальные закономерности идентификационных процессов современного человека, необходимо предусматривать вариативность направлений социального, личностного и профессионального развития курсантов, создавая условия для становления открытого, «информационного» стиля идентичности, по М. Берзонски [1], для поддержания интереса курсантов к целому спектру профессиональных позиций в сфере «Человек-человек».

Литература

1. *Белинская Е.П., Бронин И.Д.* Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. С. 12.— URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.10.2017).

2. *Быкова Е.А.* Формирование представлений о профессионально-важных качествах психолога у студентов психологического факультета // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №1.— URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-predstavleniy-o-professionalno-vazhnyh-kachestvah-psihologa-u-studentov-psihologicheskogo-fakulteta> (дата обращения: 10.10.2017).

3. *Володина К.А.* Изучение образа профессии у студентов-психологов // Концепт. 2013. №7 (23). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-obraza-professii-u-studentov-psihologov> (дата обращения: 10.10.2017).

4. *Данилов С.И.* Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего // Инициативы XXI века. 2017. № 1–2. С. 87–91.

5. *Евтешина Н.В.* Профессиональная идентичность психологов: Учебное пособие. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2012.

6. *Ермолаева Е.П.* Оценка реализации профессионала в системе «человек — профессия — общество». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

7. *Казакова Л.П., Миронова Т.Ю.* Психологические проблемы профессиональной самоидентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности // Психология служения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур. М.: ВУ, 2017. С. 122–134.

8. *Казакова Л.П., Петушкова Е.В.* Содержание представлений студентов и работодателей о профессионально важных качествах в области рекламы и связей с общественностью // Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов: Сборник статей и выступлений участников международной научной конференции 9—11 июля 2015 г. / отв. ред. Н.С. Бачурина; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. С. 156–167.

9. *Караяни А.Г.* Особенности содержания и методики преподавания учебной дисциплины «Психологическое обеспечение служебной деятельности» в системе подготовки психологов для ВС РФ // Психология служебной деятельности: сборник научных статей. М. ВУ, 2014. С. 3–13.

10. *Коновалова О.В., Пашкевич Т.А.* Формирование профессиональной идентичности у студентов, обучающихся по психологическим специальностям // Вестник Шадринского государственного педагогического университета // 2013, № 2 (18). С. 170–175.

11. *Кутузова Д.А.* Проект программы «Выстраивание профессиональной идентичности психолога» в рамках психологической службы психологического вуза.— URL: http://www.narrative.ru/book_details (дата обращения: 8.09.17).

12. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. №24. С. 53–58.

13. *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А.* Идентичность как самоощущенность: индивидуальные вариации ценности, завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Т. 7. № 4. С. 13–18.

14. *Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш., Емелин В.А.* Идентичность как самоидентичность: индивидуальные вариации ценности, завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 2. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8. № 1. С. 5–16.

15. *Рикель А.М.* Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1 // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011, № 2 (16). — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 22.02.2017). 0421100116\0017.

16. *Серкин В.П.* Методы субъективной семантики и психосемантики. М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008.

17. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2007.

18. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001.

19. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004.

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF FORMATION OF PROFESSIONAL MILITARY IDENTITY OF CADETS MAJORING PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR THE UNIFORMED SERVICE STAFF

Kazakova Larisa Petrovna,

PhD in Psychology, senior lecturer of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: kazakovalp@yandex.ru

Maklakova Taisiya Yurevna,

PhD in Psychology, senior lecturer of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: mironova.taisiya@yandex.ru

Abstract: the paper reports the results of research of military professional identity of cadets majoring Psychological support for the uniformed service staff. The authors detect specific psychological problems of identity formation in cadets. These problems are the following low level of awareness of the choice of profession, and difficulties forming the professional image and professional perspective, low level of subjective control in professionalsphere.

Keywords: professional identity; military professional identity; self-image; professional image; professional associations; motivation of choice of profession; the level of subjective control in professionalsphere.

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КУРСАНТОВ

Утлик Эрнст Платонович,

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: e1937@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования динамики идентичности курсантов на начальных этапах их профессионального развития. Проведен многосторонний анализ понятия идентичности, включая его слабые стороны. Военно-профессиональная идентичность курсантов раскрывается как преобразование эго-идентичности под влиянием освоения профессии и продвижения в ней, то есть, успешное включение профессии в структуру личности, как она складывалась на предшествующих стадиях жизненного цикла. Профессиональная идентичность курсантов начинает складываться на основе опыта военной службы, а также эмоционально значимых воинских атрибутов. Ее развитие осуществляется благодаря серьезной внутренней работе курсантов, отслеживающих свои переживания, оценки и профессиональные изменения в своем поведении. Обосновывается необходимость индивидуального военно-профессионального психологического консультирования, помощи курсантам в осмыслении своего профессионального развития.

Ключевые слова: идентичность; военная идентичность; виды военно-профессиональной идентичности; профессиональная субидентичность; Я-концепция; самосознание.

Теоретические основы (введение)

Становление и развитие личности воина — «человека военного», профессионала, офицера — важнейшая цель университетского образования. Вся образовательная среда университета, служба, общение, быт должны строиться так, чтобы эта цель была четко сформулирована, запрограммирована и принята всеми, кто учится, учит и организует учебный процесс.

Естественно, что при самых благоприятных организационно-служебных и дидактических условиях нужный результат достигается усилиями каждого курсанта. Стать военным, офицером, профессионалом — это личный проект самого курсанта. Реализуя этот проект, он все глубже познает себя, ставит перед собой цели восхождения на более высокие уровни развития и отслеживает получаемые результаты, отмечая неудачи и трудности. И все это часто именуют идентичностью.

Сегодня уже не считают, как во времена Декарта, что человек может не знать, что происходит вокруг, но то, что творится в его душе, ему известно заведомо. Сегодня большинство людей убеждены в том, что их внутренний мир является предметом познания, не менее сложным, чем мир внешний, так

что для самосознания работы более чем достаточно. К.Роджерс утверждал: «Мне кажется, что в глубине души каждый человек спрашивает: «Кто я на самом деле? Как я могу соприкоснуться со своим подлинным "Я", которое лежит в основе моего поверхностного поведения? Как мне стать самим собой?» [4, с.154].

Как видно, идентичность человека — не является только сомнительным теоретическим конструктом. Она осознается и переживается, то есть, имеет свой когнитивно-эмоциональный референт. Он, например, присутствует в восклицании «Ай да, Пушкин, ай да, сукин сын!»; в самокритической реакции человека, который заметил ошибку в своих действиях; в удовлетворении, которым отмечается положительный рост в каком-либо отношении. Другими словами, люди обычно контролируют свою идентичность, чтобы не сделать или не сказать чего-нибудь, что давало бы повод сожалеть: «Я не мог «это» сделать...». Проблема идентичности выходит на первый план и тогда, когда человек ощущает, что какие-то части его тела или мысли не подчиняются его воле, или, как говорит ребенок у Г.С. Салливана, — «Это не я, это моя рука» [5, с.194].

Переживание идентичности — это, во-первых, переживание связи с собой самим, и во-вторых, переживание своей связи с другими людьми, то есть, осознание своей социальности, своего места в мире военнослужащих. Но достижение идентичности — это задача. Есть обстоятельства, при которых сознание себя самого не является вполне развитым и из-за своей узости не охватывает своей властью важные стороны жизни человека. Узость сознания или его односторонняя — внешняя — направленность приводит к слабости, а то и утрате контакта с самим собой, что затрудняет или делает невозможным эффективное влияние на себя, мешает управлять собственной жизнью [9, с.9].

Ряд психологов давно уже обратили внимание на разнообразные проявления идентичности и ее нарушения. Прежде всего, это З. Фрейд с его концепцией бессознательного, неуправляемая активность которого приводит к поведенческим ошибкам и болезням. Это, далее, Г.С. Салливан, который развивал понятие о «трех первичных персонификациях»: «Я-хороший», «Я-плохой» и «не-Я». В этом комплексе «Не-Я» — это «область личности», формирующаяся в раннем детстве под влиянием сильной интерперсональной тревоги и приводящая к нарушению и утрате самоидентификации. «Множество людей, — пишет Салливан, — упорно демонстрируют расщепленное поведение, говоря и делая то, о чем они не имеют и не могут иметь никакого представления, что может очень много значить для других, но совершенно бессмысленно для них самих» [5, с.164-165].

Идентичность не замыкается во внутренней рефлексивно-психологической системе индивида. Если идентичность служит во благо, то имеется «правильная» внешняя референтная точка, или позиция соотнесения. Она может иметь вид конкретного человека (героя), персонажа, социальной теории, совокупности профессиональных или иных ценностей. Для нормального функционирования индивидуальной идентичности необходимо,

чтобы позиция соотнесения соответствовала базовым социальным ценностям, — не была бы ни антиобщественной, ни асоциальной, потому что и сам человек исходно, и не антиобщественен, и не асоциален. Все люди рождаются принцами и принцессами, и только обстоятельства превращают их в лягушек.

Таким образом, во всех идентификационных переживаниях важную роль играет желаемое чувство внутренней и внешней ясности, интегрированности и целостности.

Для уяснения психологической природы идентичности полезно иметь некоторый контекст, — например, соотнести данное понятие с другими понятиями и теориями, которые решают сходные задачи. Необходимость этого тем более существенна, что понятие «эго-идентичности», как его представил Эриксон, нередко — и справедливо — обесценивается. Э. Гидденс, например, пишет: «Наименее интересные области работы Эриксона прославили его больше всего — речь идет об исследованиях формирования "эго-идентичности" и стадий развития личности от рождения до подросткового возраста и далее» [2, с.109].

И далее: «...сам термин "эго-идентичность" не вполне удовлетворителен. Мы уже говорили о том, что понятие "Эго" порождает в психоаналитической теории довольно много концептуальных проблем. Поэтому введение понятия "эго-идентичность" может лишь увеличить существующую путаницу. Сам Эриксон признает, что здесь возможны как минимум четыре коннотации: "осознанное" восприятие собственного Я, "бессознательное стремление к личностной целостности", "критерий скрытых действий эго-синтеза" и "поддержание внутренней солидарности и идентичности с идеалами группы". На наш взгляд, ни одно из этих значений не выглядит достаточно вразумительным; оставим же в покое понятие, включающее их все!» [2, с.110].

Кроме того, за время, прошедшее после Эриксона, предпринимались многочисленные попытки усилить обоснованность его теории, развивать ее в том или ином направлении, а то и просто — понять ее существо. Похоже, что значительных успехов эти попытки не принесли. Более того, появилось разочарование. В частности, Э. Бернс заметил: «проведенные на основе теории Эриксона исследования показали, что нет данных о том, что кризис идентичности носит нормативный характер. Кроме того, складывается впечатление, что не юность, а ранний подростковый возраст и начало пубертата являются той стадией, на которой проблема идентичности стоит особенно остро» [1, с. 204].

Представляется, что во всей этой понятийной сумятице два понятия все же близки к «идентичности»: самосознание и Я-концепция. Самосознание — это атрибут традиционной психологии, а «Я-концепция» — порождение когнитивно-гуманистического направления в психологии. Я-концепция — теория, хорошо структурированная, теоретически и методически обеспеченная. Можно предположить, что Я-концепция — понятие более широкое по сравнению с идентичностью. И тогда не будет большой ошибки,

если включить идентичность в Я-концепцию. Функция идентичности при этом будет заключаться в сознательной или бессознательной проверке (контроле, мониторинге) собственной подлинности, или «самости», как предпочитал говорить К.Г. Юнг.

Самопознание не такое простое дело, как полагают некоторые. Есть люди, которые не понимают того, какое чувство они переживают. Множество людей не знает своих способностей. Уже одно это незнание оправдывает определение Эриксона — «спутанная идентичность». Если человек находится, например, в чрезмерно возбужденном состоянии, он может принять решение, которое не соответствует подлинным ценностям и даже самой природе этого человека. Функция здоровой идентичности — предотвратить это решение, или хотя бы отметить факт проявления неидентичности в поведении.

Подход к профессиональной идентичности

Учитывая сложность человеческой личности и ее развитие, в том числе динамику психических состояний, можно допустить некоторое множество идентичностей (иногда их называют ролями). Какая-то из этих идентичностей (ролей) будет ключевой, центральной; вокруг нее группируются (интегрируются) остальные (см. рис.1).

Рис. 1. Структура индивидуальной идентичности как системы субидентичностей.

Принято считать, что на центральное положение претендует профессиональная идентичность, — так, по крайней мере, было раньше. Да и сегодня, для того, чтобы быть «всесторонним» индивидом, человек должен иметь средства для существования, то есть, быть профессионалом.

По мере того, как мир профессий утрачивает свою стабильность, а индивид становится все более активным и «субъектным», он получает возможность самостоятельно определять свои профессиональные обязанности, а, значит, и свою профессиональную идентичность.

Несмотря на «спутанность» самой концепции идентичности и на то, что Эриксон специально профессиональным развитием не занимался, есть повод прояснить некоторые вопросы профессионального развития молодых людей. Эриксон использовал понятие «профессиональная идентичность», указав на роль, которую играет этот аспект Эго-идентичности, и на трудность решения задачи достижения профессиональной идентичности. «...Более всего беспокоит молодых людей неспособность установить профессиональную идентичность. Чтобы сохранить свою общность, они временно начинают идентифицироваться с героями своих групп, клик, толп, вплоть до возможной полной потери своей индивидуальности» [8, с.143].

К «установлению профессиональной идентичности» молодой человек готовится, приобретая опыт на предшествующих стадиях своего жизненного цикла (см. рис. 2).

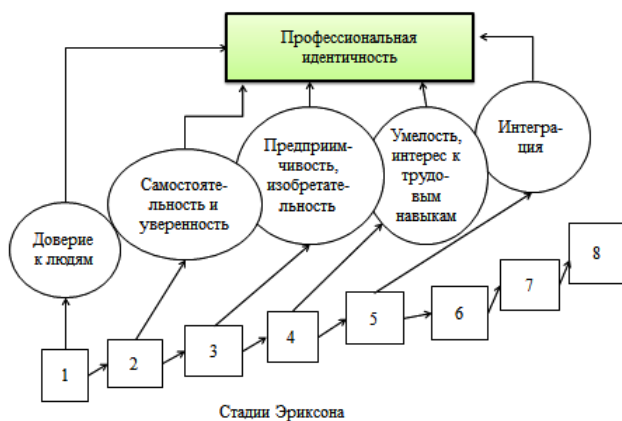

Рис. 2. Соотнесение стадий, по Э. Эриксону, с развитием профессиональной идентичности.

Трудно решать свою профессиональную проблему, не обретя «доверия к людям» (положительный результат первой стадии развития), не будучи самостоятельным и уверенным в себе (2 стадия), не имея «предприимчивости и изобретательности» (3 стадия), без «умелости и интереса к трудовым навыкам» (4 стадия) и, наконец, без способности интегрировать в себе свои различные достижения, ценности, цели и побуждения.

Эриксон более или менее тесно связывает профессиональную идентичность преимущественно с двумя (из восьми) стадиями жизненного цикла — четвертой и пятой. Из его теории следует, что особенно важные компоненты профессиональной идентичности развиваются на четвертой стадии жизненного цикла, обозначенной как «трудолюбие против чувства

неполноценности». Здесь намного раньше того возраста, в котором выбор профессии и укоренение в ней становятся безотлагательными, решаются задачи, имеющие непосредственное отношение к профессиональным формам поведения, и, следовательно, должны решаться правильно, то есть, с перспективой.

Ребенок «охотно соглашается приложить себя к освоению трудовых навыков и решению задач, которые заходят гораздо дальше простого игрового выражения модусов органа или получения удовольствия от функционирования конечностей. У него развивается усердие, трудолюбие, — то есть он приспособливается к неорганическим законам орудийного мира. Он способен стать крайне прилежной и абсорбированной единицей производительного труда. Довести производственную ситуацию до завершения — вот цель, которая постепенно вытесняет прихоти и желания игры. Это ребенка включает в свои границы его рабочие инструменты и навыки: принцип работы причает его получать удовольствие от завершения работы благодаря устойчивому вниманию и упорному старанию» [7, с.114-115].

Здесь уже могут проявиться трудности, связанные с переоценкой личностной значимости профессии. Если, пишет Эриксон, «ребенок воспринимает работу как единственный критерий собственной ценности, с излишним рвением жертвуя ради этого воображением и игрой, он может ... стать рабом своей технологии... Здесь мы уже вплотную приближаемся к проблеме идентичности, поскольку с установлением твердых исходных связей ребенка с миром орудий, умений и навыков и с теми, кто ими делится и им обучает, непосредственный вклад школьного возраста в становление чувства идентичности может быть выражен словами "Я есть то, что я могу научиться делать". Очевидно, что для подавляющего большинства мужчин во все времена этим не только начиналась, но и ограничивалась их идентичность; или, лучше сказать, большинство мужчин всегда стягивали потребности в идентичности вокруг своих способностей к техническим и другим профессиональным занятиям, оставляя специальным группам людей (отмеченным происхождением, призванием, одаренностью, собственным или общественным выбором) или устанавливая прерогативу, или оберегать "высшие" образования, без которых дневная работа мужчины всегда представлялась каким-то неадекватным самовыражением или просто однообразным и скучным времяпрепровождением, если не своеобразным проклятием» [8, с.138-139].

На пятой стадии («идентичность против смешения ролей»), согласно Эриксону, молодых людей «более всего беспокоит неспособность установить профессиональную идентичность» [8, с. 143], «связать роли и навыки, развитые и ценимые ранее, с профессиональными прототипами дня сегодняшнего» [7, с.116].

Неудачи интеграции профессиональных задач в динамику эго-идентичности порождают странные формы молодежного поведения, которые должны бы компенсировать эти неудачи: временная сверхидентификация (до

внешне полной утраты идентичности) с героями клик и компаний; юношеская любовь как попытка добиться четкого определения собственной идентичности, обособление в своем кругу и отвержение всех «чужаков», отличающихся от них происхождением, уровнем культуры, вкусами и дарованиями. Все это — защита против «помрачения» сознания идентичности.

Таким образом, развитие профессиональной идентичности — это успешное переструктурирование эго-идентичности под влиянием освоения профессии и продвижения в ней. И тогда профессиональная идентичность — это гармоничное вхождение в профессиональный образ жизни или, с другой стороны, успешное разрешение проблемы включения профессии в структуру личности, как она складывалась на предшествующих стадиях жизненного цикла. Освоение профессии, благоприятствующее сохранению и прогрессу эго-идентичности, означает также исправление тех погрешностей и не вполне преодоленных кризисов при прохождении более ранних стадий развития.

Случается, что некоторые исследователи переносят на профессиональную идентичность то, что характерно для «эго-идентичности». Ее формированию приписывают без должных оснований те же стадии, которые характерны для личностной идентичности. Л.Б. Шнейдер утверждает: «По Э. Эриксону, при становлении профессиональной идентичности человек проходит те же этапы, что и при социализации — доверие, автономию, инициативность, достижение, идентичность, интимность, творчество, интеграцию» [6, с. 157]. Это, как показано выше, не совсем так.

Особенности формирования профессиональной идентичности курсантов

Формирование профессиональной идентичности курсантов специфично в ряде отношений. Прежде всего, для многих — это исходное формирование «военной идентичности», осознание себя в качестве человека военного, военнослужащего, то есть, решение задачи более сложной, чем например, овладение профессиями людей, знакомых с детства, то есть, в известной степени персонифицированных. Во-вторых, этот процесс осуществляется вне привычного круга общения — семейного, школьного, территориального. В-третьих, — это формирование готовности к войне, к выполнению боевых задач, к вооруженной защите Отечества. Следовательно, речь идет о радикальной перемене жизненной идентичности.

Разумеется, профессиональная идентичность курсантов, овладевающих воинскими профессиями на базе психологии служебной деятельности, формируется очень индивидуально. В одном случае ее истоки теряются где-то в детстве, в другом — в школьные годы, а в третьем — после 1-2 лет военной службы.

Рассмотрим ряд эмпирических данных, характеризующих начальные этапы военно-профессиональной идентичности. Эти данные получены путем обобщения материалов пилотного исследования на основе метода незавершенных предложений. Курсанты 1 и 2 курсов говорили о том, когда они впервые ощутили себя военнослужащим (военным человеком), с какими

переживаниями связано у них осознание себя военным, как они видят перспективы своей военной карьеры и пр.

Таблица 1.

Факторы начала становления военно-профессиональной идентичности

Факторы	Количество %		
	1 курс	2 курс	Всего
Опыт военной службы, в том числе срочной	40	40	40
Отдельные воинские атрибуты (форма, погоны, оружие)	27	26	26
Военная присяга	20	18	18
Контракт, курс молодого бойца	13	16	15

Таблица 2.

Чувства, связанные с текущим этапом формирования военно-профессиональной идентичности

Содержание переживаний	Количество %		
	1 курс	2 курс	Всего
Гордость	47	30	33
Ответственность	13	21	19
Осознание верности сделанного выбора: понял, для чего я предназначен; буду нести достойно службу; понял, что я имею право называть себя защитником родины; стал развивать военное мышление и др.	20	16	16
Положительные изменения в себе и своем поведении: стал серьезнее, более организованным, появилось деловое отношение к службе, больше интереса к армии, стал увереннее (5 человек), понял, для чего предназначен, стал внимательнее к товарищам, принял тяготы службы, служить стало легче, появилось чувство взрослости и др.	20	21	21
Отрицательные и противоречивые переживания: все пропало; смирился со своей участью, приуныл на ближайшие 20 лет; захотел обратно в часть; расстроился и... принял как должное; растерялся..., но стал гордиться.	13	12	11

Как видно из таблицы 1, курсанты называют и важные причины, побудившие их принять профессиональное решение, и поверхностные. Они не упоминают о межличностных влияниях, о роли примера сослуживцев, друзей, должностных лиц. Внешний персональный фактор военной идентичности указывается только в виде поддержки принятого решения родными и близкими. Это можно рассматривать как проявление тяги к самостоятельности, независимости в своих решениях, что характерно для современной молодежи.

Нет явных указаний на самооценку своих способностей; по-видимому, этот вопрос считается решенным, поскольку пройден соответствующий отбор.

Рассматривая данные таблицы 2, можно сделать вывод о серьезной внутренней работе, которая идет в душах курсантов по поводу своей профессии и места ее в структуре личности. Они и заявляют об успешности и удовлетворенности, и видят необходимость значительных психологических перемен, и убеждают себя в правильности выбора своего жизненного пути.

Содержание таблицы 3 вполне адекватно отражает проблему личных и профессиональных перспектив, которая представляет собой сложное переплетение планов и неопределенности, надежд и сомнений.

В целом суждения курсантов отличаются уверенностью, что в известной степени согласуется с оценками В.А. Пономаренко, согласно которым для военного человека «профессионализм начинается до овладения профессией. «Он рождается с формирования потребности человека в добровольном, свободном выборе своей судьбы — преодолеть себя, пойти на риск в интересах других. Развиваемые совесть, свобода, дисциплинированность и самодисциплина, жизнелюбие и воля — вот первые нравственные ступени восхождения к вершинам нравственных ценностей — защищать чужую жизнь. Таким образом, личность профессионала созревает внутри себя и лишь затем ее разумное и чувственное содержание обретает социально значимую и профессиональную мотивацию» [3, с. 96].

Таблица 4 в целом подтверждает эмпирические данные, содержащиеся в двух предшествующих таблицах. Кроме того, она позволяет несколько расширить представления об особенностях военной идентичности курсантов. Здесь намечаются типологические элементы идентичности. Так, в первой колонке указанной таблицы сосредоточены признаки, которые объединяются понятием «*монопрофессиональной*» идентичности, которая на данном этапе своего развития не предполагает иных вариантов профессионального выбора. Вторая колонка — это указание на то, что фактически имеет место в карьере военного человека, — переход в иные силовые структуры. Этот вид идентичности можно предварительно назвать «*полипрофессиональным*». Третья колонка — несмотря на небольшое число высказываний — тоже свидетельствует о «*полипрофессиональности*», только не по организационному основанию, а по содержательному: наши психологи, как показывает практика, работают в различных сферах, помимо силовых структур.

И наконец, четвертая и пятая колонки, если исключить легкомыслие и поверхностное отношение к выполнению исследовательского задания, могут свидетельствовать об идентичности, которая не привязана к конкретной профессии, и которая может быть названа *профессионально-мобильной*, что в условиях современных и будущих преобразований в мире профессий, является очень уместным.

Таблица 3.

Субъективная оценка профессиональных перспектив (%)

Положительные чувства и мысли		Чувства неопределенности	Негативные реакции
Эмоции (всего — 65)	Деловой, трезвый подход (всего — 21)	(всего — 8)	(всего — 6)
<p>Думаю о моей семье (2). Радуюсь (4). Спокоен. Чувствую силу. Отношусь к этому с пониманием. Доволен. Вдохновляюсь. Гордость — (9). Ответственность — (9). Вновь настраиваю себя на положительный лад. Понимаю, что моя жизнь — это риск. Представляю себя полковником. Испытываю чувство удовлетворения. Чувствую нужность своей родине. Уверен в себе, в будущем (5). Становлюсь патриотичней. Настроение стало бодрым. Целеустремлен. Счастлив, что мне представилась такая возможность. Предвкусшаю ее непредсказуемость. Горжусь своим выбором, советую друзьям и др.</p>	<p>Ставлю перед собой цели, которые нужно выполнить в первую очередь. Ставлю цели на будущее. Смотрю на плюсы. Задумываюсь о защите и будущем моей страны. Осознаю, что мне много чего нельзя. Принимаю это. Понимаю, что защита страны на мне Осознаю, что служба не будет простой, но результат будет достойным. Убеждаюсь, что выбор правильный. Более ответственно принимаю решения. Знаю, что должен отдать долг Родине и преодолевать трудности храбро. Понимаю, какие ограничения и ответственность лежат на мне. Осознаю, что это мой выбор и др.</p>	<p>Испытываю смешанные чувства. Сомневаюсь в правильности выбора. Задумываюсь. Немного расстраиваюсь, что потрачу молодость на службу. Не верю в это. И др.</p>	<p>Хочу плакать. Огорчаюсь. Стараюсь не думать об этом. Боюсь. Думаю об одиночестве. И др.</p>

Мысли, высказывания, свидетельствующие об устойчивости профессионального выбора (%)

Варианты вынужденного, воображаемого выбора профессиональной карьеры				
Ничего, кроме военной службы (всего — 18)	Работа, близкая к военной службе (всего — 15)	Работа в качестве психолога (всего—7)	«Где угодно, не пропал бы» (всего — 28)	Прочее (всего — 18)
Разочаровался. Смог бы это сделать, но жизнь была бы совсем другой. Строил бы ее на основе знаний, полученных в военной среде. Исклучил бы эти обстоятельства. Не пережил такое. Огорчился. Постарался вернуться бы на военную службу и др.	Отдал бы долг отечеству по-другому. Попробовал бы себя в полиции или МЧС (2) Начал бы строительство карьеры с открытия охранного предприятия. Устроился бы в органы ГАИ и служил бы инспектором. Я бы строил карьеру, связанную с лишениями. И др.		Был бы: спортсменом режиссером инженером преподавателем физкультуры, водителем, агроном юристом актером, программистом строителем врачом тренером, работал бы в деревообрабатывающей промышленности. Ушел бы в творчество. Бизнес (4) и др.	Старался бы найти свое место. Нашел бы себе дело. Был бы очень этому рад. Занялся тем, что умею. Был бы не против. Преуспел бы и был бы счастлив. Я нашел бы себе не менее достойную профессию и добился бы не меньших высот. Нашел бы себя в другой сфере и др.

Заключение, выводы

1. Анализ литературы, посвященной вопросам идентичности, показывает наличие разброса в толковании понятия и феномена идентичности, неявного сведения к другим психологическим категориям, раскрытия при помощи таких понятий, как, например, ценности и компетенции, которые самодостаточны и ничего не добавляют к идентичности. Все это свидетельствует о затянувшейся моде на идентичность и не относится к науке. Приходится надеяться на то, что глубокие исследования в этой области еще в будущем.

2. Наблюдая за тем, как складывается профессиональная идентичность курсантов, следует сделать вывод о необходимости учитывать вклад в этот процесс предшествующих стадий жизненного цикла, что, впрочем, не просто. У каждого курсанта своя биография, свои условия и результаты прохождения ранних стадий, включая и накопленные нерешенные проблемы. Поэтому были бы полезны дополнительные меры профессионального и личностного самопознания и коррекции. Нужна система индивидуального военно-

профессионального психологического консультирования, ориентированная специально для курсантов.

3. Следует также задуматься над тем, как повысить профессиональную определенность в области военно-психологического образования, как готовить военных практических психологов различных специализаций: в областях боевой и психологической подготовки, военно-организационного консультирования, психологии воинского воспитания, психологии боя и др.

Литература

1. Бернс Э. Развитие я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
2. Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2005.
3. Пономаренко В.А. Авиация. Человек. Дух. М.: ИП РАН «Универсум», 1998.
4. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
5. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб.: «Ювента». М.: «КСП+», 1999.
6. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
7. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, 1996.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006.
9. Mellibruda J. Poszukiwanie samego siebie. Warszawa, 1980.

THE MILITARY PROFESSIONAL IDENTITY OF CADETS

Utlik Ernst Platonovich,

Doctor of Science (Psychology), professor of the Psychology Department at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
e-mail: e1937@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a theoretical and empirical study of the dynamics of the identity of cadets at the initial stages of their professional development. A multi-faceted analysis of the notion of identity, including its weaknesses, has been carried out. Military-professional identity of cadets is revealed as the transformation of ego-identity under the influence of mastering the profession and progress in it, that is, the successful inclusion of the profession in the structure of the personality, as it evolved in the previous stages of the life cycle. The professional identity of the cadets begins to evolve on the basis of experience of military service, as well as emotionally significant military attributes. Its development is carried out due to the serious internal work of cadets, tracking their experiences, assessments and professional changes in their behavior. The necessity of individual military-professional psychological counseling, assistance to cadets in comprehending their professional development is substantiated.

Keywords: identity; military identity; types of military professional identity; professional sub-identity; self-concept; self-awareness.

МИР УТРАТИЛ ЯСНОСТЬ ОЧЕРТАНИЙ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Мыррин Александр Валерьевич,

генеральный директор

ООО «Школа современных психотехнологий»,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВБОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

Аннотация. В статье раскрывается психологическое содержание категории идентичность. Описаны психологические признаки и свойства идентичности. Представлена авторская модель понимающего подхода к идентичности в психологии. Показаны механизмы и методы формирования идентичности. Раскрыто значение социализации, воспитания, идеологии и пропаганды в процессе формирования идентичности. Проанализированы внутренние и внешние психологические средства формирования идентичности. Дано позитивное определение идентичности.

Ключевые слова: идентичность; субъект идентичности; понимание; объект идентичности; время идентичности; психологическая дистанция; индивидуальная идентичность; коллективная идентичность; механизмы и методы формирования идентичности; социализация; воспитание; идеология; пропаганда; внутренние и внешние средства идентичности.

Для психологической науки утверждение примата условий среды обитания над приспособительными формами живых организмов аксиоматично. Когда XXВек предвещает рекордные по качеству и количеству изменения условий существования человечества в сравнении с предыдущими эпохами его истории, когда столь масштабны изменения как в природной (климатической) среде, так и во всём спектре социальных, экономических, политических, военных, гуманитарных и прочих отношений, это не могло не сказаться на ментальности современного человека. Его мир стал терять ясность привычных очертаний. Ментальные и физические границы мира пришли в движение, конечная цель которого человечеству не всегда понятна. Сознательное отражение этих изменений наталкивается на существенные трудности, психологическое содержание которых может быть описано понятием *кризиса идентичности*.

Слово идентичность, появившееся в латинском языке (*identicus*) и означавшее тождественность (одинаковость) с чем-то, сохранило свое значение в живом языке и в настоящее время: термин идентичный (тождественный), по существу, означает совпадение чего-либо с чем-нибудь. Для психического отражения он буквально означает совпадение внутренних, интериоризованных структур психики с объективно существующими в реальности объектами (явлениями).

В отдельных случаях утрата тождественности (кризис идентичности) может привести к деструкции существования как отдельной личности [3], так и больших групп людей, наций[4].

В психологической науке смысловое пространство понятия «идентичность» в разной степени и по разным основаниям соотносимо с широким кругом явлений. Так, к примеру, идентичность содержательно отражает концептуальные представления о единстве (идентичности строения) внутренней и внешней деятельности А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна [7] По своему результату идентичность подобна категориям «самоактуализация», «самореализация» А. Маслоу и «Я-концепция» К. Роджерса. В процессуальном значении идентичность совпадает с понятиями «индивидуация» К.Юнга, «интуитивное постижение» В. Дильтея, «личностный рост» К. Роджерса. Как одно из средств сознания идентичность соотносится с понятиями «личностный конструкт» Дж. Келли [5], «смысл» В. Франкла [10], «базовые способности» Н.Пезешкиана [8] и т.д.

Таким образом, семантический объем понятия идентичность позволяет относить его к разряду интегративных характеристик субъекта, а саму идентичность использовать как единицу анализа психического.

Для раскрытия психологического содержания идентичности, необходимо структурировать пространство его осуществления (см. рис.1).

Рис. 1. Структурно-логическая схема понимающего подхода к идентичности.

Субъект идентичности. Понимание

Действующее лицо ($S_{ид}$), носитель или приобретатель качеств идентичности, по нашему мнению, присваивает свойства объекта тождества или его отдельных частей в критические моменты жизни, которые имеют для него особую интимно-личностную значимость. В специальном смысле, субъект идентичности — инстанция индивидуального, творческого, духовного труда, который охватывает критические моменты жизненного пути человека.

Подобного рода ситуации всегда сопровождаются глубокими и интенсивными переживаниями, которые создают внутренние условия для интуитивного постижения своего объекта[6].

Понимание — процесс проникновения в смысл отражаемой реальности, его осознание и усвоение. Это понятие понимающей психологии, которое восходит к идеям немецкого философа и психолога В. Дильтея, считавшего основной задачей психологии раскрытие целостной душевной жизни личности путем понимания как основного метода наук о духе.

Понимание объекта тождества через переживание позволяет усвоить новое содержание и включить его в систему устоявшихся идей и представлений. Именно это обстоятельство создает серьезные сложности при его опознании и вербализации.

Субъект идентичности ($S_{ид}$) — инстанция индивидуального внутреннего напряженного труда, который охватывает критические моменты жизненного пути человека, переживающего (понимающего) тождество с объектом или его отдельной частью, свойством.

Требует специальной оговорки анализ соотношения понятий идентичности и идентификации. Большинство исследователей фиксируют их соотношении как процесса и результата, механизма и состояния, что в определенных случаях может быть оправданным. В предмете нашего анализа идентичность — субъектная характеристика, предполагающая активную работу самого человека, тогда идентификация — процесс пассивный, в психоаналитическом смысле бессознательный и объектный.

Объект идентичности. Время идентичности

Объектом идентичности потенциально может стать широкий спектр явлений реальности: планета, государство, этнос, конфессия, социальная роль, профессия, пол, другие люди или группа, историческое событие. В конечном итоге объектом может стать сам человек.

В зависимости от выбора объекта идентичности имеет смысл говорить об этнической, конфессиональной, профессиональной, гендерной и собственно человеческой идентичности, которые составят основное содержание его Эго-идентичности.

Первой исключительной особенностью объекта идентичности, по нашему мнению, является его историческая, культурная и социальная значимость, выраженная в достижениях. К примеру, победа в войне,

экономические и научные достижения, профессиональный успех, предмет искусства, прорывная идея, историческая личность, изменившая мир и т.д.

Результатом игнорирования этого могут служить примеры ошибочной стратегии утверждения национальной идентичности правящей «элиты» современной Украины. Отказ от победы Советского народа, в т.ч. украинского в Великой Отечественной Войне, подмена подлинных героев преступными личностями — Бандерой, Шухевичем и им подобных в УПА (намеренно оставляем в стороне моральную оценку действий этих персонажей) — создают хаос в индивидуальном и коллективном самосознании народа, по существу, отдаляя цель становления, пусть даже и «новой национальной идентичности». Проигравшие не могут быть объектом идентичности!

Второй особенностью объекта идентичности является его способность представлять тождественность отражаемого содержания в модусах трех времен: прошлого, настоящего и будущего. С миром прошлого объект идентичности связывают достижения предшествующих поколений, прошедшие проверку на подлинность временем, а следовательно, в логике развития настоящего, будут спроецированы в будущее.

Третьей особенностью объекта идентичности, по нашему мнению, является его способность служить агентом индивидуального/онтогенетического и общественного/филогенетического развития. Через объект идентичности, субъект опознает собственную индивидуальную неповторимость в подлинном, коллективно заданном достижении.

Через объект идентичности связывается личная и общественная история.

Объект идентичности ($O_{ид}$) — часть реальности, выбранная в качестве эталона тождества, связующая прошлое и будущее время в актуальном опознании субъектом собственной индивидуальной неповторимости в подлинном, общественно заданном достижении.

Объект идентичности, обладающий описанными выше свойствами, непосредственно затрагивает чувственный, феноменальный опыт субъекта, устанавливает живую, реалистичную связь между прошлым и будущим, индивидуальным и общественным.

Индивидуальное своеобразие формируется и осуществляется в коллективно-типичном, через выявление психологической дистанции. Психологическая дистанция, в нашем случае, характеризует чувственную близость субъекта идентичности к реальности, символически выраженной в объекте [9].

Психологическая дистанция — понятие, отражающее степень эмоциональной близости, интимно-личной значимости объекта идентичности.

Индивидуальная и коллективная идентичность, имея целостную природу существования, специфичны по механизмам, методам и средствам осуществления.

Механизмы и методы формирования идентичности

Индивидуальная идентичность реализуется *механизмом социализации* через включенность в систему социальных связей, освоения социальных ролей. Объем этих социальных связей основатель эпигенетической теории личности Э. Эриксон [11] называл радиусом социального взаимодействия. Роль общества, по его мнению, состоит в том, чтобы поддерживать и расширять социальные возможности человека, при этом сохраняя темп и заданную последовательность развития эпигенетически развертывающегося «плана личности».

Адекватная «социальной ситуации развития» [1] поддержка развертывающегося «плана личности», по нашему мнению, и составляет суть процесса воспитания.

Эпигенетическая концепция развития базируется на представлении о том, что каждая стадия жизненного цикла наступает в определенное для нее время — критический период (*Таб. 1*).

Согласно Э. Эриксону, каждая психосоциальная стадия сопровождается кризисом — поворотным моментом в жизни индивидуума, который возникает как следствие достижения определенного уровня психологической зрелости и социальных требований, предъявляемых к индивидууму на этой стадии, с акцентом на изменениях, происходящих в процессе жизненного развития человека.

Таблица 1.

Стадии психосоциального развития по Э. Эриксону

Стадия	Возраст	Кризис	Сильная сторона
1. Орально-сенсорная	до 1 года	Базальное доверие – Базальное недоверие	Надежда
2. Мышечно-анальная	1-3 года	Автономия – Стыд и сомнение	Сила воли
3. Локомоторно-генитальная	3-6 лет	Инициативность - Вина	Цель
4. Латентная	6-12 лет	Трудолюбие - Неполноценность	Компетентность
5. Подростковая	12-19 лет	Эго-идентичность – Ролевое смещение	Верность
6. Ранняя зрелость	20-25 лет	Интимность - Изоляция	Любовь
7. Средняя зрелость	26-64 год	Продуктивность - Застой	Забота
8. Поздняя зрелость	65 лет -	Эго-интеграция - Отчаяние	Мудрость

В теории Э. Эриксона особое значение имеет пятая стадия, при позитивном прохождении которой, формируется особое качество — верность. Верность — способность принимать и придерживаться морали, этики и идеологии общества, представляя собой место, где индивидуальная идентичность совпадает с идентичностью коллективной.

По нашему мнению, механизмом актуализации коллективной идентичности, является *идеология*. Отвлекаясь от либеральной трактовки понятия «идеология» как «несвободы», акцентируем внимание на коннотации термина как системы идеальных ценностей, регулирующих поведение и деятельность людей.

Соглашаясь с Э. Эриксонем, идеология — это неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое

мышление, целью которого является «...создание образа мира, достаточно убедительного для поддержания коллективного и индивидуального чувства идентичности» [12].

Адекватным предмету идеологии, методом формирования коллективной идентичности является пропаганда. Логический дискурс предмета нашего анализа предполагает понимать пропаганду как открытое распространение объекта/ов идентичности с целью формирования психологической дистанции с субъектом идентичности (лат. *propago* — «распространяю»; *propaganda* дословно — «подлежащая распространению (вера)»).

Средства идентичности

По нашему мнению, средствами идентичности могут выступать предметные или функциональные орудия, необходимые для формирования и развития идентичности.

По месту локализации они могут быть внешними и внутренними, по функциональной нагрузке — ориентированные на достижения в прошлом и средства ориентированные на достижения в будущем (как в первом, так и во втором случае деление условно и зависит от предмета анализа).

Внешние средства идентичности, как правило, представляют собой объекты, символическое содержание которых отражает историю и культуру достижений прошлого: это язык, государственная и национальная символика, исторические и художественные памятники, обычаи и традиции, национальная одежда (военная форма одежды), могилы предков и т.д. [2].

В этом ряду принципиальное место занимает национальный язык, в котором сохраняется, передается и воспроизводится народный опыт. Человек думает, говорит, общается и понимает себя в мире «на языке». Вне языка — национального, профессионального, гендерного и пр. — никакая идентичность недостижима.

Как лексический, грамматический, синтаксический и стилистический строй языка отражает национальный код народа, его идентичность, так образное содержание государственного герба, флага, гимна содержит общественно значимую память, возведенную в ранг того, что свято для гражданина, для государства.

Такую же функцию выполняют исторические и художественные памятники, в разной степени ограничивающие пространство идентичности конкретным достижением эпохи, — события, конкретные личности.

К примеру, психологический смысл памятника с очевидностью обнаруживается в традиционных обрядах прощания на могиле ушедшего. Ушел человек, а чувства к нему (любви, благодарности, признания и уважения) надо сохранить: сохранить значит создать место (форму), в котором чувство будет содержаться. Цивилизационной формой существования чувства является символ, ритуал. По мысли М.К. Мамардашвили, человек начинается «с плача по умершему». Родовая память, родовая идентичность оживает у «могильного камня» в чувстве благодарности предку.

Функционально идентичную (символическую) нагрузку выполняют атрибуты национального костюма или военной формы одежды. Так военно-профессиональная идентичность кодируется в преемственности символических элементов формы: цвет обмундирования, классический набор элементов (головной убор, расположение погон, петлиц, внешняя амуниция и т.д.), знаки различия и воинских достижений, правила ношения и т.д.

Описывая свойства объекта идентичности, мы говорили о проекции в будущее стоящего за ней полезного опыта. Средства реализации этой будущности опираются на внутренний ресурс самого человека или общности.

Внутренним средством идентичности является проекция актуального состояния субъекта в достижения будущности. Таковыми могут выступать: направленность, личностный рост, индивидуация, самореализация, творчество, чувство юмора, верность и т.д. Психологическое значение и смысл этих категорий в достаточной мере отражены в трудах соответствующих авторов и вынесены за рамки настоящей статьи.

Все вышесказанное позволяет содержательно уточнить психологическую наполненность понятия идентичность.

Идентичность в психологическом смысле — интегративная психологическая характеристика субъекта, выраженная в способности сохранять и поддерживать устойчивость образа «Я», собственную целостность, неразрывность личной и коллективной истории, достигаемая интуитивным опознанием в себе собственных индивидуально-типических особенностей, черт и способов поведения, которые переживаются как свои и достоверные через установление символическими средствами актуальной психологической дистанции между прошлым и будущим.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. *Данилов С.И.* Идентичность личности и народная культура // Педагогика искусства. 2017. №1. С. 32—37.
3. *Данилов С.И.* Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности// Инициативы XXI века. 2012. № 3. С.130—134.
4. *Данилов С.И.* Феномен революционного психоза // Инициативы XXI века. 2014. № 3. С.91—94.
5. *Келли Дж.* Теория личностных конструктов. СПб.: «Речь», 2000.
6. *Никифоров А.В.* Субъектность интуиции в пространстве переживаний // Инициативы XXI века. 2014. № 4. С.106—108.
7. *Общая психология: В 7 т.: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. — Т. 1 Введение в психологию / Е.Е. Соколова. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 175—182.*
8. *Пезешкиан Н.* Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. СПб.: Речь, 2001.

9. Утлик Э.П. Психологическая подготовка и военная психология // Аппаратные средства в психологической подготовке : Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Научно-методические аспекты использования программно-аппаратных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих» (Москва, 25 октября 2017 г.) / под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. М. : Военный университет ; Школа современных психотехнологий, 2018. С.11—20.

10. Франкл В. Человек в поисках смысла. Издат: Предание, 2015.

11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ./ Общ.ред. и предисл. Толстых А.В. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

12. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Университетская книга, 1996. С. 196.

THE WORLD HAS LOST THE CLEARNESS OF OUTLINES: THE CRISIS OF IDENTITY

Mimrin Alexander Valerievich,

CEO of «The school of modern psychotechnology»,
senior lecturer in the department of psychology at the Military University of the
Ministry of Defence of the Russian Federation
e-mail: Pyschool@inbox.ru

Abstract. The article reveals the psychological content of the category of identity. There are described the psychological characteristics and the properties of identity. There is presented the proprietary technology of an understanding approach to identity in the field of psychology. There are shown the mechanisms and methods of identity formation. There are revealed the importance of socialization, education, ideology and propaganda in the process of identity formation. There are analyzed the internal and external psychological means of identity formation. There is given a positive definition of identity.

Keywords: identity; subject identity; understanding; object of identity; time identity; psychological distance; individual identity; collective identity; mechanisms and methods of identity formation; socialization; education; ideology; propaganda; internal and external means of identity.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАДЕЖНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чекунов Антон Александрович,

начальник учебно-методической группы психодиагностических исследований профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии НИО по ИСПП войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: antpsix@yandex.ru

Поршукوف Андрей Сергеевич,

заместитель начальника отдела-начальник отделения ОПР ОМПО УРЛС ГУ МВД России по Красноярскому краю, andporsh@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятий профессиональная идентичность и профессиональная надежность военнослужащих войск национальной гвардии, их соотношение и практическое значение для военно-психологической практики.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; профессиональная надежность; профессиональная деятельность; смысл профессиональной деятельности; профессиональные ценности.

Решение о создании Федеральной службы войск национальной гвардии было принято для совершенствования военной организации государства и продиктовано в первую очередь потребностью повышения эффективности противодействия современным вызовам и угрозам [7, с. 2]. На войска национальной гвардии возлагается выполнение следующих задач: борьба с терроризмом и экстремизмом, участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, в территориальной обороне Российской Федерации и многое другое [13]. Таким образом, эта относительно молодая и новая «силовая структура» априори должны быть «надежным оплотом», вызывать доверие со стороны не только руководства страны, но и граждан.

В журнале войск национальной гвардии «На боевом посту» в августе 2017 года одна из центральных статей так и называлась «Кубок конфедераций: тест на надежность пройден» [6, с. 16]. Выполнение важных служебно-боевых задач обосновано можно считать «тестом на надежность», когда в реальных условиях безошибочно выполняются усвоенные и отработанные ранее действия, испытываются профессионально-важные качества и полученные знания в целом.

На наш взгляд, профессиональная надежность военнослужащего войск национальной гвардии — комплексное понятие, включающее в себя как

ценностно-смысловой, когнитивный, так и поведенческий аспекты, в том числе инструментально-профессиональный. Такое психологическое образование характеризуется не только динамическим соответствием поведения установленным требованиям, но и способностью при этом успешно, безошибочно справляться с профессиональными задачами [5, с. 5].

Ключевые внешние критерии профессиональной надежности: степень соответствия требованиям профессиональной деятельности и безошибочное выполнение служебных задач на протяжении заданного времени [12]. Ведь надёжность находится в прямой зависимости не только от индивидуальных особенностей, в том числе личностных факторов, но и от качества профессиональной подготовки [8].

Вместе с тем, «ядром» понятия профессиональной надежности является ценностно-смысловая составляющая, выступающая основой для формирования и развития гармоничной личности в ходе профессиональной деятельности. В этом аспекте особое значение имеет такое понятие, как профессиональная идентичность. На наш взгляд, военнослужащий который не идентифицирует себя с профессией, не разделяет ценности службы — не может, по определению, быть профессионально надежным. И наоборот, важным является то, насколько военнослужащий идентифицирует себя со своей профессией, насколько совпадают его интересы и ценности с интересами и ценностями военной службы и профессии. Идентичный, в определении толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, значит тождественный, полностью совпадающий [9].

По отношению к выполняемой деятельности сформированная профессиональная идентичность проявляется не только в принятии профессии в качестве средства самореализации и развития, но и в принятии ценностей профессионального сообщества, в успешности профессиональной адаптации [4, с. 53–57], в значимости членства в профессиональной группе [11, С. 32–49], в отсутствии противоречий между социально-профессиональными требованиями к человеку и его желаниями (возможностями) [14, с. 12], в доминировании внутренней мотивации над внешней [2], в субъектно-социально-деятельностном соответствии [3, с.110].

В различных источниках по-разному определяют понятие профессиональная идентичность, применительно к военнослужащим войск национальной гвардии представим ее в обобщенном субъектно-социально-деятельностном соответствии военнослужащего и профессиональной деятельности в процессе службы. Показателями развития идентичности являются: профессиональная самооценка, удовлетворенность трудом и отношение человека к системе ценностей, традициям и ритуалам, характерным для данной профессиональной группы [10]. Условно, профессиональная идентичность военнослужащих войск национальной гвардии бывает следующих уровней: позитивная, неопределенная (диффузная), условно позитивная и кризисная. Кризис идентичности может наблюдаться в двух случаях: в отсутствии (потере) позитивного смысла профессиональной

деятельности, при сохранности форм достижения, пересмотре своего отношения к профессии или в пересмотре своей позиции в профессии при достижении предельного возраста службы, при увольнении с военной службы по состоянию здоровья или при проведении организационно-штатных мероприятий [1, с. 3–4].

Кроме того, в условиях потери значимости профессиональной деятельности, социальных ценностей и контактов снижается профессиональная мотивация и увеличивается риск не только ошибки в деятельности, но и осознанный срыв всех стоящих перед военнослужащим задач. Соответственно говорить о профессиональной надежности в таком контексте уже не приходится, наоборот девиантные проявления становятся нормой для поведения военнослужащего, будь то коррупционное поведение, мелкие правонарушения или уголовно наказуемые деяния.

Таким образом, учет таких понятий, как профессиональная надежность и профессиональная идентичность в системе военно-психологической практики профессионального отбора и сопровождения — задача перспективная и важная. На наш взгляд, критериальная оценка данных понятий через показатели успешности выполнения и отношения к профессиональным задачам в целом, адекватности поведения и другие, позволит более системно подходить к подготовке военнослужащих к предстоящей профессиональной деятельности, и более объективно оценивать их в период выполнения должностных обязанностей.

Литература

1. *Диденко А.А., Диденко И.В.* Профессиональная идентичность военнослужащих внутренних войск МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013, № 4 (55).
2. *Емельянова О.Я.* Формирование профессиональной идентичности с целью адаптации работника к деятельности по специальности // Вестник Воронежского гос. Ун-та. Сер. Экономика и управление. 2005. № 2. С. 153-156.
3. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М., 2008.
4. *Караваев А.Ф., Антилогова Л.Н., Скиданов Е.А., Зверев В.О.* Профессиональная адаптация выпускников вузов МВД как фактор становления сотрудников // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2(49). С. 53–57.
5. *Крук В.М.* Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва, 2012.
6. *Кубок конфедераций: тест на надежность пройден* // На боевом посту. 2017 (август).
7. *На боевом посту.* 2017 (ноябрь).
8. *Никифоров Г. С.* Надежность профессиональной деятельности. Проспект, 2005.

9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

10. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 53–58.

11. *Хащенко В.А.* Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5. С. 32–49.

12. *Чекунов А.А.* Понятие профессиональной надежности субъекта на этапе профессионального становления в вузе. Сборник материалов II международной научно-практической конференции «Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении». СПб. : НИЦ АРТ, 2017. — 518 с.

13. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета - Федеральный выпуск №7014 (146) от 6 июля 2016 г. — URL: <https://rg.ru/2016/07/06/gvardia-dok.html> (26.11.2017).

14. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF PROFESSIONAL IDENTITY AND PROFESSIONAL RELIABILITY MILITARY PERSONNEL OF NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Chekunov Anton Aleksandrovich,

head of educational group psycho-diagnostic studies of professional psychological selection in the army national guard of the research division for the study of social problems psychologically of national guard troops of the Russian Federation, St. Petersburg, antpsix@yandex.ru, 8-952-218-33-29.

Parshukov Andrey Sergeevich,

Deputy head of Department-head of Department of psychological work of the main Directorate of the Ministry of internal Affairs of Russia for the Krasnoyarsk territory, Krasnoyarsk, andporsh@rambler.ru, 8-900-637-87-00.

Abstract. The article reveals the content of the concepts of professional identity and professional reliability of the military personnel of national guard troops, their value and practical importance for the military-psychological practice.

Keywords: professional identity; professional reliability; professional activity; the meaning of professional activities; professional values.

ЛИДЕРИЛИНАЧАЛЬНИК: КАКИМОНДОЛЖЕНБЫТЬ? ПРАВОСЛАВНОЕПОНИМАНИЕЛИДЕРСТВА

Иринеи,

*Епископ Орский, кандидат богословия,
профессор Орского гуманитарно-технологического института
e-mail: irineu@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена руководителям и лидерам. Им себя люди отдают. Народ верит, что благодаря мудрым начальникам подчиненные смогут стать лучше, выше и чище, а в случае опасности руководители защитят их от всякого зла.

Ключевые слова: лидерство; руководство; управление; педагогический процесс; смирение; мудрость.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, говоря о лидерстве, особо отметил, что всякий, кто ведет за собой других, должен понимать, что он сам призван идти вослед Христу и подчинять свою волю Его Божественной Воле [1].

Спаситель собрал вокруг себя общину верующих людей. Он — истинный Лидер и Руководитель, который по праву обращался к ученикам: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). Именно Христос показал нам, как можно изменить людей и весь окружающий мир.

Диакон Андрей Кураев говорит: «На мой взгляд, христианства слишком мало в нашей жизни, я бы хотел, чтобы его стало больше. Если вы пролистаете книги русских религиозных философов XX века — Бердяева, Булгакова, Соловьева, то увидите, что одна из самых главных идей русской философии была в том, что христианскими ценностями должна быть пронизана вся жизнь общества и культуры» [3].

Почему это так важно? Чем отличается или должен отличаться верующий руководитель от неверующего?

Статус сегодня в моде

В отношении руководства сегодня модно говорить, что есть «статус», что «ему положено» и т.п. Каждому руководителю следует серьезно задуматься над этими, казалось бы, простыми, привычными словами: здесь скрыт глубокий смысл.

Мы знаем, что у животных, живущих стадным инстинктом, сбивающихся в стаи, всегда есть вожак. У него высокий статус и безусловный авторитет, который обеспечивает ему все лучшее от общей добычи и боязнь со стороны остальных. Вожак обычно добывается авторитета силой. В животном мире редко можно отметить случаи, чтобы дележ добычи имел хотя бы тень справедливости и заботы. В стае вожак наслаждается всем и не обращает

внимания на остальных. Да, это обычный закон дикого, животного мира: первый силен — и наслаждается этим, невзирая на остальных.

У человека тоже есть должности. И некоторые, добиваясь высокого положения в обществе, к сожалению, начинают полагать, что полученный статус открывает для них всевозможные пути обогащения, большей частью — за счет подчиненных, при этом нисколько не задумываясь о том, каково самим подчиненным.

Встречаются руководители, имеющие глубоко поврежденную грехом природу, которые получают извращенное удовольствие от возможности унижать нижестоящих людей. Чем они отличаются от животных? Кому подражают и в кого превращаются?

Любой человек в жизни оказывается в положении начальника

Над словами «положено по статусу» важно и полезно думать действительно каждому человеку, а не только занимающему руководящую должность. Ведь любой из нас в жизни, в тех или иных ситуациях, оказывается в положении начальника или руководителя. Ты — глава семьи, старший брат или сестра, на улице ты старше кого-нибудь из соседских ребят, ты — врач в больнице, учитель в классе или арбитр на хоккейном поле... Всего не перечесать. Во всех этих и многих других случаях каждый обязан помнить, что власть, даже над одним человеком, дана тебе Богом. Господь дает тебе власть, чтобы послужить ближнему — как делал это Сам Христос. Он умыл ноги ученикам (Ин. 13, 4—15), — будь готов и ты это делать. Господь принимал пищу с грешниками (Мф. 9, 10), — раздели стол с ними и ты. Спаситель беседовал с мытарями (Мф. 9, 11), — и ты говори с людьми, независимо от того, как относится к ним общество.

Какими могут и должны быть действия руководителя?

Чтобы подумать над тем, внимательны ли мы к нашим поступкам, которые допускаем по отношению к близким, поразмышляем над примерами.

Иногда родители, к примеру, позволяют своим детям быть за одним столом с гостями, которые ведут беседу. В разговор иногда вступают и сами дети. Некоторые родители запрещают своим чадам это делать и порой грубо. Но это нетактично, некрасиво и в корне неправильно по отношению к ребенку. Если вы позволили ему быть за одним столом, то не стоит запрещать и вступать в беседу. Пусть юный человек высказывается, — вы поддержите его, покажите собравшимся, что ваш ребенок умный, умеет излагать свои мысли. И уже после ухода гостей укажите ребенку, где он неправ, а где молодец. Нельзя унижать ребенка при посторонних людях. В таком случае лучше не разрешить ему быть с вами за одним столом, а не запрещать ему высказываться.

Или другой пример. Правильно ли поступают родители, когда пытаются любыми способами заставить своих детей согласиться с их точкой зрения? Несомненно, они не правы.

Можно очень наглядно представить, как мы учим своих детей. Вот перед нами молодой человек и мы, старшие, допустим, попросили его пройти по узкой полосе, обозначенной на полу. Попросили, а после начинаем дергать его за руку, кричим на него: «Я тебя сейчас научу, как правильно ходить!», «Слушай меня!», «Ты понял меня?!», «Ну, иди, что стоишь!» и т.п.

Ребенок пытается идти, но его останавливают и громче, и все грубее указывают: «Ты что, полосу не видишь, по которой нужно идти?! Что ты смотришь на меня? Иди!», «Ты надоел — не можешь идти ровно! Я сказал идти ровно и красиво, а не строевым шагом!», «Сколько могу тебя учить? Иди ровно! Не дергай ногами и не махай руками!», «Ой, что с тобой? Ты что не понимаешь? Куда ты торопишься, зачем?», или «Ты уже взрослый, ты сам должен соображать, как правильно идти. Вот я в твоём возрасте...».

Так ведут себя некоторые родители по отношению к своим чадам, которых пытаются учить. Подумайте, что чувствует такой ребенок. Желает ли он слушать своих родителей? Или захочет уйти от них? Очевидно, что ребенок возмущен, он весь «кипит» от такого наставника или родителя и любые, даже справедливые, его доводы будут вызывать только раздражение и гнев.

Рассмотрим другой поступок — учитель подходит к ребенку и ласково говорит ему: «Сынок, тебе нужно будет пройти по этой полосе пола. Ты запомни, не бойся. Я всегда рядом, я помогу. Ты не переживай, у тебя все получится. С Богом, иди... Молодец, еще чуть-чуть», «Я же говорил, что все у тебя получится. Вот видишь, очень хорошо. Ты меня радуешь, умница». И замечательно, если обучающий покажет сначала сам, либо же на примерах тех, у кого получилось, то, что ожидает от ученика. Ничего ни в воспитании, ни в обучении нет лучше и действеннее личного примера.

Вот два подхода. Думаю, каждый заметит разницу. Конечно, изменится и поведение ребенка. Молодой человек будет спокоен и уверен в себе, когда на него никто не кричит, не требует. И наоборот, ребенку очень трудно, когда на него оказывается неразумное давление. Вывод очевиден: ребенку ли, ученику, подчиненному необходимо уважение, поддержка и, конечно, наша любовь.

Отказаться ли от должности, если предлагают?

Как же быть, когда человеку предлагают занять ту или иную должность, а он чувствует, что не готов? Отказываться и говорить: «Нет, я не достоин»?

Конечно, важно осознать свое недостоинство. Но при решении необходимо обязательно быть предельно внимательным к тем, кто может занять предлагаемое тебе место.

Священное Писание показывает нам яркий пример выбора правителя и к чему привело избрание того, кто достоин был быть хорошим руководителем, но отказался. Отказался, не подумав, кто может занять пустующее место. Вот этот пример: «Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по

деревам? И сказали деревья виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человек, и пойду ли скитаться по деревьям? Наконец сказали все деревья терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревьям: если вы по истине поставляете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские» (Кн. Суд. 9, 8—15).

Важно, кому предлагается руководство: будет ли он после избрания угнетать и даже прямо издеваться над окружающими людьми, или в каждом человеке увидит брата или сестру? Благо, если начальник вокруг себя видит помощников и друзей, — он, конечно, будет замечательным руководителем.

Страшно назначить на руководящую должность человека, который не может бороться с собой. Древние говорили, что тот, кто хочет руководить другими, должен уметь, прежде всего, руководить собой. Если у лидера много страстей и пороков, с которыми он никаким образом не борется, это тяжело и для его подчиненных, и для него самого.

Смирение и мудрость — основа успеха руководителя

Пример. Братия монастыря выбирают себе игумена-наставника. Кого они выбирают для себя? Человека искусного в добродетелях, смиренного инока. Свои таланты и добродетели игумен использует для духовного роста насельников. Духовный человек способен повести за собой людей. Он помогает людям стать лучше, чем они есть. За ним будут следовать не по приказу, а из доверия и уважения к нему.

Профессор Московской духовной академии А.И. Осипов правильно отмечает: «Мы все время думаем: смирение — это значит кланяться перед кем-то. Но вот оно, видение своей греховности, своего недостойнства, видение этого омута грязного, вот что такое смирение. Оно является прочной основой всей последующей духовной жизни» [4].

Смирение — это противоположность эгоизму, гордыне. Настоящий руководитель должен обладать именно смирением. Он должен видеть себя, знать свое несовершенство, свои слабости. Все мы знаем, к чему ведет ситуация, когда лидер или начальник всячески превозносит себя.

Мудрый руководитель, будучи смиренным, готов слышать окружающих людей. Лидер лишь по положению, ложный руководитель — не в состоянии этого делать, ибо над ним властвует гордыня. Начальник, готовый слушать советы и признающий свои ошибки, является хорошим и добрым наставником для людей, которые доверились ему. Только смиренный и мудрый человек умеет слышать наставления и советы других. Благодаря этому он становится сильным духовным наставником, в его сердце царит покой, а дела, которое он совершает, имеют успех.

Для руководителя первостепенно важно уметь отдавать себя служению ближним, всячески помогать, сохранять, кормить, обогревать... Лучшие качества человека раскрываются и формируются в служении другим.

Ярчайший тому пример жизнь выдающегося полководца А.В. Суворова. Он ел, спал и беседовал вместе с солдатами. За это его особо уважали, а его слово для всех являлось непререкаемым законом.

Многие лидеры, к сожалению, подвержены эгоизму, гордости. Поэтому они не готовы заботиться и искренне служить тем, кто рядом. Такие люди способны только присваивать... Они готовы вести людей только к своей цели используя при этом не всегда допустимые методы.

Игумен Петр (Еремеев), Ректор Российского Православного института, размышляя о руководителях, говорит: «Мне кажется, что именно отсутствие должных христианских качеств позволяет современным лидерам избирать путь обогащения, используя ту власть, которая оказалась в их руках. Мировая история дает нам множество свидетельств того, как цари, вожди, военачальники, духовные лидеры, которые пренебрегали смирением, превращались в безумных, жестоких и честолюбивых правителей, принесших много бед людям» [2].

Надо понимать, что высокая должность, количество наград и материальный достаток никогда не могут быть истинными критериями успешности или благополучия.

Также надо знать, что человек, наделенный властью, поставлен исправлять и научать людей. Если те, кого руководитель обличил, исправляются, то выбранный путь оправдан.

Причинить зло человеку легко

Но нужно помнить и о том, что в жизни бывает всякое. Сегодня сказал что-либо, не подумав, и оскорбил человека, а после — долго сокрушаешься о сказанном. Причинить зло человеку легко, а вернуть состояние, в котором был до этого падения очень трудно. Порой просишь прощения, тебя прощают, но след на сердце человека остается. Долго нужно тогда звать к Богу: «Господи, согрешил, прости!», — чтобы вернуть то состояние, которое ты имел до того, как задел или оскорбил кого-либо.

Христос открыл для нас истинное содержание власти. Спаситель говорит, что тот, кто хочет быть большим, т.е. иметь более высокий статус, иметь какую-либо власть, должен «быть всем слугой» (Мк. 9, 35). Господь показал нам, каким может и должен быть начальник. Для христианина власть — это не право присвоить лучшее, а возможность служить другим и проявить любовь к близким. Патриарх Московский Кирилл об этом так говорит: «Благо подчиненных есть не средство, но цель лидера, и подлинное ответственное служение руководителя может простираться до жертвенного подвига» [1].

Высокая должность подвигает быть более внимательным к тем, кто рядом. Думать о них и служить им. Важно, чтобы люди не боялись, а были готовы поправить руководителя, если он ошибается или забывает, каким должен быть истинный лидер. Каждый руководитель обязан благодарить тех людей, которые напоминают ему об этом. Но и подчиненным необходимо помнить, в какой форме, когда и как говорить что-либо своему руководителю,

подсказывать что-то. Везде должно быть внимание. Необходимо говорить с любовью, помолившись за него и за себя, чтобы сказанное было воспринято правильно и принесло пользу вам обоим.

Укрепляет и сближает руководителя с подчиненными общая молитва и Причастие Святых Христовых Таин. Тот руководитель, который сравнивает свои поступки с поступками Христа, может уберечь себя и ближних от предательства, от гордыни и стать подобным Богу.

Литература

1. Патриаршее приветствие участникам православного лагеря Всероссийского молодежного инновационного форума «Селигер-2010». — <http://www.patriarchia.ru/db/print/1182698.html>.

2. Игумен Петр (Еремеев), ректор Российского Православного института. «Главное предназначение лидера — отдать и служить». — <http://www.patriarchia.ru/db/text/1257538.html>.

3. Диакон Андрей Кураев «Новой газете» о текущем моменте. — <https://diak-kuraev.livejournal.com/357811.html>.

4. Профессор Алексей Ильич Осипов. «Что такое правильная духовная жизнь?». — <http://pravoslavie.by/page/chto-takoe-pravilnaja-duhovnaja-zhizn-лекcija-professora-alekseja-osipova-video>.

LEADER OR MANAGER: WHICH SHOULD HE BE? THE CHRISTIAN-ORTHODOX UNDERSTANDING OF LEADERSHIP

Irinei,

The Bishop of Orsk, Ph.D. in Theology,
Professor of Orsk Humanitarian-Technology Institute
e-mail: irineu@mail.ru

Abstract. This article is consecrated to managers and leaders. The people confide himself to superiors. People believe that thanks to the wise superiors, they can become better, higher and purer. The heads will protect them from all evil in case of danger.

Keywords: leadership; guidance; management; educational process; Humility; Wisdom.

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ В РЕГИОНАХ С ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ (НА ПРИМЕРЕ MOSSOS D'ESQUADRA В КАТАЛОНИИ)

Гнездилов Геннадий Валентинович,

кандидат психологических наук, декан факультета психологии ЧОУ ВО «Академия управления и производства», заведующий кафедрой «Общая психология» ЧОУ ВО «Современная гуманитарная академия», профессор кафедры психологии труда и организационной психологии МГОУ, e-mail: ggnezdilov@mail.ru

Киселев Вадим Васильевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры мировых цивилизаций и мировой политики НАНО ВО «Институт мировых цивилизаций», e-mail: quisellov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ психологических причин формирования региональной каталонской идентичности у сотрудников Mossos d'Esquadra, отказавшихся подчиняться центральным властям Испании в ходе референдума о независимости Каталонии. Учитывая наличие национальных республик в составе Российской Федерации, необходимо содействовать формированию и развитию морально-политического единства курсантов, а также способствовать укреплению индивидуально-личностной дисциплинированности.

Ключевые слова: психологические условия формирования идентичности, идентичность, сотрудники силовых ведомств, Mossos d'Esquadra, Каталония, сепаратизм.

Каталонская региональная идентичность сотрудников Mossos d'Esquadra как угроза территориальной целостности Испании

На сегодняшний день Испания переживает один из самых сложных моментов в своей национальной истории ввиду эскалации центробежных тенденций в автономном сообществе Каталония, где был проведен нелегитимный с точки зрения национального испанского законодательства, референдум о независимости. Итогом сложившейся ситуации при благоприятном стечении обстоятельств для правительства Испании, возглавляемого Мариано Рахоем, может стать эффективная реализация санкций против Каталонии, предусмотренных 155 статьей Конституции страны. Центральные власти в Мадриде приняли волевое решение претворить в жизнь именно этот сценарий, временно упразднив автономию региона и распустив де-юре местное правительство с целью наведения конституционного порядка в рамках прямого управления из столицы. Тем не менее, последствия этого решения пока до конца не понятны: даже временный спад сепаратистских тенденций в корне не решает проблему каталонского

сепаратизма, а только служит отсрочкой для нового политического кризиса, поскольку такие меры не способны нивелировать высокий уровень региональной идентичности жителей автономии и негативное отношение к испанцам в их массовом сознании.

Компромиссным вариантом выглядит трансформация Испании из унитарного государства в федерацию. Однако на статус ее субъектов будут претендовать не только Каталония, но и Галисия, Страна Басков и ряд других крупных (пусть и этнически испанских) регионов (Андалусия, Астурия, Риоха и др.).

Самый неблагоприятный исход для Испании предполагает сецессию Каталонии и начало формирования полностью независимых от Мадрида институтов государственной каталонской власти, зачатки которых уже есть в автономном сообществе. В частности, у Каталонии есть своя местная полиция — силы Mossos d'Esquadra, успевшие проявить себя с особой жестокостью еще до референдума о независимости в рамках антитеррористической операции после теракта в Барселоне 17 августа 2017 года и подчиняющиеся исключительно Женеалитату Каталонии и Карлесу Пучдемону как его главе.

Действия Mossos стали предметом критики их профессионализма со стороны испанских СМИ: из десяти подозреваемых в теракте в ходе задержаний были убиты девять, лишь один остался в живых, сдавшись властям (очевидно, побоявшись расправы) [1]. Тем не менее, убийства подозреваемых могут быть целенаправленной показательной акцией кровной мести каталонской полиции, разгневанной немотивированной жестокостью террористов по отношению к жителям автономии. Более того, можно констатировать лояльность Mossos идеям независимости Каталонии и наличие психологической готовности в рядах организации к возможному силовому противостоянию с Гражданской гвардией и полицией, подконтрольными испанским властям, чему способствует осознание собственной региональной идентичности, в основе которой лежат интересы каталонского этноса.

Формирование идентичности каталонских полицейских из Mossos d'Esquadra

Идентичность среднестатистического сотрудника Mossos d'Esquadra стала результатом взаимодействия личности каталонского полицейского с социокультурными и историческими факторами развития этого региона [2]. Среди этих факторов, способствовавших актуализации психологических условий формирования идентичности каталонских полицейских, можно выделить:

- 1) наличие у Каталонии государственной атрибутики, не меняющейся со времен независимого Каталонского графства эпохи Средних веков;
- 2) многолетняя дискриминация в Испании каталонского языка и жестокое подавление движения за независимость, что привело в 90-е гг. XX века к появлению радикального национализма в Каталонии и восприятию

этнических испанцев как захватчиков и поработителей в массовом сознании каталонцев;

3) выдающиеся достижения каталонской экономики (доля автономного сообщества в экономике Испании составляет 20 %, доля Каталонии в испанском экспорте — 25,6 %, причем население провинции составляет всего 7,5 млн. человек) [9];

4) рекрутинг в ряды руководителей Mossos d'Esquadra каталонских националистов, верных идеям борьбы за независимость, что позволяет выстраивать систему управления регионом за счет лояльных сепаратистскому Женеалитату местных полицейских, готовых обеспечить силовую поддержку политических акций местных националистов и левых радикалов;

5) независимость Mossos d'Esquadra от ведомственных вертикалей испанской общенациональной полиции и Гражданской гвардии Испании;

6) начисление заработной платы каталонским полицейским с надбавками из местного бюджета (средняя зарплата полицейских в Каталонии является самой высокой среди аналогичных силовых структур в Испании), что способствует психологической идентификации интересов сотрудников данной организации с интересами каталонских властей;

7) использование в униформе каталонских полицейских национальной символики региона, причем сама униформа отличается от общепринятой формы полиции в Испании: нередко на футболках подчеркивается подотчетность Mossos Женеалитату, а общегосударственные жетоны, по которым идентифицируют испанскую полицию, не используются [10];

8) вековые традиции самостоятельности структур Mossos d'Esquadra (есть даже музей, посвященный этой тематике).

Совокупность этих факторов привела к формированию территориально-этнической идентичности каталонской полиции, ставшей главной детерминантой их служебной деятельности и неподчинения центральным властям в ходе референдума о независимости. В результате конфликта Женеалитата с Мадридом Mossos отказались исполнять решения Верховного суда Испании, постановившего закрыть участки для голосования, что возложило ответственность по исполнению судебного решения на национальную полицию и отряды Гражданской гвардии, применивших насилие по отношению к желающим проголосовать каталонцам [4].

Исторические предпосылки формирования психологических основ каталонской идентичности в структурах Mossos d'Esquadra

Проблема региональной идентичности каталонских силовиков уходит корнями в эпоху Средневековья, когда Каталония имела свои институты суверенной государственной власти: короля и парламент — Кортс Каталанес, появившийся на год раньше, чем была подписана Великая хартия вольностей, заложившая фундамент парламентаризма в Англии [9]. Исторические предпосылки формирования психологических основ каталонской региональной идентичности сотрудников Mossos d'Esquadra можно

обнаружить, углубившись в рассмотрение истории возникновения данной организации.

Структуры Mossos были созданы в XVIII веке по инициативе короля Испании Филиппа V. Их целью была борьба с бандитами на испано-французской границе после Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. и подавление оставшихся сторонников Карла VI, императора Священной Римской империи, претендовавшего на испанский престол [12]. Первые упоминания «*mossos*» и «*esquadra*» зафиксированы в 1719 году в городе Вальс, расположенном в нынешней каталонской провинции Таррагона [12]. Однако на полицейских жетонах Mossos указывается, что организация была основана в 1721 году.

Основал Mossos генерал-капитан Каталонии итальянец Франсиско Пио Савойский и Мурский, а первым главой организации стал мэр города Вальса Пер Антони Векьяна и де Рабасса, собравший лояльных испанскому королю парней (по-испански — «*mozos*», а по-каталонски — «*mossos*»). Слово «*esquadra*», вероятно, заимствовано каталонским языком из итальянского («*squadra*» по-итальянски означает «команда»). Из этого следует, что даже название каталонской полиции способствует местной идентификации ее сотрудников, а управление организацией было автономным от Мадрида с самого начала и находилось в ведении региональных военных властей.

Интересно, что силы национальной полиции и Гражданской гвардии Испании возникли только через столетие после того, как Mossos стали обеспечивать безопасность Каталонии. Испанский полицейский корпус формировался для наведения порядков после войны за независимость Испании 1808-1814 годов против армии Наполеона. Первая попытка создания полицейского органа, подконтрольного исключительно Мадриду и отвечающего за обеспечение правопорядка в стране, была предпринята в 1824 году Фердинандом VII, учредившим королевским указом Генеральную полицию по обеспечению общественной безопасности и надзору за королевством, что привело к борьбе компетенций в Каталонии, где уже функционировали силы Mossos. Однако Гражданская гвардия по современному образу и подобию была создана только в годы правления королевы Изабеллы II (1833-1868). В ее состав изначально вошли 6015 человек, а герцог Франсиско Хавьер Хирон и Эспелета написал в 1845 году первый устав гвардейцев [12]. Согласно этому документу, психологическая благонадежность Гражданской гвардии должна быть обеспечена незапятнанной честью ее сотрудников, охраняющих подданных от любых бедствий (в том числе и природных) и воздерживающихся от унижения и оскорбления гражданских лиц.

Таким образом, каталонская полиция почти на столетие старше общегосударственных полицейских структур, что позволяет ее служащим ощущать свое моральное превосходство над испанскими полицейскими. Одновременно служащие Mossos испытывают ярко негативные эмоции к попыткам Гражданской гвардии и испанской полиции по усмирению

каталонского сепаратизма, активизировавшегося еще в 30-е гг. XX века из-за усиления позиций левого радикализма. Так, лидер местных анархистов Хуан Гарсиа Оливер, уроженец провинции Таррагона, выступавший за федерализацию Испании, стал в годы Гражданской войны главой антифашистской милиции Каталонии [8]. Этот неофициальный революционный орган активно сотрудничал с бойцами Mossos d'Esquadra, которые, в свою очередь, еще до войны приняли непосредственное участие в провозглашении независимости Каталонии в 1934 году. Каталонские анархисты нашли поддержку со стороны провинциалов, работавших на заводах в Барселоне. После победы в Гражданской войне 1936-1939 гг. армии Франсиско Франко и фалангистов Каталония утратила какие-либо права на автономию, каталонский язык был запрещен, а национальное движение за независимость жестоко подавлено. Начало процесса демократизации Испании после смерти Ф. Франко вновь вселило надежду в сердца каталонцев на независимость и отмщение за годы фашистского унижения, причем в 2006 году автономия получила финансовую самостоятельность. По-видимому, центральные власти решили, что применение рычагов экономического стимулирования поспособствует снижению сепаратистских настроений, но это оказалось далеко не так [7]. Финансовая независимость от центра только подогревала желание сепарации у каталонцев.

Проблема формирования профессиональной идентичности с учетом этнической специфики в отечественной и испанской психологии

Проблема формирования профессиональной идентичности с учетом этнической специфики является междисциплинарной, но остается практически неизученной отечественной психологической наукой. Так, согласно депозитарию Российской государственной библиотеки, словосочетание «профессиональная идентичность» встречается в темах:

— 1 докторской диссертации по психологическим наукам (Шнейдер Л.Б., 2001);

— 14 кандидатских диссертаций по психологическим наукам (Регуш Н.Л., 2002; Вороцкая И.Ю., 2005; Ермакова З.В., 2007; Яшина Л.А., 2007; Кушнир Н.А., 2009; Грабузова Г.В., 2009; Григорович И.Е., 2009; Петраш Е.А., 2009; Дмитриенко Е.В., 2010; Озерина А.А., 2012; Гинатуллина Е.И., 2012; Зоткина Е.А., 2012; Исаева Д.А., 2013; Гавронова Ю.Д., 2015);

— 2 докторских диссертаций по социологическим наукам (Магидович М.Л., 2005; Шакурова А.В., 2014);

— 4 кандидатских диссертаций по социологическим наукам (Рочева Я.С., 2010; Жукова Е.И., 2010; Ахметшина Е.Р., 2013; Щербакова М.П., 2015);

— 1 кандидатской диссертации по культурологии (Козлова Е.Г., 2016) [5].

Словосочетание «профессиональная идентификация» встречается в темах:

— 4 кандидатских диссертаций по социологическим наукам (Полухина М.В., 2006; Шляков Д.В., 2008; Андрианов А.В., 2014; Арсланова З.А., 2016);

— 1 кандидатской диссертации по педагогическим наукам (Панфилова М.В., 2008) [5].

Подводя итог данному обзору научных трудов, можно отметить, что ни в одной из вышеуказанных работ не исследовалась профессиональная идентичность сотрудников силовых структур с позиций изучения влияния на нее этнической специфики региона, где они несут службу. Это лишний раз доказывает актуальность дальнейших психологических исследований по данной проблематике.

В испанской психологической литературе профессиональная идентичность с учетом этнической специфики также практически не рассматривается. Тем не менее, по мнению главного эксперта Национального корпуса полиции, специалиста в области психологии служебной деятельности Марселино Ягуе Кабрерисо, для Испании проблема дихотомии органов внутренних дел на общегосударственные и региональные особо актуальна и даже опасна [13]. М. Ягуе Кабрерисо указывает, что минимизация рисков региональной идентичности полиции возможна, если будут реализованы следующие меры как административного, так и психологического характера:

— улучшение качества государственных услуг для всего общества в целом;

— обязательное обучение всех полицейских основам психологии для повышения эффективности их деятельности и совершенствования общего уровня профессиональной подготовки;

— повышение качества жизни полицейских посредством общегосударственных служб психологического консультирования и сопровождения деятельности;

— формирование позитивного имиджа испанского полицейского, нивелирующего все региональные различия [13].

Автор отмечает, что появление 18 ноября 1977 года в Вооруженных силах Испании Службы психологии и психотехники, учрежденной королевским декретом, положительно сказалось на процедуре отбора, обучения и оказания психологической помощи сотрудникам силовых структур. Причем подобные структуры должны быть общегосударственными, что снизило бы риски конфликтов на этнорегиональной почве и обеспечило бы здоровый социально-психологический климат в силовых структурах.

Другой испанский психолог Долорес Перес Браво считает, что в деятельности полиции актуализация региональной идентичности может найти отражение в когнитивных последствиях профессионального стресса, среди которых она выделяет снижение аналитических способностей, потерю концентрации, запуск механизмов психологической защиты каталонских полицейских по отношению к собственным действиям, характеризующимся Мадридом как государственная измена [11].

Последние события в Каталонии, связанные с террористическими актами исламских фундаменталистов и референдумом о независимости, привели, по нашему мнению, к увеличению социальной фрустрированности сотрудников местной полиции и, как следствие, к эскалации агрессивных и жестоких действий со стороны Mossos. К тому же противостояние каталонской полиции с центральными властями стало причиной организации конфликтов в Mossos и внутриличностных конфликтов у местных полицейских вследствие несовпадения двух форм идентичности — каталонской и испанской (в отличие от руководящего состава Mossos среди рядовых полицейских все еще есть сотрудники, лояльные Мадриду). Продолжение силового сценария решения каталонского вопроса Испанией может способствовать радикальному укреплению территориальной и этнической идентичности Mossos как организации, борющейся за права автономного сообщества, и одного из институтов политической социализации каталонцев, что чревато идентификацией местными жителями испанцев как «чужаков» на бессознательном уровне психики.

На данный момент формирование испанской общегосударственной идентичности в рядах Mossos — первостепенная задача государственных психологических служб при силовых ведомствах, от решения которой будут зависеть не только результаты деятельности каталонской полиции и ее дисциплинированность, но и будущее Испании как суверенного государства.

Практические рекомендации, способствующие минимизации этнической специфики сотрудников силовых структур при формировании их профессиональной идентичности

Для современной России, являющейся де-факто ассиметричной федерацией из-за наличия национальных республик в составе, проблема испанского конфликта каталонской полиции с общегосударственной властью является показательной. По нашему мнению, для успешного формирования общегосударственной идентичности сотрудников силовых ведомств необходимо: содействовать в процессе профессиональной подготовки морально-политическому единству курсантов, нивелирующему антагонистические противоречия по каким-либо национальным или религиозным признакам, что позволит повысить уровень сплоченности в коллективах, сформировать позитивную эмоциональную оценку государственных интересов [6, с. 151-153]. Для эффективного предупреждения проблем при формировании общероссийской идентичности сотрудников силовых ведомств необходимо:

- выявлять деструктивное влияние региональной идентичности в поведении силовиков;
- проводить анализ их социально-психологических особенностей с учетом этнической специфики;
- устанавливать психологические причины проступков, связанных с региональной идентификацией;

— изучать психологический эффект работы командиров с личным составом, способствовать укреплению индивидуально-личностной дисциплинированности;

— гибко применять методы материального стимулирования [3, с. 72-73].

Укрепление общегосударственной идентичности сотрудников силовых структур возможно в случае принятия адекватных мер, воздействующих на все ключевые компоненты их дисциплинированности, среди которых, как правило, выделяют:

— воспитательный компонент, связанный с работой командиров и органов психологического сопровождения деятельности силовых структур по формированию общегосударственной идентичности;

— правовой компонент — создание законных условий формирования общегосударственной идентичности силовиков и обеспечение на государственном уровне обязательного верховенства федерального законодательства над региональным;

— социально-психологический компонент, реализуемый с помощью средств поддержания адекватного уровня морально-психологического состояния сотрудников силовых ведомств и включающий в себя минимизацию конфликтов этнического, конфессионального и регионального характера, сплочение коллективов силовых структур, пресечение неуставных отношений;

— технический компонент, т.е. систематическое использование средств и методов по управлению дисциплиной и воспитанию лояльных центральным властям сотрудников;

— информационный компонент, включающий в себя аналитическую работу по выявлению конфликтов, детерминированных региональной идентичностью с этнической спецификой, и воспитательную работу, т.е. пропаганду общегосударственных интересов и целей, совпадающих с интересами регионов Российской Федерации (что должно подчеркиваться);

— организационно-управленческий компонент, проявляющийся в создании адекватных взаимоотношений руководства с личным составом силовых структур, обеспечении эффективного отбора и обучения кадров и централизованного психологического сопровождения сотрудников в стрессовых ситуациях [3, с. 16–20].

К тому же в Российской Федерации, несмотря на распространенную в мире практику делегирования местным властям широких полномочий по вопросам безопасности, должна сохраниться ведомственная вертикаль подчинения территориальных министерств и ведомств общенациональным органам внутренних дел. Помимо этого должна быть активизирована маркетинговая функция подбора кадров в общенациональные силовые структуры на региональных рынках труда, направленная на повышение престижа службы государству, формирование привлекательности социальных льгот и преимуществ для ветеранов силовых структур, мотивацию молодежи к службе в интересах Родины.

Литература

1. Андрушевич П. Теракт и независимость. Как трагедия в Барселоне стала частью кампании за отделение [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/72975> (дата обращения: 15.10.2017).
2. Кэмбелл М. Образы «Я» в условиях становления профессиональной идентичности начинающих полицейских // Культурно-историческая психология. 2012. № 1. С. 77—82.
3. Марченков В.И., Гнездилов Г.В., Чертополох А.А. и др. Технология укрепления воинской дисциплины: Учебник / Под ред. проф. А.А. Чертополоха. М.: ВУ, 2006.
4. Полиция Каталонии отказалась подчиняться испанской власти [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/10/01/policevsmadrid/> (дата обращения: 15.10.2017).
5. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rsl.ru> (дата обращения: 15.10.2017).
6. Современная военная психология: Хрестоматия / Сост. А.А. Урбанович. Мн.: Харвест, 2003.
7. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
8. Хью Т. Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг. / Пер. с англ. И. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
9. Что необходимо знать о референдуме в Каталонии [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4577522> (дата обращения: 15.10.2017).
10. Parra S. Lo que debe saber sobre las identificaciones policales en la calle [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 15.10.2017).
11. PérezBravoD. La preparación mental de la policía en las intervenciones policiales. Psicóloga del Grupo Táctico Policial GTP — Formación Colegiada número CM 01017.
12. Sanz J., Sanmartín P. El origen de los Mossos d'Esquadra y de la Guardia Civil [Электронный ресурс]. URL: <http://historiasdelahistoria.com/2015/08/14/el-origen-de-los-mossos-desquadra-y-de-la-guardia-civil> (дата обращения: 15.10.2017).
13. Yagüe Cabrerizo M. Psicología policial. Papeles del psicólogo. 1994. №. 60. Pág. 54-63.

**THE IDENTITY OF OFFICERS OF THE LAW ENFORCEMENT
AGENCIES IN THE REGIONS WITH ETHNIC SPECIFICITY (ON THE
EXAMPLE OF MOSSOS D'ESQUADRA IN CATALONIA)**

Gnezdilov Gennady Valentinovich,

Ph.D. in Psychology, dean of the Faculty of Psychology in the Academy of Management and Production, head of the Chair «General Psychology» in the Modern University for the Humanities, professor of the Chair of Labor Psychology and Organizational Psychology in the Moscow Region State University,
e-mail: gnezdilov@mail.ru

Kiselev Vadim Vasilievich,

Ph.D. in Psychology, associate professor of the Chair of World Civilizations and World Politics in the Institute of World Civilization,
e-mail: quisellov@mail.ru

Abstract. The analysis of the psychological reasons for the formation of the regional Catalan identity among the employees of los Mossos d'Esquadra who refused to obey the central authorities of Spain during the referendum on the independence of Catalonia is presented in the article. In respect that there are national republics within the Russian Federation, it is necessary to promote the formation and development of moral and political unity of cadets as well as to promote individual and personal discipline.

Keywords: psychological conditions for the formation of identity, identity, officers of the law enforcement agencies, los Mossos d'Esquadra, Catalonia, separatism.

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Данилов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент,

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: s.danilov.mail@gmail.com

Аннотация. Автор статьи рассматривает формирование профессиональной идентичности военнослужащего как предпосылку его психологического здоровья, необходимое психологическое условие подлинной мотивации служебной деятельности. Сделан вывод о том, что профессиональная идентичность придает личности военнослужащего жизнестойкость, выполняя функцию защитного механизма в периоды различных испытаний и противоречий.

Ключевые слова: психология служебной деятельности; военно-профессиональная идентичность; кризис идентичности; психологическая защита; психологическое здоровье.

Массовое сознание рыночного общества склонно рассматривать любую деятельность как услугу, оцениваемую рынком, который, в свою очередь, определяет ее стоимость. В языке это отражается в употреблении таких словосочетаний как «образовательные услуги», «медицинские услуги», «транспортные услуги», «услуги связи», «ритуальные услуги» и т.п. Очевидно, что из этого спектра выпадают искусство, наука, церковь, армия, государственная служба и т.п., — сферы таких видов деятельности, целеполагание которых лежит за пределами вкусов и настроений, моды, соображений выгоды, частных интересов и сиюминутной конъюнктуры, приверженность которым так любит демонстрировать «человек массы».

Нерыночный характер определенных видов деятельности находит отражение и в специфике профессиональной идентичности людей, занятых в этих сферах. Специфика состоит в том, что в идентификационном комплексе этих людей центральное место занимает *идея служения* (музам, истине, Богу, Отечеству), благодаря чему выбор профессии и мотивация профессиональной деятельности не связаны напрямую с «рыночным спросом» и непосредственной выгодой, а «продукт» такой деятельности обладает характером абсолютной ценности, не имеющей, по сути, «цены» (таковы научная истина, красота, добро, милосердие, любовь, служение, безопасность). Разумеется, коммерциализация/меркантилизация затрагивает и эти сферы (например, науку и искусство). Но служение как ядро идентичности определяет некоторые пределы/границы, за которыми подлинность деятельности утрачивается. Например, социолог или другой ученый-исследователь перестает быть ученым, если результат исследований целиком

зависит от денег заказчика или задачи освоения бюджета. Врач, не оказавший помощи тяжелобольному лишь потому, что не получил от родственников «аванс в конверте», превращается в потенциального убийцу. И, если профессор может фактически торговать своими знаниями, выбирая вуз с более выгодными условиями оплаты труда, то военный инженер, военный летчик и т.п. не может выбрать себе более подходящую армию или другое государство, не став предателем, не изменив Отечеству. Иначе горя, есть сферы, требующие людей особого склада, для которых служение будет на протяжении длительного периода жизни абсолютным приоритетом, закрепленном в их профессиональной идентичности.

Однако поступление в учебное заведение военного профессионального образования не является достаточным доказательством готовности молодого человека к служению Отечеству и образцовому исполнению воинского долга. Например, по данным социологического исследования, проведенного среди курсантов одного из военных вузов, 62% от общего числа опрошенных считают получаемое образование залогом успешного продвижения по службе и карьерной лестнице, однако, 38% с этим не согласны: для 11,6% из них обучение в военном институте — это всего лишь промежуточный этап, и после получения диплома об образовании они уволятся из войск и будут работать на гражданке, 12,2% ответили, что им нужны только предметы юридической направленности, а 2,1% респондентов получаемое образование вообще не интересует [9, с. 36]. И на дальнейшем профессиональном пути военнослужащего поджидают «подводные камни»: в силу специфики воинской службы дилемма личного и общественного, частного и государственного, свободы и служебной необходимости приобретает в жизни военного человека наиболее острый характер. Достаточно представить те случаи, когда военнослужащий должен ограничивать себя в общении с родными и близкими, поступиться личными интересами или благополучием семьи ради нового назначения, идти на риск, выполняя боевую задачу. Любая из названных ситуаций может в экзистенциальном плане вызывать по-настоящему драматические переживания, которые не лучшим образом будут сказываться на морально-психологическом состоянии военнослужащего, усиливая тяжесть и без того нелегкой воинской службы. Не всякий способен преодолеть встречающиеся «пороги» достойно, сохранив верность воинской профессии.

Правда, исследователи отмечают снижение значимости для кадровых военнослужащих традиционных для воинской «корпорации» ценностей и меркантилизацию их ожиданий от службы: общая тенденция меркантилизации ценностных ориентаций затронула все категории военнослужащих [9, с.36]. Может быть, обильное материальное стимулирование сделает свое дело и обеспечит подлинное служебно-должностное рвение, избавит человека от духовных терзаний в ситуациях выбора? Однако, не будем забывать, что в полном соответствии с законами Йоркса-Додсона, усиление материального стимулирования при заведомо сложной и напряженной служебной

деятельности не будет вести к пропорциональному усилению ее интенсивности, добросовестности и эффективности. И это еще один аспект проблемы подлинной мотивации служебной деятельности.

В арсенале военной психологии выработаны различные подходы к осмыслению обозначенной проблемы, а также практические рекомендации военным психологам по оказанию психологической помощи военнослужащим по преодолению возможных внутренних конфликтов [6; 7; 9; 11; 12; 13; 15; 17; 18; 19; 20; 22]. Однако, по нашему мнению, становление и укрепление военно-профессиональной идентичности необходимо рассматривать в широком смысле как задачу обеспечения психологического здоровья личности военнослужащего (акцент на анализе экзистенциальных аспектов идентичности), а не только как средство адаптации к воинской службе (такой подход преобладает при акцентировании внимания на социальной роли идентичности) [4; 5; 8; 14].

Наша гипотеза состоит в утверждении о том, что профессиональная идентичность военнослужащего может выполнить функцию психологической защиты в периоды различных жизненных испытаний и противоречий. Военно-профессиональная идентичность обеспечивает верность подлинному смыслу и мотивации деятельности военнослужащего и тем самым придает его личности большую жизнестойкость. Напротив, кризис профессиональной идентичности военнослужащего негативно сказывается на его психологическом здоровье и эффективности его служебной деятельности.

Говоря о защитной функции идентичности, мы имеем в виду, что защите подлежит целостность личности от обусловленных спецификой служебной деятельности возможных внутренних психологических конфликтов и когнитивных диссонансов. Экзистенциальный смысл такой защиты — сохранение чувств самозначимости, самоуважения и самопрятия в неоднозначной ситуации сложного выбора на основе приоритета служения. Социальное значение такой психологической защиты — сохранение человека в воинской профессии, обеспечение эффективной служебной деятельности.

Идентичность — амбивалентное переживание человеком самого себя: с одной стороны своей уникальности (эго-идентичность), с другой — принадлежности к некоей объемлющей личности и значимой для нее общности, своей тождественности с ней (коллективная идентичность). Она есть результат активного процесса, отражающего представление субъекта о себе, собственном пути развития, и сопровождающийся ощущением собственной непрерывности, тождественности, качественной определенности, что дает возможность субъекту воспринимать свою жизнь как единство жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений [23].

Широкое распространение термина “идентичность” и его введение в научный обиход связано с именем Э. Эриксона, который определил идентичность как *внутреннюю непрерывность и тождественность личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, как интеграцию*

переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами [24].

Понятие идентичности вбирает в себя такие понятия как соответствие, самобытность, целостность, единство, тождественность, самость, подлинность. На противоположном по отношению к идентичности смысловом полюсе располагаются понятия противоречивости, неустойчивости, непоследовательности, отсутствия преемственности и целостности, личностной неразвитости, самоутраты, дезориентации, обезличивания, отчуждения.

Идентичность характеризует качественную определенность «Я» в переживании «Я-целостности» и самоотжественности на протяжении жизни. Однако это «Я-единство» есть одновременно и «многоединство» различных идентичностей, среди которых *«эго-идентичности»* («я отец семейства», «я интеллигентный человек») и различные *коллективные «мы-идентичности»* («мы казаки», «мы сибиряки», «мы болельщики ЦСКА», «мы любители джаза», «мы туристы»); есть *базовые идентичности* — национальная, этническая, гендерная (подавляющее количество людей с необходимостью осознают себя либо мужчинами, либо женщинами, либо русскими, либо немцами, евреями и т.д.); есть необязательные (временные, ситуационные, неустойчивые) идентичности («мы — пассажиры круизного теплохода», «мы — обманутые дольщики», «мы — участники Дня донора»).

Профессиональная идентичность — разновидность коллективной идентичности. Исследованию профессиональной идентичности военнослужащих и психолого-педагогических условий ее формирования посвящены многочисленные работы последних лет [6; 7; 9; 11; 13; 15; 17; 18; 19; 20; 22].

Структура всякой, в том числе военно-профессиональной коллективной идентичности включает:

— *элементы самоопределения*, включающие также утверждение, что плохо или хорошо в рамках данного коллектива (в случае военно-профессиональной идентичности, например, — *«военная выправка», «решительный и волевой», «железные люди», «защитники», «находчивый как разведчик», «смелый как морпех», «экипаж — одна семья», «ответственность», «раньше думай о Родине, а потом о себе»*);

— *конструирование границ*, на утверждении которых строится самоопределение, и являющихся основным признаком профессиональной идентичности, придавая определенность и конкретность внутреннему пространству жизни коллектива (*«десантники», «Боги войны», «красные береты», «голубые береты», «элита ВС», «суворовцы», «нахимовцы»* и т.п.);

— *осознание общего опыта, ценностей и возможностей данного коллектива* (*«армия-освободительница», «солдат ребенка не обидит», «наследники Суворова»* и т.п.);

— *символические соглашения*, которые имеют место внутри группы, в том числе относительно того, как представлять себя во внешней среде.

Примерами последних элементов структуры военно-профессиональной идентичности являются воинские убеждения, установки и ценности типа: «*Никто, кроме нас!*», «*Своих не бросаем!*», «*Воин, действуй по уставу — завоеешь честь и славу!*» и т.п. В группу ценностей воинской корпорации входят суждения, с которыми в обществе связываются представления о военнотружущих и офицерском корпусе: особые нравственные устои и стиль поведения, объединяемые понятиями «воинская честь» и «достоинство», «воинская доблесть», «повышенная ответственность за судьбу и безопасность России».

Опыт боевых действий российских военнотружущих за пределами России обогатил идентификационный комплекс российских военнотружущих убеждением о большем профессионализме и превосходстве российских ВКС, российских спецназовцев над представителями армий других стран.

Об идентичности можно говорить тогда, когда человек демонстрирует активное отношение к ценностям, нормам, идеалам того профессионального сообщества, в рамках которого он осуществлять свою профессиональную деятельность. Человек с гордостью говорит о своей профессиональной принадлежности, отстаивает ценности профессионального сообщества, на деле подтверждает приверженность профессиональным ценностям и традициям, постоянно соотносит собственные интересы, ценности, идеалы, нормы с интересами, ценностями, идеалами, нормами военного профессионального сообщества. Едва ли является носителем военно-профессиональной идентичности человек в форме, живущий принципами: «Солдат спит — служба идет», «Пусть думают командиры».

Профессиональная идентичность военнотружущего может, по нашему мнению, носить как позитивный, так и негативный характер: первая естественно, связана с положительными чувствами переживания своей профессиональной принадлежности, вторая — с отрицательными и противопоставлением воинской профессии другим, более «достойным» [см.: 1].

Наличие *позитивной* или *негативной идентичности* зачастую обнаруживается в речи военнотружущих, «казарменном фольклоре»: «Как одену португею, все тупею и тупею...»; «Шея в мыле, морда в грязи — это наши войска связи...» (негативная идентичность); «Никто кроме нас!» (позитивная идентичность).

Военно-профессиональная идентичность связана с общей интенцией личности, возникающей, как правило, задолго до непосредственного профессионального выбора. Результаты опроса летчиков высокой квалификации, проведенного А.А. Вороной, Д. В. Гандером, В.А. Пономаренко показали, что у летчиков-истребителей выбор летной профессии состоялся в подавляющем большинстве случаев (81%) в школьном возрасте. А ведущий отечественный ученый в области авиакосмической психологии В.А. Пономаренко утверждает, что профессионализм для летчика начинается до овладения профессией [11].

Сформированная военно-профессиональная идентичность имеет большое значение для психологического здоровья личности и успешной профессиональной деятельности военнослужащего.

Психологическое здоровье — интегральная характеристика полноты психологического функционирования индивида, совокупность установок, качеств и функциональных способностей, которые, в частности, позволяют индивиду адаптироваться к среде. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, психологическое здоровье — это состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества [25].

Размышляя о фундаментальных условиях человеческого существования, Э. Фромм ставит психологическое здоровье в зависимость от удовлетворения чисто человеческих потребностей и страстей, вытекающих из особенностей положения человека в мире: потребности в преодолении ограниченности собственного существования, системе ориентации и поклонения, чувствах приобщённости, укоренённости и тождественности. Потребность в чувстве тождественности, основанном на переживании своего «Я» в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, «настолько важна и настоятельна, что человек не мог бы сохранить душевное здоровье, если бы не нашёл какого-нибудь способа удовлетворить её». В книге «Здоровое общество» Фромм, по сути, пишет об идентичности как имманентном свойстве духовно здоровой личности, причём в двух её (идентичности) измерениях: индивидуальном, отражающем уникальное в человеке (освобождение от кровосмесительной привязанности к роду и земле, осознание реальности вне нас и в нас самих, самождественность), и социальном, характеризующем личность как представителя некой общности и носителя надличностных свойств (приобщённость, укоренённость, система ориентации, способность к любви и созиданию) [21].

В соответствии с подходами Всемирной организации здравоохранения, выделяются следующие *критерии психологического здоровья*:

- осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
- чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
- критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и её результатам;
- соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;
- способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами.
- способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы.

— способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Эти критерии напрямую или косвенно связаны с идентичностью, следовательно, идентичность – это важнейшее слагаемое психологического здоровья.

Фромм указывает на то, что идентичность нуждается в своей актуализации: личность должна иметь возможность проявить себя, реализовать свои способности, выразить свою сущность. Невозможность самоосуществления может быть вызвана или несформированностью, или *кризисом идентичности*, которые оборачиваются настоящим *экзистенциальным кризисом*: разорванным самосознанием, дефектами воли, утратой идеалов и личностных смыслов, проблемами социализации и коммуникации, аполитичностью, инфантильностью, затруднением с профессиональным самоопределением — всем тем, что в совокупности может быть определено как духовное нездоровье [21; 2].

О кризисе военно-профессиональной идентичности можно говорить, когда у военнослужащего наблюдается:

- длительная неудовлетворенность профессиональной деятельностью;
- разочарование в ценности добросовестной, творческой профессиональной деятельности;
- утрата интереса к профессиональной деятельности;
- исчезновение профессиональных амбиций (желания более высоких профессиональных достижений, внедрить инновации, подняться по карьерной лестнице и т.п.);
- нежелание выполнять поставленные задачи;
- нежелание участвовать в воинских ритуалах;
- отсутствие у военнослужащего заботы о своем имидже;
- потеря гордости за свою принадлежность к военной профессии;
- систематическое нарушение воинской дисциплины;
- пристрастие к алкогольным или наркотическим веществам как способ «бегства от себя», отказа от собственной личности.

Очевидно, что военнослужащий в состоянии кризиса идентичности не может эффективно и надежно выполнять служебные и боевые задачи: в состоянии кризиса идентичности не может быть крепким командиром и оказывать необходимое влияние на подчиненных.

Напротив, ясное и прочное осознание военнослужащим своей военно-профессиональной идентичности:

- придает ему духовную силу;
- помогает стойко переносить тяготы военной службы;
- обеспечивает подлинность мотивации служебной деятельности, связанную с осознанием неслучайного для данного военнослужащего характера его военно-профессиональной деятельности, осознание призвания, миссии, личной ответственности;

- предохраняет от возможных сомнений по поводу правильности сделанного жизненного и профессионального выбора;
- предотвращает попытку уйти из профессии.

Духовно-психологическое здоровье позволяет правильно расставлять жизненные приоритеты, осуществлять выбор, избегая фрустраций, неразрешимых ценностных противоречий между личным и общественным, желанием и долгом, сиюминутной конъюнктурой и долгосрочными интересами. Все это крайне необходимо людям, находящимся на особом положении, посвятившим свою жизнь служению Отечеству, особенно представителям экстремальных профессий в ВС, МВД, МЧС и ФСБ.

В целом духовно-психологическое здоровье напрямую зависит от идентичности человека, насколько ему комфортно, насколько он удовлетворен и доволен (имеются ввиду не только физиологические потребности, такие как пища, вода, кров, сон), а более высокие: потребность в принадлежности (любовь, общение, дружба), самореализации, самоутверждении, самосознание важности своего труда.

Профессиональная идентичность личности выступает для нее опорой в ситуациях, когда личность нуждается в *психологической защите*. Это, в первую очередь, те ситуации, когда личность как целостность и самоидентичность периодически «раздирается на части», когда жизнь пытается превратить ее в функцию обстоятельств. Психологическая защита — это бессознательная деятельность «Я» как непровольная реакция на представляющие для него опасность побуждения и аффекты. Защита имеет огромное значение для предотвращения внутренних конфликтов и снятия напряжения в психической жизни личности.

Военнослужащий нередко испытывает фрустрацию личных потребностей, но личностный конструкт «служения», входящий в идентификационный комплекс военнослужащего, может предотвратить возможный когнитивный диссонанс путем отождествления личности с некоей более могущественной инстанцией (экипажем, полком, Отечеством и т.п.).

Глубоко укорененное в личности чувство собственной идентичности выполняет функцию психологической защиты, так как влияет на *перестройку всей системы установок личности*: в этом случае внутриличностный конфликт либо не возникает вовсе, либо чрезмерное эмоциональное напряжение существенно снижается.

Идентичность выполняет роль основания для постоянной *переоценки ценностей* — своего рода щита, защищающего личность от неимманентных, чужеродных принципов, смыслов и целей. Например, представления о значимости профессии, собственном профессиональном призвании, ценность идеи служения наряду с представлениями о «долге», «ответственности», «чести», «достоинстве», «миссии защитника Отечества» — то, что составляет неотъемлемую часть профессиональной идентичности военнослужащего, — помогают разрешить дилемму «сохранить профессию или изменить своим принципам» даже в том случае, если человек подвергается сильному давлению

со стороны общества, навязывающего личности свои — внешние — «критерии успеха».

Идентичность может быть и основой защитного механизма *компенсации*, позволяющей пережить горе утраты, проигрыша, неполноценности в чем-либо. Компенсаторная роль идентичности заключается в том, что она позволяет человеку поверить, что ему удалось сохранить нечто не менее ценное (например, честь и достоинство), дает человеку взамен нечто более значимое (например, уважение ближних, самоуважение, верность самому себе). Компенсация зачастую осуществляется путем противопоставления человеком себя другим людям, принадлежность к которым изначально неприемлема («торговцы», «коррупционеры», «ловкачи», «эгоисты», «гедонисты», «продажные», «люди с рыночным характером»), с одновременным обозначением своей «когорты» («государственники», «благородные», «люди с чистой совестью» и т.п.). Человек ясно осознает, что самоутрата — самая тягостная потеря, что потерять в себе «большого человека» (личность) было бы хуже, чем, к примеру, упустить материальную выгоду, карьерный рост, комфорт, различные личные «дивиденды» (и в это смысле: «последние да станут первыми!...»).

Например, когнитивный диссонанс «Я образцовый офицер (много времени провожу на службе) / Я плохой отец (мало времени уделяю семье и ребенку)» разрешим на основе переоценки критериев «плохой / хороший отец»: буду ли я хорошим отцом, если у моей семьи не будет оснований гордиться мной как отличным офицером? разве плохо то, что у ребенка перед глазами живой пример человека служения — человека долга и чести («Есть такая профессия — Родину защищать!»)? И у него есть шанс вырасти благородным человеком, для которого понятия служения и долга — не пустые слова?

Идентичность есть отражение базисной потребности человека:

— в *самоопределении и самополагании*, а значит — в свободе;

— в *самооправдании и признании*, следовательно, — в принадлежности.

Психологическая защита, осуществляемая с опорой на идентичность, способствует приятию человеком ситуации, совершению им правильного выбора, так как сознанию открывается простая дилемма: *либо служение, либо самотчуждение* (самоутрата, потеря себя как личности, отказ от собственной сущности) [12].

Вывод

Необходимость заботы о формировании и укреплении военно-профессиональной идентичности продиктована ее высокой практической значимостью, непосредственно связанной с проблемами обеспечения психологического здоровья военнослужащего, эффективности его профессиональной деятельности, профессиональной адаптации, профессионального обучения, профессионального развития в целом. Анализ теоретических источников, результатов научных исследований и непосредственных наблюдений дает основание утверждать, что в *военно-*

профессиональной идентичности заключается значительный психологический ресурс личности военнослужащего — его психологического здоровья, воли, морально-психологической устойчивости, силы психологической защиты и профессиональной надежности.

Глубокое прочное чувство военно-профессиональной идентичности — залог духовно-психического здоровья личности военнослужащего, крепости воинского духа и воли: если понимать волю как дух, достигший стадии самоопределения, то тогда воля напрямую связана с идентичностью, так как идентичность как целостность, самоидентичность личности, единство человека с самим собой — это важнейшая ипостась духа [2].

В связи с вышеизложенным целесообразно использовать все возможные формы и средства воспитательной работы для формирования профессиональной идентичности военнослужащего и устранения возможных барьеров, которые этому препятствуют — как в военных учебных заведениях, так и в частях.

Литература

1. *Гудков Л.* Негативная идентичность: ст. 1997-2002 гг. М., 2004.
2. *Данилов С.И.* Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 130-134.
3. *Диденко А.А.* Динамика профессиональной структуры внутренних войск МВД России : дис. ... канд. социол. Наук. Ростов Н/Д, 2013. 190 с.
4. *Емельянова О.Я.* Формирование профессиональной идентичности с целью адаптации работника к деятельности по специальности // Вестник Воронежского гос. ун-та Сер. Экономика и управление. 2005. №2. С. 153-156.
5. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М., 2008.
6. *Карлова Е.Н.* Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза : диссертация ... кандидата социологических наук : 23.00.02. Саратов, 2009. 202 с.
7. *Константинов В.В., Дьяков В.В.* Социальная идентичность военнослужащих и их адаптация к воинской среде // теория и практика общественного развития. 2014. №9. С. 39-42.
8. *Красникова Ю. В.* Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). — Уфа: Лето, 2013. С. 167-169.
9. *Кравец А.В., Утоганов А.А.* Профессиональная идентификация офицера и ее формирование у курсантов военного вуза // Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам

международной научно-практической конференции. № 2. Ростов-на-Дону, 2015.

10. *Кузьмина Е.И.* Психология свободы. М.: МГУ, 1994.

11. *Медведев И.А.* Профессиональная идентичность курсантов военного училища // *Современные* научно-практические решения и подходы. 2016: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (г.Москва, 15 августа 2016 г.) / отв. ред. Д.Р.Хисматуллин. Москва: Издательство Инфинити, 2016. С. 68-72.

12. *Мырлин А.В.* Психология служения: традиции и современность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 2. С. 21–27.

13. *Некрасов А.С.* Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: Дис. ... канд. филос. наук: 19.00.01. Краснодар, 2005. 158 с.

14. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. №24. С. 53-58.

15. *Романова Е.Н.* Повседневность военного училища как формирование военно-патриотической идентичности // Вестник Поволжского института управления. 2008. №3. С. 190-195.

16. *Сапожникова Р.Б.* // Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. №1. С.13-17.

17. *Сарансков В.Е.* Социальная идентификация офицеров Вооруженных сил Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации: (социологический анализ): Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. М., 2003. 203 с.

18. *Симаков А.А.* Формирование профессиональной идентичности у курсантов военного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 116-118.

19. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* От национальной идентичности к военной и информационной безопасности: эволюция войны и многообразие ее форм в условиях духовной деволуции современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 4. С.158-163.

20. *Субботин И.Б.* Развитие профессиональной идентичности офицеров воспитательных структур в процессе подготовки в вузах: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. М., 2003. 210 с.

21. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.

22. *Худайназарова Д.Р.* Барьеры на пути становления профессиональной идентичности женщин-военнослужащих, обучающихся в военных вузах // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник» 2015 №1 (4). С. 129-144

23. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: Монография. М.: МООСУ, 2001. 272 с.
24. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С.12.
25. Психическое здоровье. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Апрель 2016.—
<http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/>

PROFESSIONAL MILITARY IDENTITY AND ITS ROLE IN THE PSYCHOLOGICAL DEFENCE OF THE SERVICEMAN'S PERSONALITY

Sergey Danilov

PhD (the philosophical sciences); the associate professor;
The Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
E-mail: s.danilov.mail@gmail.com

Abstract. The author of this article considers forming a professional identity of a serviceman as a prerequisite for his psychological health and the necessary psychological precondition of the genuine motivation for the service activity. He concludes that professional identity encourages serviceman for vitality, performing the function of defence mechanism during the periods of different ordeals and contradictions.

Keywords: psychology of the service activity; professional military identity; identity crisis; psychological defence; psychological health.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОФИЦЕРОВ-ПСИХОЛОГОВ

АСРИЕВ Алексей Сергеевич,
кандидат педагогических наук,
Военный университет Министерства обороны РФ

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемы идентификации офицеров-психологов с точки зрения предстоящей служебной деятельности.

Ключевые слова: идентификация офицеров-психологов; войска национальной гвардии Российской Федерации.

«Тактика только деревянная рукоятка, а моральные силы — это благородный металл, блестящее, острое лезвие».

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц

В современных условиях проблема идентичности действительно актуальна и требует непрерывного всестороннего изучения, мониторинга и конкретных действенных мер по повышению качественных характеристик выпускников военных образовательных организаций высшего образования.

Применительно к особенностям служебно-боевой и оперативно-служебной деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации офицер-психолог кроме набора профессиональных качеств и компетенций, в том числе относящихся к военной составляющей, должен иметь способность в короткие сроки изучить специфику подразделения, задачи, стоящие перед воинской частью, и способы их выполнения.

В связи с этим вполне справедливо звучат слова авторитетных военных ученых: «Чтобы войти в современный офицерский корпус офицеры-выпускники должны обладать рядом признаков: а) наличием властных полномочий; б) развитием необходимых личностных качеств; в) образованностью; г) способностью самостоятельно принимать правильные решения и отвечать за их реализацию; д) умением творчески решать профессиональные задачи; е) наличием навыков и умения управлять подразделением в различных ситуациях» [2, с. 214–219].

Многолетние исследования, проводимые в Военном университете МО РФ, дают представление о степени профессиональной идентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». По выводам Л.П. Казаковой и Т.Ю. Маклаковой, 7% обучающихся ассоциируют себя с образом офицера и 20% с образом психолога, что на наш взгляд является крайне низким показателем даже для

курсантов третьего курса, среди которых собственно проводилось исследование [3, с. 122–134].

Мы считаем, что для выработки предложений по формированию у курсантов образа психолога и заместителя командира по работе с личным составом, необходимо четко понимать, что у командиров всех степеней в их повседневной деятельности, тем более при выполнении задач по предназначению воинской части (соединения), нет никакой необходимости в «психологе», которым нужно руководить, давать целеуказания и т.п. Командир нуждается в офицере-психологе, который в полном объеме, профессионально и, прежде всего, самостоятельно выполняет свои функциональные обязанности в любых условиях обстановки, в том числе в боевых порядках, т.е. представляет собой полноценную боевую единицу органа по работе с личным составом и подразделения в котором он служит.

На наш взгляд, для более полного представления о профессии также следует учитывать возраст личного состава, которым предстоит руководить или работать с ним выпускнику. Практика показывает, что средний возраст призывника составляет 20–22 года (в зависимости от региона призыва), ряд воинских частей перешел на контрактный способ комплектования, то есть средний возраст рядового и сержантского состава может достигать 35-ти лет. Первые проблемы и неудачи будут связаны именно с возрастом офицера-психолога, вернее, с большой разницей в возрасте по сравнению с подчиненными. Именно по этой причине, в первую очередь, важно создать условия для формирования у курсантов полноценный образ офицера.

Войска национальной гвардии Российской Федерации как государственная военная организация [1], безусловно, нуждаются в специалистах-психологах. Подготовка офицеров по соответствующей специальности проводится в Санкт-Петербургском военном институте войск национальной гвардии Российской Федерации. Руководящие документы предписывают учитывать ряд качественных характеристик кандидатов на замещение основных воинских должностей органов по работе с личным составом, а именно: «заместитель командира роты (ему равный) по работе с личным составом — выпускник факультета морально-психологического обеспечения военного института» [4].

В дальнейшем же при рассмотрении на более высокую воинскую должность будут учитываться: стаж службы (не менее 2-х лет); служебно-боевая деятельность подразделения; профессиональная подготовка в объеме занимаемой и планируемой должности; наличие классной квалификации; опыт службы в различных субъектах Российской Федерации и т.д.

Заместитель командира роты по работе с личным составом это не отдельная (проходная) должность на пути к профессиональной деятельности, это первая должность офицера-психолога, которая предполагает непосредственную работу с людьми — ежедневную, сложную, кропотливую. Она позволяет утвердиться в профессии, получить практику, обогатиться опытом на весь период дальнейшей службы.

Литература

1. Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 года. — Ст.1.

2. Слепов В.Я., Слюсарев А.В. Теоретические основы сущности, содержания и задачи военно-профессионального воспитания курсантов (слушателей) вузов ВВ МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №2 (54).

3. Психология служения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / Военный университет МО РФ; ред. А.Г. Караяни, В.Я. Гожиков, С.И. Данилов, А.В. Мырнин. — М.: ВУ, 2017. — 321 с.

4. Методические рекомендации по Требованиям, предъявляемым к кандидатам на основные воинские должности органов по работе с личным составом внутренних войск МВД России, комплектуемые офицерским составом. // ГКВВ МВД России. 2015.

PRACTICAL APPROACH TO THE PROBLEM OF PSYCHOLOGISTS OFFICERS PROFESSIONAL IDENTIFICATION FORMATION

Asriev Aleksei Sergeevich,
candidate of pedagogical Sciences

Abstract. *in this article the author considers problems of identification of psychologists officers from the point of view of upcoming service activities.*

Keywords: identification of psychologists officers; the national guard troops of the Russian Federation.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭМПАТИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВУ МО РФ

Шалимова Анна Михайловна

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета МО РФ,
e-mail: ispanna@list.ru

Захарова Олеся Александровна

преподаватель кафедры психологии Военного Университета МО РФ,
e-mail: lexh8106@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассмотрены теоретические предпосылки для практической работы с таким элементом военно-профессиональной идентичности, как эмпатия. Разобраны основные теории, характеристики эмпатии как механизма социальной перцепции. Подробно описано применение интерактивных методов в целях повышения уровня данного компонента профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; профессиональная идентификация; эмпатия; механизмы эмпатии; функции эмпатии; интерактивные методы; дидактическая игра.

Социально-политическая обстановка в мире в последние годы отличается сложностью и противоречивостью, в связи с чем особую актуальность приобрел вопрос профессионализма военнослужащих.

Основой успеха в любом виде деятельности является именно профессиональная компетентность специалиста. Профессионализм является сложным социально-психологическим феноменом, который включает понятие профессиональной идентичности.

Под профессиональной идентичностью, чаще всего, понимается осознание своей тождественности с профессиональной общностью, её оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, то есть переживание своей профессиональной целостности и определённости [8].

Выделяют ценностно-смысловую, мотивационную, когнитивную, эмоциональную, поведенческую компоненты профессиональной идентичности (А.А. Шатохин, Н.Л. Иванова, Е.П. Ермолаева, Ю.А. Кумырина).

Основы профессиональной идентичности военного специалиста закладываются в высшем военном учебном заведении, где параллельно с процессом овладения профессионально значимыми компетенциями происходит самоотождествление с другими представителями выбранной профессии, а именно — процесс профессиональной идентификации.

Одним из факторов, который позволяет успешно осуществить процесс самоотождествления с представителями военной профессиональной среды или профессиональной идентификации, является эмпатия как способность курсантов к анализу и оценке действия всех участников профессиональной деятельности, а также способность перенести и примерить на самого себя существующие образы участников и модели их поведения, отождествляя или противопоставляя себя им с профессиональной точки зрения.

На современном этапе развития Вооруженных сил РФ особое внимание уделяется проблеме высокой эффективности функционирования военнослужащего в постоянно изменяющихся условиях. Эти условия и составляют профессиональную среду, в которой осуществляется социальное взаимодействие, совместная деятельность специалистов разных уровней и подразделений, решение коллективных задач, что, в свою очередь, диктует высокие требования к организаторским, коммуникативным и эмпатическим способностям военнослужащих.

Эмпатия — это особый психический акт, представляющий собой единство и целостность когнитивных, эмоциональных и моторных компонентов, включенный в социальное взаимодействие в качестве его особой формы. Суть данного психического акта:

1) проникновение во внутренний мир другого человека, будь то его эмоциональное переживание, личностные качества, потребности, стремления или оценочные суждения;

2) реагирование субъектом на проявления внутреннего мира другого человека.

К основным функциям эмпатии относятся: отражательная, где эмпатия имеет когнитивную направленность; регулирующая, где она представлена как действенная эмоциональная идентификация, реализующаяся через процессы аттракции; познавательная, где эмпатия является способом познания другого человека или объекта и подтверждения факта познания [2].

В образовательном пространстве военного ВУЗа должна решаться задача — как помочь курсантам запустить процесс профессиональной идентификации. Одним из вариантов решения этой задачи может являться активизация эмпатической реакции.

Существование факторов, усиливающих и ослабляющих эмпатические реакции индивида, указывают на наличие психологических механизмов, «запускающих» эмпатический отклик. Некоторые ученые, изучающие эмпатию, говорят о таких ее механизмах, как механизм заражения и механизм идентификации.

Н. Н. Обозов полагает, что в основе эмпатии, возникающей и формирующейся во взаимодействии и в общении людей, лежит механизм осознанной и неосознанной идентификации [3].

Г. М. Андреева считает сохранение собственной линии поведения эмпатирующего человека нетипичным для идентификации [1], а К. Коркоран

указывает на такой важный компонент эмпатии, как дифференциация «Я-Другой» [5].

Т. П. Гаврилова и Ю. А. Менджеричкая описывают несколько механизмов эмпатии. Они выстраивают их по мере возникновения в онтогенезе в следующем порядке: эмоциональное подражание и заражение, идентификация, понимание эмоций других и рефлексия.

П. Массен и Дж. Конджер считают, что механизмом эмпатии является механизм подражания, поскольку подражание - это следование определенным наблюдаемым действиям. Идентификацию же они понимают, как «более тонкий» процесс восприятия общих образцов мышления и поведения, для которого характерна сильная эмоциональная связь с другим.

Похожих взглядов придерживается Н. Ньюкомб. Он также трактует подражание как элементарное копирование некоторого вида поведения, а под идентификацией подразумевает механизм, посредством которого человек перенимает отдельные черты и целые модели поведения другого человека [6].

Ряд ученых к механизмам эмпатии относит децентрацию [7]. Под децентрацией понимается такое умственное действие, посредством которого человек способен встать на позицию другого, с которой раскрывается его система отношений. Децентрация может рассматриваться как когнитивный компонент сочувствия. В индивидуальном развитии человека появление способности сочувствовать другим связано с формированием аффективной децентрации, которая в свою очередь является основой для становления интеллектуальной децентрации.

В. К. Вилюнас предлагает свою гипотезу о механизме эмпатии. Он отличает явление «заражения», синхронизирующего и идентифицирующего эмоциональные переживания общающихся людей, от собственного переживания человека, представляющего собой независимую индивидуальную реакцию на эмоциональное состояние другого, которое нам может само по себе нравиться или не нравиться. «Иначе говоря, — пишет автор, — если в случае “заражения” нам, например, приятно или весело, потому что приятно и весело окружающим, то в случае сопереживания мы сказали бы: нам приятен именно тот факт, что другим приятно и весело» [4].

Г. Барретт-Леннард рассматривает эмпатию как комплексный процесс, состоящий из нескольких циклов (выражение переживающим своего состояния, восприятие субъектом эмпатии состояния переживающего, ответная реакция субъекта эмпатии, восприятие этой реакции переживающим, обратная связь переживающего на реакцию эмпата), на каждом из которых действуют свои механизмы.

Анализируя точки зрения разных авторов, следует допустить существование ряда механизмов, сменяющих друг друга на разных стадиях онтогенеза или зависящих от возраста, гендерных факторов и условий эмпатического реагирования.

В возникновении эмпатического отклика задействованы не только эмоциональные, но и познавательные процессы и, главное, — воображение.

Без адекватного реконструирования с помощью воображения состояния человека, без учета его позиции и обстоятельств, вызывавших переживания, велика возможность появления эмпатических реакций, не имеющих ничего общего с действительным чувствам объекта эмпатии, т. е. псевдоэмпатии.

Эмпатия является не просто результатом описанных выше когнитивных и эмоциональных процессов - она может выступать в качестве мотивирующей силы, когда речь идет о помогающем поведении. Такой вид эмпатии, характеризующийся активным содействием, помощью другим людям, называют в социальной психологии действенной эмпатией или действенной эмоциональной идентификацией и считают высшей социально-значимой формой эмпатии, выражающейся в проявлении альтруистического поведения.

Эмпатия играет важную роль в становлении и развитии межличностных отношений, оказывает существенное, а порой и решающее влияние на взаимодействие людей, на его синхронность и на помогающее поведение.

В качестве одного из способов развития такого профессионально важного качества военнослужащих, как эмпатия, можно использовать интерактивные методы. Интерактивные методы (от англ. interaction — взаимодействие, воздействие друг на друга) — методы обучения, основанные на взаимодействии обучающихся между собой.

Одним из интерактивных методов обучения является дидактическая игра. При обучении курсантов военного вуза дидактические игры могут успешно применяться как при изучении различных дисциплин, так и с целью формирования профессионально важных качеств личности. В примере, разобранным далее, нами была проведена игра с элементами научного исследования для изучения степени выраженности эмпатии у курсантов второго и четвертого курса военно-гуманитарного факультета, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», а также для тренировки данной личностной характеристики, являющейся важной составляющей профессиональной деятельности военного психолога.

В начале проведения игры нами были сформулированы цель, задачи и гипотезы исследования, а также подобраны методы, подходящие для данной работы. Основной целью была диагностика и тренировка эмпатии у курсантов военно-гуманитарного факультета ВУ МО РФ. Первая гипотеза состояла в том, что курсанты второго курса не отличаются от курсантов четвертого курса своими социальными стереотипами, и обладают достаточным уровнем эмпатии, чтобы в полной мере отгадать ответы, которые предоставят их старшие коллеги в ответах на заданные вопросы. Вторая гипотеза, наоборот, состояла в том, что курсанты второго курса отличаются от курсантов четвертого курса и не умеют эффективно применять эмпатию, и в результате не смогут отгадать большую часть их ответов. Аналогичные гипотезы были выдвинуты относительно проявления эмпатии у курсантов четвертого курса военно-гуманитарного факультета специальности «психология служебной деятельности». Таким образом, в ходе проведения игры мы смогли диагностировать социальные установки курсантов в различных областях

жизнедеятельности, и проверить, насколько развито у них чувство эмпатии по отношению друг к другу.

Методы исследования, примененные в ходе исследования — естественный эксперимент, методы статистической обработки данных и методы интерпретации результатов исследования. Выборку испытуемых составили сто человек, обучающихся на четвертом курсе специальности «Психология служебной деятельности», и столько же человек второго курса той же специальности. Работа с испытуемыми была разделена на несколько этапов. Первый — сбор эмпирических данных. Был проведен опрос, в ходе которого курсанты отвечали на открытые вопросы. Обучающиеся отвечали, например, кто из известных им психологов является для них примером, перечисляли, какие песни и фильмы на военную тематику знают и считают своими любимыми, давали свою интерпретацию недовольству преподавателя в ходе учебного занятия, и девушки, плачущей на улице. Вопросы были классифицированы по восприятию таких сфер жизни, как обучение, взаимоотношения с противоположным полом, культура, профессия. После проведения первого этапа, были проведены следующие — «простая игра», «двойная игра», «тройная игра», «игра наоборот» и «большая игра». В самой игре принимали участие двадцать человек, обучающихся на втором курсе, и двадцать человек, учащихся на четвертом курсе по специальности «Психология служебной деятельности». Этапы, в которые «играли» курсанты, были взяты из популярной телевизионной игры «Сто к одному». В первых трех конкурсах команда должна была угадать, какой ответ на вопрос встречался чаще всего у курсантов другого курса. «Игра наоборот» заключалась в том, чтобы угадать, какие ответы были названы респондентами реже всего. Наконец, «большая игра» проходила как конкурс капитанов, в котором «предводитель» команды самостоятельно угадывал ответы курсантов другого курса. Таким образом, участники исследования вовлекались в соревнование, а нами был реализован принцип такого интерактивного метода обучения, как дидактическая игра. После проведения исследования, команда участников, представляющих свой курс обучения, отгадывала, как именно ответили курсанты с другого курса на предложенные вопросы. В результате проведения игры выдвинутые гипотезы частично подтвердились. Курсанты второго курса справились с заданием менее удачно. Ими было отгадано около половины ответов, данных четверокурсниками на заданные вопросы. В свою очередь, курсанты старшего курса отгадали восемьдесят процентов ответов второго курса. Такие результаты можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, курсанты старшего курса обладают большим количеством знаний, умений и навыков, что позволяет им оценивать проблемные ситуации, используя данный опыт. Большее количество знаний и практических ситуаций, позволяет также более эффективно проявлять эмпатию и «отгадывать», что могли ответить их товарищи с младшего курса. Отсутствие у курсантов второго курса жизненного опыта и знаний, может быть одной из причин неуспешной «разгадки» вопросов. Во-вторых, в ходе получения образования

по специальности «Психология служебной деятельности», курсанты проходят дисциплины (такие как «социальная психология», «психология общения и переговоров»), в ходе которых не только узнают теорию о различных характеристиках, необходимых специалисту-психологу, но и практически отработывают их наличие и эффективность в своей собственной личности. Так, в ходе занятий, посвященных социальной перцепции, в ходе курса «Психологии общения и переговоров», курсанты участвуют в социально-психологическом тренинге, посвященном повышению таких механизмов социальной перцепции, как эмпатия, рефлексия и идентификация. Таким образом, мы можем утверждать, что на четвертом курсе курсанты могут более эффективно использовать и проявлять такое качество, как эмпатия.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. - 5-е изд., испр. и доп. М.: Изд. "Аспект Пресс", 2016. - 363 с.
2. *Буравцова Н.В.* Взаимосвязь структурно-содержательных характеристик психологического пространства личности и эмпатии: дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2011. 180с.
3. *Обозов Н.Н.* Психология межличностного взаимодействия: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра психол. наук: (19.00.05). Ленинград, 1979.
4. Психология эмоций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии: [основные проблемы психологии эмоций, представления о природе эмоций, эмоцион. состояния, индивидуал. различия эмоций] / авт.-сост. Витис Вилюнас. М. [и др.]: Питер, 2004 (ГП Техн. кн.). 496 с.
5. Социальная психология: словарь / ред. М. Ю. Кондратьев. М.; СПб. ПЕР СЭ; 2005 (ППП Тип. Наука). 175 с.
6. *Ньюкомб Н.* Развитие личности ребенка. СПб. Питер, 2002. 639 с.
7. *Черненко О.В.* Социально-психологические факторы профессиональной карьеры офицеров: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / О. В. Черненко; Воен. ун-т, Каф. психологии. М., 2007. - 265 с.
8. *Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. д-ра психол. наук / Л. Б. Шнайдер. М., 2001. С. 39.

THE USE OF INTERACTIVE TEACHING METHODS FOR THE DEVELOPMENT OF EMPATHY IN THE PROCESS OF FORMATION OF MILITARY-PROFESSIONAL IDENTITY OF CADETS OF MILITARY UNIVERSITY

Shalimova Anna Mikhailovna,

candidate of psychological sciences , senior lecturer at the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: ispanna@list.ru

Zakharova Olesya Aleksandrovna,

the teacher of chair of psychology at the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: lexx8106@mail.ru

Abstract. this article describes the theoretical background for practical work with an empathy. Disassembled main theories, the characteristics of empathy as a mechanism of social perception. Described in detail the use of interactive methods in order to increase the level of this component of professional identity.

Keywords: professional identity; professional identity; empathy; mechanisms of empathy; empathy; interactive methods; didactic game.

ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Иншакова Татьяна Валентиновна,

клинический психолог, преподаватель кафедры психологии
Военного Университета МО РФ,
e-mail: tatyana275@yandex.ru

Аннотация. В статье показана связь профессиональной идентичности с профессиональными факторами: самоопределением, осведомленностью, самосознанием и развитием, рассматривается применение кейс-метода в формировании инструментального компонента профессиональной идентичности курсантов Военного Университета.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; профессиональные факторы; самоактуализация; кейс-метод; образование; интерактивные методы; компетенции; активные методы обучения.

С точки зрения гуманистических теорий личности стремление к самоактуализации является естественной потребностью человека и необходимым условием для того, чтобы человек жил в согласии с самим собой. Так Абрахам Маслоу говорит: «Ясно, что музыкант должен играть музыку, художник — писать картины, а поэт — сочинять стихи, если, конечно, они хотят жить в мире с самими собой. Человек обязан быть тем, кем он может быть. Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе» [6, с.51]. К. Роджерс выдвигает предположение о том, что поведение человека полностью регулируется некоторым объединяющим мотивом. Он называет его тенденцией актуализации. Важнейший мотив жизни человека — это актуализировать, то есть сохранить и развить себя, максимально выявить лучшие качества своей личности, заложенные в ней от природы. Это «свойственная организму тенденция развивать все свои способности, чтобы сохранять и развивать личность» [8, с.534].

Важной областью самоактуализации потенциала человека, наряду с творчеством, игрой, дружбой, созданием семьи, является профессиональная деятельность.

Основными условиями становления грамотного профессионала является осознание своих профессиональных интересов, соответствие личных способностей качествам выбранной профессии, желание отождествлять себя с определенным профессиональным сообществом, т.е. профессиональная идентичность.

Профессиональная идентичность как комплексное, интегративное понятие исследовалось многими учеными (Е.П. Ермолаева, Д.И. Завалишина, Н.С. Пряжников, Е.А. Климов, А.А. Реан, Д.В. Ронзин, В.И. Павленко, Л.Б. Шнейдер, В.М. Проселова, Ю.П. Поваренков). В трудах этих ученых понятие

профессиональной идентичности не сформулировано достаточно четко, но в качестве основных выводов можно сказать, что профессиональная идентичность является сложным психологическим явлением, которое прямо связано с профессиональными факторами: самоопределением, осведомленностью, самосознанием и развитием [4].

Подготовка специалиста в высшей школе ставит своей целью формирование необходимых профессиональных знаний, умений, навыков, которые в дальнейшем будут применяться индивидуумом самостоятельно. Это позволит расширить информационно-психологическое пространство будущего профессионала и сформировать инструментальный компонент профессиональной идентичности. Об этом говорит в своей работе Е.П. Ермолаева [2].

В соответствии с Федеральными Государственными образовательными стандартами третьего поколения в подготовке специалиста на первый план выдвигается формирование компетенций, т.е. «способности делать что-либо хорошо или эффективно» [3, с.12]. Таким образом, в ходе обучения становится важным приобретение практических умений, что требует применения особых психолого-педагогических технологий, к которым относятся методы интерактивного обучения.

Интерактивные методы обучения являются важным средством профессиональной подготовки курсантов Военного Университета. Исследование интерактивных методов, как средства обучения [7], позволяет говорить, что их применение является эффективной технологией подготовки специалистов и способствует оптимальному усвоению нового и закреплению пройденного материала [1, с.61]. Курсанты легче «включаются» в обучение, лучше запоминают то, что они смогли изучить, когда сами являются активными участниками процесса. Кроме того, благодаря интерактивным методам обучения, в учебный процесс можно включить большинство слушателей, даже пассивных в обычной обстановке.

В статье рассматривается один из методов интерактивного обучения — метод анализа конкретной ситуации (кейс-метод).

Кейс-метод — это интерактивная технология, основанная на моделировании ситуации или использования реальной ситуации в целях анализа конкретного случая, выявления проблемы, поиска альтернативных решений и принятия оптимального решения проблемы. В ходе групповой дискуссии кейс-метод формирует личность будущего специалиста, помогает нарабатывать важнейшие для становления профессионала навыки самоанализа, способствует созданию стереотипов избранной деятельности и обогащает ценным опытом, в том числе ошибочных рассуждений и решений, полученным в учебной ситуации. Применение данного метода дает возможность рассмотреть сложные профессиональные вопросы в безопасной обстановке, а не в реальной ситуации с тревогой за неприятные последствия в случае неправильного решения. Особенное значение метода анализа конкретной ситуации состоит в том, что он формирует культуру

предварительного анализа ситуации, из которой собственно и «вырастает» проблема, что очень важно для обдумывания и принятия эффективных решений, например, в виде мер педагогического или психологического воздействия. Кейс-метод представляется особенно эффективным при подготовке специалистов социальной сферы, в первую очередь, психологов и педагогов, поскольку с их помощью возможно полноценное моделирование будущей профессиональной деятельности.

В качестве примера рассмотрим применение данного метода в ходе преподавания дисциплины «Психологическая коррекция и реабилитация» курсантам Военного Университета. Обычно используется 2 вида кейсов — структурированный кейс и неструктурированный.

1. Структурированный кейс.

Ситуация, описываемая в кейсе, содержит минимум информации о проблеме, и для ее решения применяют определенную теоретическую модель или схему. Такие ситуации могут иметь известные преподавателю оптимальные решения. Структурированные кейсы полезно использовать для закрепления изученной темы и при проведении рубежного контроля. В этом случае они должны содержать конкретные вопросы.

Например:

1) Военнослужащий беспокоится о здоровье жены. Не смотря на то, что их ребенок умер несколько лет назад, она продолжает упоминать его в настоящем времени и, иногда, по привычке накрывает для него стол.

Определите, на какой стадии проживания потери находится супруга обратившего за помощью военнослужащего, и опишите техники работы с горем на этой стадии.

2) Военнослужащий обратился за помощью: один из членов семьи недавно умер, и реакция некоторых членов семьи кажется ему не нормальной.

Составьте план беседы психолога при работе с данным запросом.

Решение данных кейсов помогает курсантам закрепить теоретический материал, предложенный в теме №6 «Помощь лицам в состоянии болезни, острого горя и пережившим утрату».

Еще пример.

3) Военнослужащий обратился к психологу с жалобами на ночные кошмары. В ходе беседы военнослужащий сообщил, что в детском возрасте подвергался физическому насилию со стороны сверстников.

Какие методы работы целесообразно использовать в данном случае?

4) Военнослужащий регулярно избивает членов своей семьи. Ему рекомендовано обратиться к психологу за помощью.

Опишите особенности проведения диагностического этапа при работе с данным военнослужащим.

При отработке данных кейсов закрепляется теоретический материал по теме № 7 «Методы психологической помощи жертвам насилия».

Необходимо добавить, что пакет структурированных кейсов должен быть динамичным, постоянно обновляющимся, и содержать практическую

задачу, максимально приближенную к будущей профессиональной деятельности.

2. Неструктурированный кейс

Это вид кейса может содержать большее количество информации и включать приложения в виде выписок из карты развития, журналов психолога или класса, протоколов ответов и т.п. Сведения в неструктурированном кейсе излагаются с избыточной подробностью, некоторые данные необоснованно включаются в кейс, другие, необходимые для рассмотрения, порой могут и отсутствовать.

Это более сложный вид кейса. Он используется для оценки степени усвоения ключевых положений изучаемой и смежных дисциплин. Также он помогает оценить умение интегрировать теоретические знания из разных предметных блоков (культурологических, психологических, педагогических) и владения не просто частными, но и комбинированными практическими навыками, целостно отражающими будущую профессиональную деятельность.

И структурированный, и неструктурированный кейсы могут быть реализованы в ходе открытой дискуссии или в индивидуально-групповой работе с кейсом.

Открытая дискуссия

Курсанты знакомятся с ситуацией, самостоятельно обдумывают ее и приступают к совместному обсуждению в учебной аудитории под руководством преподавателя, который не дает качественной оценки ответов — любое высказывание воспринимается как возможное в реальной жизни.

В подготовке курсантов-психологов технология открытой дискуссии эффективна для развития коммуникативных навыков, способности работать в команде, слушать и понимать других, а также умения четко и аргументировано излагать свои мысли. Главным достоинством решения кейсов в открытой дискуссии является высокая динамичность метода, способствующая формированию важного для любого профессионала свойства — способности к быстрому принятию решения.

Индивидуально-групповая работа с кейсом

Состоит в самостоятельном выявлении сути проблемы, формулировании собственной позиции в оценке ситуации, путей ее решения и рекомендаций. Проведенный каждым обучающимся анализ может обсуждаться в малой рабочей группе для выработки ее единой позиции или сразу привносится в общую групповую дискуссию.

В общем виде анализ кейса напоминает решение задачи и обычно включает следующие этапы:

- 1) ознакомление с ситуацией через прочтение ее описания или просмотр видеосюжета;
- 2) анализ ситуации с целью определения проблемы;
- 3) концептуализация (подведение теоретических оснований под конкретный случай);

- 4) разработка плана решения проблемы;
- 5) обоснование конкретных способов, средств и приемов воздействия;
- 6) рефлексивный прогноз возможных последствий и результатов применения выработанной стратегии решения ситуации [5, с.70].

Реализация на практике приведенного выше алгоритма работы с кейсом полезна для формирования важнейших для военного психолога компетенций: способности применять методы психологической поддержки сотрудников, осуществлять комплекс мер по социально-психологической реадaptации сотрудников, военнослужащих и иных лиц, участвовавших в экстремальной деятельности; способности разрабатывать модели диагностики проблем лиц, нуждающихся в коррекционных воздействиях, выбирать адекватные формы, методы и программы коррекционных мероприятий; способности предварительного анализа ситуации, без которой невозможно проектирование и принятие эффективных решений.

Такая работа закладывает базовые стереотипы продуктивной реализации основных профессиональных функций будущего военного психолога: консультирование, коррекция, просвещение, развитие и т.п. и является важным средством для успешного формирования инструментального компонента профессиональной идентичности курсантов Военного университета.

Литература

1. *Бахметова Ю.Н., Егорова Е.Н.* Интерактивные методы обучения студентов как часть практико-ориентированного подхода в образовании // *Культура и образование* № 3 (54), 2014.
2. *Ермолаева Е.П.* Принцип превентивной оценки профессиональной идентичности специалистов в процессе обучения и переподготовки. *Инновации в образовании* // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*, 2010, № 1, с. 33-36
3. *Зимняя И. А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. — 42 с
4. *Красникова Ю.В.* Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания // *Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.)*. — Уфа: Лето, 2013. — С. 167-169.
5. *Лежнина Л.В.* Кейс-метод в обучении педагогов-психологов: научно-методический аспект // *Наука и школа*. — 2008. — №5. — С. 68-70.
6. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность / Перевод. с англ. Татлыбаева А. М. — СПб.: Евразия, 1999, с.382
7. *Современные технологии реализации подготовки психологов: бакалавров, специалистов и магистров в российских вузах: [Учеб. пособие] /*

Н.А. Давыдов [и др.]; [Редкол.: Караяни А.Г., Поляков С.П., Гожигов В.Я.];
Воен. ун-т. — М.: [ВУ], 2015. — 214 с.

8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности — СПб.: Питер, 2002. — 608 с.

**THE USE OF THE CASE METHOD IN THE FORMATION OF
PROFESSIONAL IDENTITY OF CADETS OF THE MILITARY
UNIVERSITY**

Inshakova Tatyana Valentinovna,

clinical psychologist, lecturer of the Department of psychology at the Military
University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

e-mail: tatyana275@yandex.ru

Abstract. the article shows the relationship of professional identity with professional factors: self-determination, awareness, identity and development, discusses the use of the case method in the formation of the instrumental component of professional identity of cadets of the Military University

Keywords: professional identity; professional factors; self-actualization; the case study method; education; interactive methods; competencies; active learning methods.

ИЕРАРХИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Петров Владислав Евгеньевич,

доцент кафедры психологии федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный университет», кандидат психологических наук, доцент,
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению иерархии жизненных ценностей военнослужащих как индикатора их профессиональной идентичности. В результате проведённого анкетного опроса 163 военнослужащих были установлены статистически значимые различия в иерархии ценностей, которые во многом обусловлены возрастными особенностями респондентов, преломленными сквозь призму жизненного и профессионального опыта, социального статуса и перспектив жизнедеятельности. Так, для курсантов чётко выражена тенденция в выборе личностной выгоды — доминирует стремление к поддержанию «здоровья», созданию «счастливой семейной жизни», «самосовершенствованию». Военнослужащие (офицеры) склонны к «продуктивной жизнедеятельности», «интересной работе» и «материально обеспеченной жизни». Результаты исследования позволяют утверждать, что профессиональная идентичность, выраженная в доминирующих ценностных ориентациях, курсантов сформирована недостаточно, что обуславливает необходимость активизации системы мер по совершенствованию профессионального становления военнослужащих.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; профессиональное становление личности; жизненные ценности; иерархия ценностей; военнослужащие.

Успешность профессиональной деятельности личного состава Минобороны России во многом определяется степенью идентичности характеристик мотивационно-ценностной сферы военнослужащих современным требованиям. Актуальность выбора жизненных ценностей как критерия идентификации и профессионального становления личности военнослужащих обусловлена тем, что именно они определяют цели и приоритеты жизнедеятельности, в известной степени, управляют ею. При этом для самоутверждения личности, реализации профессионально-личностного роста важны как общечеловеческие жизненные ценности (например, семья, здоровье, саморазвитие, деньги и т.п.), так и военно-корпоративные ценности (служение Отечеству, воинская честь и т.п.).

Процесс формирования и идентификации личности непрерывен, гетерохронен и охватывает различные этапы военной службы [1, 2]. Особое значение феномен идентичности имеет для профессионального становления

курсантов в ведомственных образовательных организациях. В первую очередь, это определяется потенциальной возможностью изменений ценностно-мотивационной сферы обучающихся как индивидов, проходящих этап самоопределения, становления и развития.

Несмотря на достаточно хорошую проработку научно-теоретических аспектов проблемы профессионального становления личности [7, 8], профессионального самоопределения и идентификации [3], диагностики мотивационно-ценностной сферы [4, 5, 6], вопросы ценностно-ориентационного единства военнослужащих (курсантов) изучены не в полной мере. Более того, принимая во внимание существенные изменения ценностно-мотивационной сферы людей, произошедшие в современном Российском обществе, выступающие основой профессиональной идентичности, перспективным является изучение иерархии ценностей различных групп личного состава. Именно оценке доминант в сфере жизненных ценностей военнослужащих как элемента профессиональной идентичности и было посвящено реализованное нами научное исследование.

В исследовании, проведенном в 2017 году, приняло участие 163 человека (мужчины). Во всём объёме выборки были сформированы две контрастные по возрасту и должностному статусу группы. В первую группу вошло 146 курсантов 3-4 курсов Военного университета Минобороны России (средний возраст 21,9 года), во вторую группу — 17 военнослужащих (слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Военного университета Минобороны России), проходящих военную службу в различных частях и соединениях (средний возраст 39,3 лет). Изучение ценностей осуществлялось методом анкетирования с ранжированием десяти фиксированных (определённых в ходе предшествовавшего анализа научной литературы) ценностей. Применялись частотная обработка результатов, а также оценка межгрупповых различий с помощью t-критерия Стьюдента (в предположении о нормальном распределении соответствующих показателей).

По результатам исследования было установлено, что возрастные особенности человека, преломленные сквозь призму жизненного и профессионального опыта, социального статуса и перспектив жизнедеятельности, обусловили различия в приоритетах ценностей (табл. 1). В нашем исследовании тройка ведущих ценностей для каждой из групп имеет существенные различия. Так, для курсантов была выражена тенденция в выборе личностной выгоды — доминирует стремление к поддержанию «здоровья» (удельный вес — 3,04 балла), созданию «счастливой семейной жизни» (4,32), «самосовершенствованию» (5,02).

Военнослужащие зрелого возраста склонны к «продуктивной жизнедеятельности» (2,98), «интересной работе» (3,30) и «материально обеспеченной жизни» (3,87); диаметрально противоположными по значимости для них оказались «здоровье» (7,23) и стремление к «самосовершенствованию» (7,56). Подобные различия во многом обусловлены возрастными амбициями респондентов, социальными установками и ожиданиями. Результаты

позволяют судить о характере и степени профессиональной идентичности курсантов как военнослужащих.

Таблица 1.

**Результаты исследования жизненных ценностей
различных статусно-возрастных групп военнослужащих**

№	ценность жизнедеятельности	ранг				t- критери й Стьюде нта
		курсанты (21,9 год), 146 чел.		военнослужа щие (39,3 лет), 17 чел.		
		X_{cp}	σ_x	X_{cp}	σ_x	
1	внутренняя гармония	5,47	2,86	6,35	3,10	1,12
2	здоровье (психическое и физическое)	3,04	2,37	7,23	2,94	5,67***
3	интересная работа	5,63	2,48	3,30	3,25	2,86**
4	материально обеспеченная жизнь	5,66	2,64	3,87	3,04	2,33*
5	общественное признание	7,39	2,55	4,61	3,34	3,32**
6	продуктивная жизнедеятельность	6,36	2,45	2,98	3,47	3,90***
7	самосовершенствование	5,02	2,56	7,56	3,11	3,24**
8	свобода (самостоятельность)	6,35	2,73	7,74	3,53	1,57
9	счастливая семейная жизнь	4,32	2,84	6,12	4,13	1,75
10	удовольствие от жизни	5,77	2,95	5,24	3,47	0,60

Примечание:

* — значимость различий на уровне $p < 0.05$;

** — значимость различий на уровне $p < 0.01$;

*** — значимость различий на уровне $p < 0.001$.

Варьировались подходы по отношению к незначимым ценностям. Например, современные курсанты не отличаются желанием достичь общественного признания (7,39) и продуктивной жизнедеятельности (6,36). Диаметрально противоположными по значимости для молодежи оказались «здоровье» (7,23) и стремление состоявшихся военнослужащих к «самосовершенствованию» (7,56).

Респонденты обеих групп сошлись во мнении относительно такой не востребуемой ценности как «свобода (самостоятельность)». Данный феномен можно интерпретировать следующим образом: «ради достижения значимых для себя ценностей военнослужащие разных возрастов с легкостью готовы отказаться от профессиональной и личностной свободы (самостоятельности)».

Несмотря на некоторое своеобразие восприятия опрошенными ценностно-мотивационного пространства, не отмечено статистически значимых различий по таким ценностям как «удовольствие от жизни», «внутренняя гармония».

Результаты исследования позволяют утверждать, что профессиональная идентичность, выраженная в доминирующих ценностных ориентациях, курсантов 3-4 курсов практически не сформирована. Тезис подтверждается иными материалами (мнением курсантов и профессорско-преподавательского состава, анализом успешности деятельности выпускников). Подобный вывод обуславливает необходимость активизации системы мер по совершенствованию профессионального становления военнослужащих на различных уровнях (в т.ч. в образовательных организациях Минобороны России). Результаты могут быть обращены как к курсовым офицерам, представителям воспитательных подразделений, так и к психологам.

Литература

1. *Евсюк А.В.* Условия эффективного обеспечения психологической совместимости субъектов воинской деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 204 с.

2. *Исаева Н.Н.* Педагогическое обеспечение психологической совместимости военнослужащих в подразделениях внутренних войск МВД России // Современная наука. № 3 (3). 2010. С. 134-138.

3. *Казакова Л.П., Кошель В.А.* Формирование национальной идентичности и подготовка педагогов новой генерации // Социология образования, 2015. № 3ю С. 113-121.

4. *Некрасова Е.А., Жмурин И.Е.* Эмпирическое исследование согласованности ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов // Человеческий капитал. 2017. № 3 (99). С. 85-88.

5. *Певень Л.* Ценности военной службы в свете социологического опроса военнослужащих // Российское военное обозрение. № 1 (36). 2007.

6. *Петров В.Е.* Анализ ценностно-ориентационного единства для изучения социально-психологического климата // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2006. № 1 (25). С. 18-21.

7. *Петров В.Е., Харитиди Д.П.* Динамика личностного становления студентов-юристов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2013. № 1 (52). С. 33-37.

8. Психология служебной деятельности: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» / В.Л. Цветков, А.Г. Караяни, Т.А. Хрусталева, А.А. Рожков, Г.С. Човдырова, О.А. Мусатова, В.М. Статный, В.Е. Петров, А.М. Танов, С.Ф. Щеглов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Законинпрavo, 2014. 367 с.

HIERARCHY OF LIFE VALUES AS AN INDICATOR OF PROFESSIONAL IDENTITY OF SOLDIERS

Petrov Vladislav Evgenyevich,

associate Professor of the Department of psychology of the Federal state military educational institution of higher professional education «Military University»,

Ph.D.,

v.e.petrov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the hierarchy of life values of military personnel as an indicator of their professional identity. As a result of a questionnaire survey of 163 soldiers were statistically significant differences in the hierarchy of values that is largely due to the age characteristics of the respondents, refracted through the prism of professional and life experience, social status and prospects of life. So, students clearly expressed trend in the selection of personal benefit — is dominated by the desire to maintain "health", the creation of a "happy family life", "self-improvement". Soldiers (officers) tend to "productive life", "interesting work" and "material provided life". The results of the study allow to assert that professional identity, as expressed in the dominant value orientations of the cadets formed is insufficient, which necessitates the revitalization of the system of measures to improve the professional development of military personnel.

Keywords: professional identity; vocational personality; life values; hierarchy of values; the military.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ И ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ КАК ОСНОВАНИЙ ИХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Гожиков Василий Яковлевич,

доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: gojickow.v@yandex.ru

Кискин Станислав Олегович,

преподаватель кафедры военного регионоведения Военного университета
Министерства обороны РФ,
e-mail: koteradze@yandex.ru

Аннотация. В научной статье при анализе оснований формирования идентичности курсанта в военном вузе подчёркивается, что в основе этого процесса лежит развитие личности будущего российского офицера, обладающей профессионализмом, воинской честью, верностью воинскому долгу, преданностью Родине, готовностью к жертвенности при выполнении боевых задач, альтруизмом и др.

Ключевые слова: курсант; ценностная сфера личности; военно-профессиональная идентичность; субъектность выпускника военного вуза.

Одной из ключевых тенденцией развития высшей военной школы является становление ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности курсанта как оснований его идентичности. Речь идёт о формировании творческой личности будущего офицера, его общекультурных и военно-профессиональных компетенций, интеллектуальных способностей, умения решать конструктивные, нестандартные задачи служебной деятельности в мирное и военное время [1; 2; 4; 5; 7; 8; 9 и др.].

При этом необходимость повышения эффективности формирования военно-профессиональной субъектности и аксиосферы курсантов определяется, во-первых, фундаментальными принципами развития государственно-патриотических, культурно-духовных, когнитивных и эмоциональных компонентов их личности (в интегральной совокупности дифференциального многообразия её сторон: военно-профессиональной, морально-волевой, правовой, нравственно-этической, религиозной, эстетической и др.). Во-вторых, ориентиром образовательного процесса в высшей военной школе является гармонизация индивидуально-личностного и социального, представляющая совокупность определённых компонентов: *аксиологического*, отражающего ценности личности будущего офицера; *интеллектуального*, отражающего способность к продуктивной мыслительной деятельности, адекватному пониманию окружающей действительности,

реальных проблем и принятию решений; *эмоционального*, отражающего преобладающие позитивные эмоции; *характерологического*, представляющего гуманистические индивидуальные черты; *конативного*, отражающего гуманистические поступки, моральные убеждения и поведение [4; 9 и др.].

Однако следует учитывать, что современное военное образование, как и высшее образование в стране, развивается в условиях, когда наряду с классическими ценностями (профессионализм, ответственность, честь, совесть, справедливость и т.п.), появляется «рыночный культурный пакет современных ценностей» (информированность, толерантность, социальность, адаптированность и т.п.). Высшая школа испытывает влияние псевдокультурных и антикультурных тенденций, а организация подготовки специалистов осуществляется без должной акцентуации государственно-патриотических идей и высоких нравственных традиций. При этом искажается смысл понятия «образованный человек» (когда акцент переносится с понятия «культурный», на понятие «информированный» человек) и т.п. Итогом такой ситуации становится дефицит социально ответственных личностей, в которых остро нуждается экономика, техника, наука, культура и, конечно, военное дело, сама сущность которого переплетается с государственно-патриотическим отношением офицеров к избранной профессии [3; 6; 10; 11 и др.].

В процессе формирования идентичности курсантов аксиологические психолого-педагогические цели их личностного развития не всегда выступают доминирующими (по отношению к управленческим, организационным, информационным и др.), что затрудняет процесс развития профессиональной субъектности в русле её основных компонентов (рефлексивного, мотивационного, операционального), обеспечивающих освоение «операционального» содержания будущей профессиональной деятельности в тесной увязке с её ценностно-смысловым контекстом.

Преодолеть указанные противоречия можно только тогда, когда формирование идентичности будет осуществляться в формате психолого-педагогической системы интеллектуального и общекультурного развития будущего офицера, позволяющих ему в дальнейшем успешно осуществлять профессиональную деятельность в условиях мирного и военного времени и входить в разряд интеллектуальной и духовной элиты российского общества [3; 7; 8 и др.].

В основе этой системы лежит инновационная деятельность органов военного управления, профессорско-преподавательского состава и других субъектов, которые создают в них государственно-патриотическую среду, обеспечивают её актуальное научное содержание и ценностно-содержательное проектирование, а также смысловые ориентиры духовного самосовершенствования и социально-нравственный «заряд» поведения будущего офицера.

В этой связи, во-первых, в когнитивном, коммуникативном и регуляторном компонентах целостной, динамичной психологической

структуры личности будущего офицера особая роль принадлежит тем психическим и психофизиологическим свойствам, которые позволяют, с достаточной степенью точности и адекватности, воспринимать «ценностную составляющую» образования, оказывающую определенное влияние на мотивацию и формирование гуманистической сущности внутреннего мира. Во-вторых, эти факторы личностного становления проявляются в степени творческой познавательной активности курсантов в конструировании профессиональных психолого-педагогических ситуаций (Я и Дело; Я — Российский офицер), отношений (Я и Другие), развития саморефлексии (образ Я, Я в прошлом, Я в настоящем, Я в будущем) и самоорганизации [2; 3; 4; 6; 9 и др.].

Поэтому подготовка будущих офицеров, осуществляемая в интересах Личности, Государства и Общества, предстает как «вечная и универсальная ценность». Она вносит свой вклад в формирование целостной личности курсанта (в единстве трех ипостасей его общности: с самим собой; с миром «значимых других»; с идеалом образа «Я — офицер»).

Аксиологическая характеристика военно-профессиональной идентичности включает взаимосвязанные ценностные компоненты: государственный, общественный и личностный.

К основным механизмам формирования ценностно-мотивационной сферы курсантов в контексте формирования их идентичности, относятся:

— *интернализация* (связанная с осознанием ценностей и принятием ответственности за их выбор, с согласованием имеющихся ценностных представлений с социально значимыми и установлением равновесия между ними, с созданием предпосылок для социально ориентированной системы военно-профессиональных ценностей);

— *аутентизация* (осознание курсантом истинности, подлинности соответствия военно-профессиональных и социальных ценностей своей индивидуальности, сущностному в себе, стремление обрести свою внутреннюю целостность, гармонизировать свои отношения с окружающим миром и самим собой);

— *культуральная рефлексия* (способности курсанта осознавать представленные в отечественной культуре и военной профессии ценности как лично значимые, соотносить их с собственными ценностями и смыслами и определять свои предпочтения, влияющие на ценностные основания профессионального выбора);

— *экзистенциальная рефлексия* (сложный, многоуровневый процесс осознания, переосмысления и корректировки курсантом оснований личностного бытия, в том числе военно-профессиональной жизнедеятельности).

Курсанты военного вуза находятся на различных этапах становления своей идентичности и военно-профессионального служения. Приняв присягу, они с помощью командования и профессорско-преподавательского состава военного вуза готовят себя к будущему служению Отечеству посредством

развития своих духовных сил, способностей и умений преодолевать трудности военно-профессионального становления.

Социокультурный и ценностно-смысловой императив служения(в формате идентичности и военно-профессионального становления курсантов)проявляется в том, что они как активные субъекты не могут мыслить себя без ценностного отношения к офицерской службе, определяющей основания жизнедеятельности и являющейся системообразующим компонентом их личностно-профессиональной идентичности.

На социально-психологическом личностном уровне курсанта это предполагает: осознание необходимости высокого уровня военно-профессиональной подготовленности как ценностной основы жизнедеятельности и личностного ресурса для выполнения миссии офицера в государстве и обществе в условиях мирного и военного времени; идентификацию себя как субъекта с выраженной потребностью в самосовершенствовании, самообучении и самовоспитании, реализуемых в контексте жизненных ценностей и гуманистического мировоззрения.

Вместе с тем, психолого-педагогические условия становления ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности будущих офицеров (как оснований их идентичности) занимают особое место, так как мировоззрение будущего офицера экзистенциально, способно «задействовать» специфические личностные параметры жизнедеятельности, а также ценностные патриотические ориентации. Именно высшие, духовные, личностные уровни личности курсанта «создают основание целостности», а присущая ему «потенциальная бесконечность» определяет его развитие и саморазвитие. Следовательно, формирование идентичности— создание у выпускника военного вуза ценностного, «человеческого и человеческого» мира, включающего в себя: мир военной профессии; миры других людей; мир нравственности, морали, совести; мир общения и человеческих отношений и др. [3; 4; 5; 7; 8; 10; 11 и др.].

При этом необходимо учитывать, что формирование идентичности осуществляется в конкретной психолого-педагогической реальности, отличающейся искусственностью, инвариантностью, нормативностью и др. *Искусственность* означает, что речь идёт о целенаправленном, специально организованном процессе, направленном на формирование социально-значимой, творческой активности. *Инвариантность* проявляется в том, что существуют инвариантные подходы решения прикладных задач подготовки курсантов (с учетом динамичности образовательной практики в высшей военной школе). *Нормативность* связана с наличием определенных «военно-профессиональных каркасов» норм, регламентирующих эталонов, устанавливаемых качественных и количественных шкал [3; 4; 8; 9; 11 и др.].

Формирование идентичности будущих офицеров, содержательным базисом которой является гуманитарная культура, помогает:

— искать и находить ответы на вопросы о способах и смыслах человеческого бытия, нравственных, эстетических, политических, религиозных и других ценностях;

— обеспечить психолого-педагогическую поддержку саморазвития, самореализацию, актуализацию развития духовных начал, эмоционально-волевой стабильности, психолого-педагогические условия «разумного» сочетания существующего «информационного прессинга» и организованной системы образования;

— вырабатывать избирательное отношение к молодежным субкультурам, умение ранжировать информацию в целях интенсивного развития своих качеств активных субъектов познания и общения, в том числе, оптимальное использования компьютеризации обучения (чтобы работа с компьютером не снижала инициативности мысли, не обедняла творческое воображение и не уводила от реального мира);

— реализовывать механизмы формирования ценностной базы, нравственных установок и достойной ориентации (при нивелировании квазипотребностей и квазиинтересов), преодолевая инфантилизм и духовную опустошенность;

— насыщать образовательный процесс этическими (нравственными), эстетическими и ценностными компонентами, в том числе отражающих в содержании образования многообразные связи науки, искусства и других элементов культуры.

Вместе с тем, по мнению экспертов (n=17), в числе проблем формирования идентичности курсантов: абстрактно-теоретический метод преподавания, недостаточная связь с реальными задачами будущей профессиональной деятельности (49%); медленные темпы внедрения в военных вузах инновационных педагогических технологий (41%); «иллюзорность» межпредметных связей различных дисциплин (8%).

Следует отметить, что в числе объективных причин затруднений формирования идентичности курсантов— серьёзное понижение уровня и общекультурной подготовки поступающих в вуз, что ведёт к увеличению доли компенсирующего обучения за счёт профессиональной подготовки. Так, более 15% курсантов младших курсов характеризуется недостаточной культурной и учебной активностью, низким уровнем познавательной деятельности и заинтересованности в учебе; у 5 % проявляются элементы недисциплинированности, потребительские установки и эгоизм. Все это накладывает негативный отпечаток на решение задач гуманитарной подготовленности выпускников военных вузов к профессиональной деятельности в войсках.

Анализ психолого-педагогических условий и практики формирования военно-профессиональной идентичности курсантов показывает, что сформулировать её цель сравнительно легко, но достижение этой цели весьма проблематично, так как в качестве результата выступают свойства и качества личности, которые проявляются, в том числе, в отдаленной временной

перспективе в виде служебных, творческих, мировоззренческих, ментальных и поведенческих черт, характерных для офицера. В этой связи, государство, общество и субъекты высшей военной школы должны концентрировать свои усилия на создании условий востребованности офицерской профессии, возрождения ее высокого престижа и социального статуса, устойчивой мотивации личности к военно-профессиональной деятельности, развитой системы материальных и моральных стимулов, морально-психологического обеспечения эффективного функционирования армейского организма. Только в этом случае можно рассчитывать на формирование и развитие у курсантов военных вузов желанного всем варианта свободно избранной самодисциплины и ответственности.

Условия подготовки будущего офицера (трансформации его субъектности как потенциального качества в субъектную активность и, как представляется, соответствующую идентичность) включают:

- воздействие релевантными психолого-педагогическими формами и средствами на все компоненты подготовки, включая референтные образцы субъектного поведения;

- использование креативного потенциала интеллекта курсанта (общего и рефлексивного социального);

- включение рефлексивных процедур процессуального и результативного характера (мотивацию учебной успешности через достижение понимания интеллектуальной сложности, напряженности и масштаба «миссии офицера» в войсках), а также обеспечение личностной значимости моделирования ситуаций (воссоздание профессионально-деятельностного контекста решения служебных задач).

В ходе изучения психолого-педагогических условий становления ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности будущих офицеров (как оснований их идентичности) установлено, что среди курсантов младших курсов существенно проявляется тенденция «дифференцировать» ценности «для профессии» (нормативный уровень) и «для себя» (личностный уровень). Это означает, что ценности, признаваемые значимыми и должными, в контексте их реализации «откладываются» на будущее и не всегда становятся регуляторами поведения личности.

Данная динамика нашла подтверждение в исследовании с помощью ориентационной анкеты Б. Басса. На старших курсах (n=97) было установлено доминирование направленности «на общение» (89%), повышение направленности «на дело» (+29%) и снижении направленности «на себя» (-7%).

Результаты исследования позволяют сделать выводы, во-первых, о позитивной динамике интериоризации курсантами просоциальных ценностей и ценностей, составляющих основу будущей профессии офицера; во-вторых, о сложной корреляции этих ценностей с качеством и эффективностью обучения и воспитания в высшей военной школе.

Исследование подтвердило предположение о сложном содержании и «нелинейной» динамике формирования идентичности и социальных ориентиров курсантов (общественных, профессиональных и индивидуально-личных), испытывающих «разновекторное» влияние современного социума, аксиологической образовательной среды военных вузов и микросреды.

В исследовании с применением опросника И.В. Сыроматникова «Профессиональная субъектность», позволяющего выявлять личностный профиль профессиональной субъектности и затем классифицировать испытуемых в зависимости от выраженности тех или иных субъектных качеств, выявлены особенности жизненных планов выпускников военных вузов (таблицы 1; 2).

Таблица 1.

Жизненные планы выпускников военных вузов

Жизненные планы выпускников военных вузов	Ответы курсантов 5 курса (% от числа респондентов)
Сделать карьеру («стать генералом»), добиться высокого социального статуса	56
Продолжить семейную традицию службы Отечеству в качестве офицера	17
Заслужить право вернуться в свой или другой военный вуз в качестве преподавателя (ученого-исследователя)	15
Обеспечить стартовые возможности для реализации себя в гражданской жизни после завершения первого контракта	7
Затрудняюсь с ответом	5

Можно предположить, что психолого-педагогические условия становления ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности будущих офицеров (как оснований их идентичности) тесно взаимосвязаны с реализацией в сфере высшего военного профессионального образования компетентностного подхода — ценностной системы и методологии образовательно-воспитательного процесса, базирующейся на признании ценности личности, создании условий для ее становления как субъекта деятельности, познания и общения, возможностей ее социального и профессионального самоопределения, самореализации и самоутверждения. В этой связи субъектность курсанта предстаёт как интегративная характеристика, отражающая его профессиональную идентичность, профессиональную направленность, профессиональное мышление, профессиональные компетенции и профессионально важные качества, в том

числе способность быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать действия и оценивать их соответствие задуманному, выстраивать планы жизни, карьеры и пути реализации своей будущей военной профессии.

Таблица 2.

Характеристика становления военно-профессиональной субъектности будущих офицеров как основания их идентичности

№ п/п	Характер субъектности курсантов как основания их идентичности (краткая характеристика)	Количество (%)
1	Высокий уровень (креативно-ценностный). Осознанность, рефлексивность, проективность самосознания, в том числе профессионального. Высокий уровень принятия себя, мотивации достижений, самоконтроля. Стремление участвовать в познавательной деятельности эвристического уровня. Высокий уровень смыслообразующей активности. Высокий уровень учебных достижений.	13,8
2	Средний уровень (неустойчиво — конструктивный). Мотивация достижений недостаточно высока. Наличие способностей, реализация которых позволяет достигнуть успеха как в личностном, так и в профессиональном становлении. Необходима постоянная актуализация субъектной позиции. Ориентация на практическую деятельность. Рассогласование между целями и вариантами их достижений. Трудолюбие, заинтересованность в результатах своей деятельности Контроль своих эмоций и поступков. Наличие слабо реализуемого творческого потенциала.	79,7
3	Низкий (ситуативно-репродуктивный). Отсутствие мотивации достижений. Неумение выстраивать перспективу деятельности. Стремление отсрочить выбор. Иллюзорность, нереальность жизненных планов. Отсутствие четких ценностных ориентиров. Поступки характеризуются ситуативностью, одномоментностью. Высокая тревожность. Низкий уровень самоконтроля эмоций и поведения. Саморегуляция недостаточно адекватна, гибкая и осознанная. Смыслообразующая (субъектная) активность хаотична, ситуативна, мало осознаваема. Низкие учебные достижения. Уровень знаний — репродуктивно-нейтральный.	6,5

Вместе с тем, формирование военно-профессиональной идентичности курсантов в военном вузе предполагает синтез обучения, воспитания, развития

и психологической подготовки, направленных на формирование устойчивой, избирательной, предпочтительной связи курсантов-субъектов с субъектами и объектами военно-социального окружения (приобретающими для будущих офицеров личностный смысл и расценивающими как нечто значимое для жизни государства, общества и их самих).

Анализ характеристик идентичности позволяет в качестве основных функций курсанта как субъекта деятельности выделить следующие:

— *самопознание* (рефлексивная мыследеятельность, осознание себя самостоятельной, самоуправляемой личностью);

— *самореализация* (выявление, раскрытие и опредмечивание своих сущностных сил);

— *самоутверждение* (осознание себя и отношение к себе через предъявление своего «конкретного Я» другим людям, для которых оно выступает в качестве объекта);

— *самооценка* (сопоставление потенциала, стратегии, процесса и результата своей и других учебно-профессиональной деятельности);

— *саморегуляция* (управление своим собственным развитием);

— *самодетерминация* (формирование смысловой системы представлений о себе);

— *самоактуализация* (полное использование своих способностей и возможностей).

Развитие субъектной позиции курсанта как целенаправленный процесс, содействующий обогащению его ценностно-деятельностного отношения к образованию, есть процесс актуализации имеющихся и создания новых психолого-педагогических условий, ориентированных на деятельность курсанта по решению усложняющихся образовательных задач, задаваемых логикой личностно-профессионального становления будущего офицера, логикой образовательного процесса военного вуза, собственными образовательными проблемами курсанта.

Следовательно, *субъектность* (как качественная характеристика личностной позиции формирования идентичности) наиболее полно отражает совокупность личностных проявлений, связанных с осуществлением курсантом деятельности на основе индивидуальных смыслов и отношений, с готовностью к выбору, решению и оценке разнообразных жизненных задач.

Таким образом, развитие ценностной сферы и становление военно-профессиональной субъектности будущих офицеров являются императивными психолого-педагогическими условиями формирования их военно-профессиональной идентичности.

Литература

1. Алёхин И.А., Гожиков В.Я., Караяни А.Г. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-педагогический контекст // Мир образования — образование в мире. 2015. №3. С.179–188.
2. Белошицкий А.В. Становление субъектности будущих офицеров в военном вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Воронеж, 2009.
3. Гожиков В.Я. Аксиологизация образовательного процесса как императив развития высшей военной школы в современных условиях / Материалы Международной научно-практической конференции «Россия и мир: столкновение цивилизаций в XXI веке» (7 апреля 2016 года) // Вестник института мировых цивилизаций. 2016. №12. С. 84–90.
4. Гожиков В.Я., Иванов А.А. Развитие субъектных качеств курсантов военных вузов в условиях аксиологизации образовательного процесса. Монография. М.: ВУ, 2015.
5. Ерополов Е.П. Развитие самоопределения курсантов военных вузов к деятельности офицера: дис. ...канд. пед. наук. М. 2015.
6. Караяни А.Г., Гожиков В.Я., Сыромятников И.В. Психолого-педагогические факторы качественной реализации в военных вузах инновационных форм обучения курсантов // Инновации в образовании. 2015. № 8 . С.94–107.
7. Кравец А.В., Утюганов А.А. Профессиональная идентификация офицера и ее формирование у курсантов военного вуза // Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Ростов-на-Дону. 2015. С. 35–38.
8. Медведев И.А. Профессиональная идентичность курсантов военного училища // Современные научно-практические решения и подходы. Материалы Пятой Международной научно-практ. конф. (г. Москва, 15 августа 2016 г.). М. 2016. С. 68–72.
9. Психология служения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / Военный университет МО РФ; ред. А.Г. Караяни, В.Я. Гожиков, С.И. Данилов, А.В.Мырин. М.: ВУ, 2017.
10. Симаков А.А. Формирование профессиональной идентичности у курсантов военного вуза // Мир науки, культуры, образования. № 5 (30). 2011. С. 116–118.
11. Созонник А.В. Формирование профессиональной идентичности личности курсанта на разных этапах профессиональной социализации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 12–17.

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ENVIRONMENT OF THE
MILITARY OFFICER CANDIDATES' VALUES DOMAIN AND
MILITARY PROFESSIONAL PERSONHOOD FORMATION AS
IDENTITY FOUNDATIONS**

Gojickov Vasily Yakovlevich,

Doctor of Science, Associate Professor, Associate Professor at Psychology
Department, Military University, Moscow.
e-mail: gojickow.v@yandex.ru

Kiskin Stanislav Olegovich,

Lecturer and Research Fellow at Military Foreign Studies Department, Military
University, Moscow
e-mail: koteradze@yandex.ru

Abstract. Research article represents an analysis of cadets' identity formation in higher military education institution emphasizing that process is based on personality evolution of Russian military officer candidates in the context of their professional skills, military honor, faith, love for the country, combat self-sacrificingness and selflessness.

Keywords: cadet; personalty values domain; military professional identity; personhood of military higher education institution graduate.

К ПРОБЛЕМЕ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА В ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шогорева Елена Юрьевна

доцент кафедры психологии Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент,
e-mail: shel2005@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к феномену и сущности самореализации и самоактуализации в психологической науке. Раскрыто основное содержание понятий «самоактуализация» и «самореализация» субъекта в военной деятельности с позиций системного подхода. Выделены особенности выраженности самореализации военнослужащих.

Ключевые слова: самореализация, самоактуализация, субъект, военная деятельность.

Разделяя принцип детерминизма, который составляет некую методологическую позицию в науке, психологическая наука имеет свой статус, заключающийся в попытке объяснить человеческое поведение, в том числе, и реализуемое в процессе образования или профессиональной деятельности. В общем виде, подходы к этой проблеме осуществлялись психологическими школами и направлениями по-разному. Парадокс ситуации в том, что содержание, процесс и результаты профессионального образования и в дальнейшем профессиональной деятельности рассматриваются преимущественно как аспекты приспособления субъекта к требованиям природной или социальной среды. Положение об активности субъектов учебной и профессиональной деятельности лишь постулируется. Конечно, имеющиеся на сегодняшний момент теоретические позиции резонны и справедливы. Однако положения ряда психологических теорий не всегда дают возможность понять, а значит, и организовать образовательный процесс подготовки будущих военных, с точки зрения содержательных и динамических процессов, протекающих в ситуации свободного самотворения.

Если понимать субъекта как существо свободное, то любое пространство существования человека, должно предполагать свободу выбора для субъекта — осуществляться (самореализовываться) в нем или нет. Если же опираться на представления А. Маслоу об имеющейся у личности потребности в самоактуализации, то возникает проблема — в каких случаях субъект может выбрать ту или иную деятельность в качестве способа самореализации. Причем, если полагать духовность как момент соприсутствия человека самому себе, то самореализация может быть представлена как возможность самотворения, избирательное взаимодействие между средой и человеком. Утверждение произвольности самоосуществления человека как проявление его сущностных свойств было доминирующей позицией исследователей школы С.Л. Рубинштейна [1; 2] и не только их [8;11;16 и др.]. В таком

контексте проблема существования субъекта—это не только проблема содержания, но и проблема такой организации пространства, среды, которая предоставляла бы условия для субъектного осуществления индивидуальности человека, его сущностных свойств, определяя возможность их самостановления.

Содержательные аспекты такого подхода определяются некоторой суммой методологических позиций. Это, прежде всего, применение онтологического подхода к феномену человека. Сущностью данного подхода является изучение субъекта в контексте его реального бытия. Но даже эта позиция требует обоснования возможности или необходимости такого подхода. В качестве объяснительного принципа может быть применен системный подход, который, рассматривая человека как систему, предполагает духовное и, следовательно, субъективно-субъектное воплощение человека на биопсихосоциальных плоскостях его осуществления. Возможность такого подхода подтверждается работами классиков отечественной психологии [5; 14 и др].

Обычно, когда говорят об интегративном подходе к человеку, то все структурные связи в человеке постулируются (например, связи психического и биологического). На самом деле, эти связи должны быть объяснены наукой. Такую возможность дает синергетический подход к проблемам психологии, или теория психологических систем, [9 и др.], в рамках которой человек рассматривается как неравновесная, трансцендентальная и диссипативная система. В этом случае имеет место лишь одно теоретическое допущение: человек является системой. Все остальные его человеческие свойства выводятся из свойств системы, но системы «живой» и обладающей сознанием как базовым сущностным свойством человека.

Эта позиция была отражена уже в работах А.В. Брушлинского, в рамках которой человек представлен как субъект, но не так, как в классическом деятельностном подходе, когда человек постулируется носителем той или иной деятельности [3]. А.В. Брушлинский отождествил понятие «субъект» с понятием «человек свободный», т.е. обремененный свободным выбором своего жизненного пути, когда этот самый жизненный путь осмысливается как самоосуществление, а его этапы оцениваются человеком как момент самоосуществления или самореализации.

В этой связи несколько иначе, чем это было прежде, может быть осмыслено и содержание целевых установок образовательного процесса и профессиональной деятельности, а именно — как возможность достижения субъектом значимого для него успеха, и при этом деятельность должна стать способом самореализации, формой манифестации его самости.

Обращаясь к процессам самоактуализации и самореализации, следует рассмотреть трактовку этих понятий в психологической науке. Чаще всего в зарубежной литературе самореализация определялась как самоактуализация и рассматривалась: или как процесс удовлетворения любой потребности (К.Гольштейн), или как процесс реализации потенциальных возможностей и

намерений субъекта (А. Маслоу), и удовлетворение потребности в самореализации [12]. Определенная созвучность с теориями А. Маслоу и К. Гольдштейна присутствует в подходах к проблеме самореализации у К. Роджерса и Р. Ассаджиоли. Термин «самореализация» используется для обозначения двух разных путей развития и роста, расширения сознания. В одном случае речь идет об использовании этого термина как синонима «самоактуализации» (К. Гольдштейн и др.), в другом — речь идет о самореализации как самопостижении, осознании [4].

В. Франкл в некоторой оппозиции к мнению А. Маслоу ставил проблему саморазвития и самотворения человека, когда человек вольно или невольно меняет содержание своего развития [16], что близко с рассмотрением самореализации в контексте теорий психологических систем.

В отечественной науке к понятиям самоактуализации и самореализации подходят несколько иначе. Наибольший интерес они вызывают в акмеологии, как научной области, использующей понятие «акме». В этой науке исследуются закономерности, тенденции, условия и факторы, влияющие на самоосуществление человеком своего творческого потенциала в процессе профессиональной деятельности. Акме рассматривается как вершинная, предельная, пиковая точка в творческом саморазвитии человека, в которой наиболее полно проявляется его зрелость как личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Под самоактуализацией в акмеологии понимается процесс перехода потенциальных возможностей человека как специалиста в актуальные характеристики как в самом процессе профессиональной деятельности, так и в период подготовки к ней, в процессе обучения. В этом аспекте самоактуализация рассматривается в качестве необходимой формы движения человека к личностной зрелости и вершинам профессионализма. Некоторыми авторами деятельность понимается шире, чем профессиональная деятельность, и скорее, можно говорить о жизнедеятельности человека. Самореализация тогда задает широкий контекст самоосуществления в любой сфере (профессиональной, личной, семейной и т.д.) [7;13;15]. Также существует позиция, согласно которой самореализация — это уже не просто деятельность сама по себе, а деятельность творческая, преобразующая [10].

Таким образом, анализ теоретических подходов к проблеме самовоплощения человека обнаруживает несколько позиций к пониманию соотношения понятий «самоактуализация» и «самореализация».

1. Эти понятия сходны и используются как синонимы (К. Гольдштейн, А. Маслоу и т.д.).

2. Эти понятия различны: одно из них шире, чем другое, и потому должно быть более употребительным (К. Роджерс, Р. Ассаджиоли).

3. Эти понятия связаны между собой, но отражают разные процессы (Б.Г. Ананьев, А. А. Деркач и др.).

С позиций теории психологических систем термин «самореализация» употребляется в ином значении, чем термин «самоактуализация». Самореализация понимается как переход возможности в действительность, как

процесс, в котором человек обеспечивает своё развитие, причем развитие не как спонтанное возникновение новообразований, а как самотворение или самостановление [9]. Поэтому процесс самореализации выступает как возможность самому творить свой образ жизни, выходить за рамки существования.

В этой связи, если представлять человека как существо сознательное и произвольное, то не остается основы для понимания самореализации как процесса осуществления человеком заложенных в нем возможностей. Если человек рассматривается как «целостная, самоорганизующаяся, гетеростатическая (саморазвивающаяся, нормотворческая, самореализующаяся) психологическая система» [9, с.19], то полнота исследования феномена самореализации может быть осуществлена в том случае, если понимать ее как форму проявления самоорганизации человека как целостной психологической системы. И тогда любая деятельность, которой занимается человек, — как учебная, так и профессиональная, — предполагает свободу выбора для субъекта, например, учиться или не учиться, т.е. осуществляться (самореализовываться) в учебной деятельности или нет, какую профессиональную сферу выбрать, считать ли будущую профессиональную деятельность своим призванием или нет, самоосуществляться в профессии или нет, самореализовываться или нет.

Самоактуализация — это процесс принятия субъектом решения реализовывать то, что для него актуально, и сам момент реализации этого актуального, а самореализация — момент воплощения субъектом актуальных побуждений и самого себя в процессе такого воплощения. Поэтому процесс самореализации выступает как возможность самому творить свой образ жизни, выходить за рамки нынешнего существования и, собственно, творение себя, воплощение себя в той или иной деятельности, совершение собственного и произвольного выбора. В связи с этим процесс перехода потенциального в актуальное будет пониматься как самоактуализация, для которого более характерен внутренний план действий. Процесс самоактуализации всегда предшествует самореализации. Самореализация же — это превращение актуального в реальные действия, т.е. в практическую деятельность, имеющую измеримый, вещественный результат, момент самоосуществления [6].

Согласно этому самореализация военнослужащих — это самовоплощение себя в военной деятельности, процесс самоосуществления, самотворения, когда субъект принимает или выбирает, или рассматривает военную деятельность как способ самореализации. Осознание профессиональной деятельности субъектом как способа самореализации определяется возможностью удовлетворения им основных социальных потребностей: в защищенности, в положительных и социально одобряемых результатах деятельности, в популярности, в положительных жизненных перспективах, в творчестве. Кроме этого, самореализация — сопровождается ощущением самодостаточности, успеха, превосходства и т.п. [6; 17].

С целью изучения самореализации военнослужащих (офицеров и курсантов) нами были сконструированы опросники, направленные на выявление степени выраженности отношения субъекта к военной деятельности как способу самореализации, как самовоплощению себя в военной службе в период овладения ею, в настоящий момент и в ретроспективе. В конечном варианте опросники содержат 60 утверждений, направленных на выявление двух параметров: *текущая самореализация* (выраженность отношения к военной деятельности в настоящий момент) и *ретроспективная самореализация* (диагностируется выраженность отношения субъекта к военной службе в прошлом, мироощущения на первоначальном этапе деятельности). Сопоставление показателей по данным шкалам позволяет определить наличие изменений в самореализации [18].

Для валидации опросников использовался метод «внутренней согласованности», в процессе реализации которого подсчитывались коэффициенты ассоциации альтернативных признаков. Проверка на надежность осуществлялась с применением метода расщепления. Коэффициенты корреляции по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» равны соответственно 0,68 и 0,84, и статистически достоверны при $p < 0,05$ (для курсантов). Для офицеров данные показатели равны соответственно 0,9 и 0,86, и статистически достоверны при $p < 0,01$.

Результаты проведенного исследования самореализации офицеров представлены в диаграмме (рис.1).

Исследование выраженности самореализации у военнослужащих офицеров (108 офицеров) показало, что высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 55 офицеров, что составило 51%; высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и низкие по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 14 человек, что составило 13%; низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и высокие по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 15 человек, что составляет 14%; низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 24 человека, что составляет 22%.

Таким образом, выявилось, что в значительной степени среди офицеров представлена высокая выраженность самореализации, однако имеются офицеры с низкой самореализованностью в военной службе. Практически две трети исследуемых, следовательно, рассматривают собственное положение на военной службе как успешное, воспринимают военную деятельность как способ самореализации, как самовоплощение себя в военной службе в настоящий момент.

Рис.1. Обобщенные результаты выявления самореализации офицеров в %.
 Примечание: 1 — высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» — 51%; 2 — высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и низкие по шкале «Ретроспективная самореализация» — 13%; 3 — низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и высокие по шкале «Ретроспективная самореализация» — 14%; 4 — низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» — 22%.

Результаты проведенного исследования самореализации курсантов представлены в диаграмме (рис.2).

Рис.2. Обобщенные результаты выявления самореализации курсантов в %.
 Примечание: 1 — высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» — 31%; 2 — высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и низкие по шкале «Ретроспективная самореализация» — 21%; 3 — низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и высокие по шкале «Ретроспективная самореализация» — 21%; 4 — низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» — 27%.

Исследование выраженности самореализации у курсантов (58 курсантов) показало, что: высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 18 курсантов, что составило 31%; высокие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и низкие по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 12 человек, что составило 21%; низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и высокие по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 12 человек, что составляет 21%; низкие значения по шкале «Самореализация военнослужащих» и по шкале «Ретроспективная самореализация» имеют 16 человек, что составляет 27%.

Таким образом, выявилось, что среди курсантов представлены в равной степени курсанты, имеющие высокую выраженность самореализации, и имеющие низкую выраженность самореализации в военной службе. Следовательно, половина исследуемых рассматривают собственное положение на военной службе как успешное, воспринимают военную деятельность как способ самореализации, как самовоплощение себя в военной службе, однако другая половина курсантов — не проявляют отношения к военной деятельности как к способу самореализации.

Итак, анализ литературы, посвященной проблемам самореализации, позволяет нам заключить, что если рассматривать человека как динамическую, неравновесную систему, то процесс самореализации может быть рассмотрен как процесс самоосуществления, самотворения, когда субъект принимает или выбирает, или рассматривает деятельность, профессиональное пространство существования, военную службу как способ самореализации, и, по-видимому, самореализация может определяться внутренними условиями, в том числе, и особенностями индивидуальности военнослужащих. В этой связи возникает необходимость исследования процесса, результата и содержания самореализации, исходя из таких особенностей, как мотивация деятельности, личностные особенности и др. Проведенное исследование показало, что существуют различия в отношении к военной деятельности военнослужащих как способу самореализации, а знание внутренних условий возникновения таких различий позволит более эффективно организовывать процесс профессиональной подготовки и прогнозировать поведение военнослужащих в военной деятельности.

Литература

1. *Абульханова К. А.* Субъект и субъектность: проблема определения качеств // Развитие психологии в системе комплексного человекознания / Отв. ред.: А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. Ч. 1. М.: Институт психологии РАН, 2012. С.49–62.
2. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

3. *Брушлинский А.В.* Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. Т. 12. №6. 1991. С. 3–11.
4. *Вахромов Е.Е.* Понятие «Самоактуализация» в психологии. URL: <http://vakhromov.narod.ru/publ/003.htm> (дата обращения: 20.10.2017).
5. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
6. *Герасимов В.П.* Синергетическая антропология: иное видение человека как природного феномена // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник материалов V Сибирского психологического форума (3–5 октября 2013 г.). Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2013. С.62–65.
7. *Деркач А.А.* Акмеология. М.: РАГС, 2004.
8. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
9. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Самореализация личности: системный взгляд / под ред. Г.В. Залевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
10. *Коростылёва Л. А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Л. А. Коростылёва. СПб.: Речь, 2005.
11. *Левин К.* Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии // под ред. П.Я.Гальперина, А.Н. Ждан. М., 1980. С.142.
12. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2014.
13. Основы военной акмеологии: Учебное пособие для высш. военных учебных заведений / Под ред. П.А. Корчемного и др.: В 2 частях. М., 1996. С. 27–28.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.
15. *Сыромятников И.В.* Психология профессиональной субъектности офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации: Дис. ... доктора психологических наук: 19.00.03. Москва, 2007.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
17. *Шогорева Е.Ю.* Системный подход к самореализации курсантов в образовательном процессе // Военный академический журнал. 2014. №1(1). С.76–81.
18. *Шогорева Е.Ю.* Самореализация военнослужащих: проблемы диагностики // Самореализация личности в современном мире: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Научные редакторы С.И. Кудинов, С.С. Кудинов, О.Б. Михайлова. 2017. С. 107–114.

TO THE PROBLEM OF SELF-REALIZATION OF THE SUBJECT IN MILITARY ACTIVITIES

Shogoreva Elena Yurievna

associate Professor of the Psychology Department at the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
candidate of Psychological Sciences, PhD (Psychology)
e-mail: shel2005@inbox.ru

Abstract. The article considers approaches to the phenomenon and essence of self-realization and self-actualization in psychological science. The main content of the concepts of "self-actualization" and "self-realization" of the subject in military activities from the positions of the system approach is revealed. The peculiarities of the expression of self-realization of servicemen are singled out.

Keywords: self-realization, self-actualization, subject, military activity.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ

Михно Ольга Сергеевна,

канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: omihno@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрен гендерный подход к формированию военно-патриотической идентичности курсантов. Раскрыты основные факторы формирования патриотизма, а именно: взаимоотношения между офицерами и курсантами, преподавательским составом военного ВУЗа; уклад воинской жизни курсантов (или повседневность военного ВУЗа); особенности военной культуры (воинские ритуалы, традиции, военно-профессиональный язык), предложены методы воспитательной и педагогической работы, способствующие развитию военно-патриотической идентичности у военнослужащих-женщин.

Ключевые слова: гендерный подход, военно-патриотическая идентичность, военнослужащие-женщины.

В настоящее время феномен профессиональной идентичности курсантов военных вузов является одной из актуальных проблем военной психологии. В структуре профессиональной идентичности военнослужащих особо выделяют военно-патриотическую идентичность, которая, с одной стороны, активно исследуется современными учеными (Зайцева А.А., Исаев М.Е., Карлова Е.Н., Павлова В.Г., Романова Е.Н., Савокул С.С., Тихонова Н.Е. и др.). Но с другой стороны, отдельные аспекты проблемы, такие, как гендерные особенности формирования военно-патриотической идентичности курсантов, еще недостаточно изучены:

— не выработано четкого понимания соотношения понятий гендерной идентичности и других видов идентичности, в том числе и военно-патриотической, отсутствуют эмпирические психологические исследования гендерной составляющей в структуре военно-патриотической идентичности военнослужащих России;

— не проводились исследования роли современных образов мужественности и женственности в формировании и поддержании военно-патриотической и военно-профессиональной идентичности военнослужащих;

— недостаточно разработаны механизмы трансформации идентичностей, роли гендерной и военно-патриотической идентичности в поведении военнослужащего и многие другие актуальные вопросы.

Вместе с тем, реформирование вооруженных сил России, социально-экономические и социально-политические изменения в обществе привели к тому, что женский состав армии имеет тенденцию к постоянному увеличению, а профессионализм военнослужащих-женщин предполагает не только наличие

военно-специальных навыков, но и соответствующих духовно-нравственных и моральных качеств, что обуславливает актуальность углубленного изучения данной проблемы.

И гендер, и патриотизм являются социальными конструктами. Гендерный подход к военно-патриотическому воспитанию курсантов предполагает его организацию с учетом полоролевой идентичности, особенностей формирования патриотизма в процессе полоролевой социализации в военной профессии. Современные военные ВУЗы уделяют этому недостаточно внимания, хотя условия формирования военно-патриотической идентичности у военнослужащих разного пола имеют свою специфику, поскольку сама по себе военная деятельность имеет выраженную милитаристско-маскулинную направленность, и полное вовлечение женщин в армейские структуры без учета индивидуальных полоролевых особенностей предполагает определенные опасности, о чем свидетельствует опыт современной истории.

Военно-патриотическую идентичность понимают как осознание индивидом своей принадлежности к военной социокультурной среде, принятие норм и моделей поведения, ценностей и образа жизни [1; 3]. Патриотизм - это высшее проявление личностных качеств военнослужащего, нравственный принцип, содержанием которого является любовь к Отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать Родину и свой народ. Военно-патриотическая идентичность предполагает осознанное внимание к вопросу профессионального самосознания, который сопровождает военнослужащего в процессе его профессионального становления, на протяжении всей его жизни и обуславливает многие важные моменты жизнедеятельности, а ее развитие означает направленность на профессиональный рост, новое качество работы, основанное на чувстве долга и служении Родине.

Анализ литературы показал, что к социальным и педагогическим факторам, формирующим военно-патриотическую идентичность курсантов, воздействующим на все ее компоненты, являются: стихийно складывающиеся и целенаправленно организованные взаимоотношения между офицерами и курсантами в интересах процесса идентификации с требованиями, предъявляемыми к офицерам Российской армии; уклад воинской жизни курсантов (или повседневность военной образовательной организации), особенности военной культуры (воинские ритуалы, традиции, военно-профессиональный язык) и др. [1; 2; 3; 5].

К целенаправленным действиям субъектов воспитания курсантов по развитию в них уважения и любви к Родине, к профессии офицера как ее защитника можно отнести, прежде всего, описание военно-профессионального опыта, опыта боевых действий. Также в систему военно-патриотического воспитания входят такие мероприятия, как индивидуальные и коллективные беседы, различные виды информирования, лекции, научно-практические конференции, встреча с ветеранами боевых действий и пр. Они направлены на

подготовку курсантов к воинскому труду, формирование и развитие личности, способной любить и защищать свою Родину, отстаивать ее интересы, сохранять и приумножать лучшие традиции своего народа, ценить культурные ценности.

В «Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденной приказом министра обороны РФ № 70 от 1 марта 2004 г. «Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации» (в ред. Приказ Министра обороны от 30.12.2011 №2666), военнослужащие-женщины выделены как отдельный объект воспитания в воинской части [4]. Военная профессия не имеет явно выраженных дифференцирующих гендерных признаков, поэтому педагогическая работа командиров женских подразделений и преподавательского состава, направленная на обнаружение этих признаков и их учета в образовательно-воспитательном процессе, усложняется и становится более значимой. С первых дней службы необходимо активное включение военнослужащих-женщин во все виды профессиональной подготовки в целях быстрее освоения воинской специальности как условия завоевания профессионального авторитета.

При подготовке и проведении мероприятий патриотического характера на основе гендерного подхода стоит использовать соответствующий материал для достижения более качественных результатов во влиянии на патриотическое сознание и поведение военнослужащих-женщин. Так, организовывая педагогический процесс с учетом гендерного подхода, целесообразно проводить занятия, направленные на изучение роли женщин в становлении российской армии, а также учитывать опыт новейшей истории и роль военнослужащих-женщин в развитии современной армии. В ходе воспитательного процесса следует учитывать и психофизиологические особенности военнослужащих-женщин, принимать во внимание специфику их мышления, ценностных ориентаций и другие отличительные характеристики.

При организации военно-патриотических мероприятий (занятий) для улучшения качества работы с военнослужащими командирам подразделений, преподавателям рекомендуется ответить на следующие вопросы, позволяющие определить, насколько используемая на занятиях информация, а также методы и формы педагогического воздействия соответствуют гендерному подходу:

1. Какие ключевые моменты мероприятия способны активизировать восприятие мужчин/женщин?
2. Какие активные формы педагогического взаимодействия лучше использовать при проведении мероприятий с мужчинами/женщинами?
3. Какие методы работы способствуют активизации внимания и интереса к мероприятию у военнослужащих с учетом их пола?
4. Какого типа активность предпочтительней для представителей разного пола во время проведения военно-патриотических мероприятий?

5. Каковы различия в эмоциональном настрое военнослужащих разного пола в разное время проведения мероприятия (в начале, середине, завершении)?

Важной средой формирования патриотизма является сама повседневность военного ВУЗа. Предполагается, что благодаря особым условиям жизни и обучения в военном ВУЗе, происходит не только приобщение курсантов к военной культуре, но и формирование зрелой формы патриотизма, связанной с реализацией идеи служения Отечеству. Социальные факторы жизни: ограничение круга общения и жизненного пространства, отсутствие возможности свободно распоряжаться личным временем - способствуют формированию особой субкультуры, в которой присутствуют определенные нормы общения. Взаимоотношения между самими курсантами в условиях повседневной жизни военного ВУЗа структурируют их поведение, привычки и навыки. Благодаря тесному ежедневному взаимодействию друг с другом у курсантов появляется особое чувство братства, долга перед товарищами и командиром, личной ответственности за происходящее в коллективе, что способствует развитию военно-патриотической идентичности.

В повседневной жизни курсанта приходит осознание себя как профессионала, происходит формирование представлений об определенной среде как части профессионального пространства. Это пространство включает в себя не только социальное окружение - коллег, подчиненных и руководителей. В него входит и объект труда в самом широком смысле слова, т.е. та реальность, на которую профессионал направляет свою активность.

Если говорить об адаптации военнослужащих-женщин к условиям военного быта, то нужно отметить более острое чувство переживания конфликтов и ситуаций нарушения личного комфорта и благополучия, которые обязательно проявляются в повседневной жизни военного ВУЗа и могут оказывать влияние и на формирование военно-патриотической идентичности. Например, выраженные неуставные отношения в женском подразделении, моббинг могут создать искаженное представление, как о ВУЗе, так и об армии в целом, способствовать дезадаптации военнослужащей и привести к отрицанию морально-этических ценностей, на формирование которых направлен воспитательный процесс. Поэтому тактичное предъявление высоких требований к выполнению служебных обязанностей в сочетании с заботой об удовлетворении материально-бытовых, санитарно-гигиенических и медицинских потребностей военнослужащих-женщин, надлежащий учет состояния психики, а также физиологии женского организма при правильном распределении служебных обязанностей являются одним из приоритетных направлений воспитания [2].

Командиры женских подразделений должны способствовать формированию здоровой морально-психологической атмосферы в коллективе, нейтрализации неоправданных конфликтов, содействовать обеспечению социальной поддержки курсанток в трудных ситуациях и в усвоении военно-профессиональной деятельности, служить личным примером, быть

справедливым ко всем подчиненным, избегать излишнего, неоправданного всепрощенчества, соблюдать этические нормы в общении, быть подчеркнуто вежливыми. Воспитательная задача состоит в том, чтобы свести к минимуму влияние субъективных факторов и их проблемных особенностей с точки зрения интересов службы. В организации учебной и служебной деятельности стоит учитывать и индивидуально-личностные характеристики и преимущества военнослужащих-женщин: ответственность, внимательность, усидчивость, педантичность, аккуратность, дисциплинированность, хозяйственность и пр.

Стоит отметить, что с началом непосредственной профессиональной деятельности военнослужащие-женщины острее чувствуют внутренний конфликт выбора между карьерой и семьей, так как военная служба часто сопровождается особыми условиями труда (например, ненормированным рабочим днем, возможными командировками, в том числе и в зону боевых действий, экстремальными условиями труда и пр.). Военнослужащие-женщины чаще, чем мужчины оказываются в группе социального риска: матери-одиночки, разведенные женщины, многодетные или с детьми, нуждающимися в особом уходе и воспитании. Исследователи отмечают, что представительницы этой категории работают не ради самореализации, а из-за отсутствия выбора, следовательно, можно предположить у них и достаточно низкий уровень военного патриотизма, так как отсутствует «духовная» составляющая выбора профессии. Поэтому уже с курсантских времен военнослужащие-женщины должны быть особым объектом воспитания, а методы и формы профессиональной ориентации должны учитывать негативное воздействие на психику женщин всех неблагоприятных факторов профессиональной среды.

Задача командиров и преподавательского состава военного ВУЗа на основе всестороннего сравнительного анализа разобраться во всех объективных преимуществах военной службы для женщин, использовать информационное обеспечение как ведущий элемент военно-профессиональной ориентации, регулярно доводить до военнослужащих социально-значимую информацию, полные и точные сведения о преимуществах военной службы.

Командирам женских подразделений в своей работе рекомендуют сочетать методы педагогической поддержки с методами психологической и педагогической коррекции. В воспитательной работе с военнослужащими-женщинами можно делать упор на стабильное социальное положение, денежное содержание, социальные льготы и реальные гарантии по сравнению с возможностями современного рынка труда и гражданской жизни, а также духовную составляющую мотивации: возможность устроить личную жизнь, найти верных друзей, продолжить семейные традиции и пр.

Еще одним фактором, формирующим военно-патриотическую идентичность, являются традиции и ритуалы в военной среде. Они воплощают в себе благородные идеалы и высокие цели служения воина-патриота своему

Отечеству, под ними понимаются исторически сложившиеся формы поведения военнослужащих в ходе военных обрядов, торжественных и траурных церемоний, совершаемых в повседневной жизни войск, во время праздничных торжеств, важных актов военной службы и других случаях. В целом, воинские ритуалы и традиции соответствуют признакам гендерной мужественности, но в настоящее время военнослужащие-женщины активно вовлекаются в различные военно-патриотические мероприятия, направленные на укрепление военно-патриотического духа. Они принимают военную присягу, возлагают венки к местам захоронения воинов, памятникам воинам-освободителям, участвуют в Параде Победы, а также в торжественных собраниях и митингах, посвященных государственным праздникам, важным событиям в жизни страны, воинской части и др.

Непосредственное участие в воинских ритуалах, соблюдение традиций российской армии способствуют формированию у военнослужащих-женщин высоких моральных и боевых качеств, вызывают у них нравственный подъем, чувство гордости за принадлежность к Вооруженным Силам России, своему виду или роду войск, к своей части.

Реализация перечисленных факторов развития военно-патриотической идентичности с учетом гендерного подхода предполагает формирование представлений о профессиональном предназначении военнослужащих разного пола, их устойчивых качествах и чертах характера, учет физиологических, психологических и этических особенностей с акцентом на качества, присущие патриоту. Гендерный подход в патриотическом воспитании предполагает переосмысление способов и методов воздействия на личность военнослужащего через призму женского и мужского восприятия. Для этой цели, прежде всего, необходимо принятие личности курсанта с позиций его гендерных особенностей, проявляемых на уровне осознания и соответствующих определенным психофизиологическим параметрам личности, принятие военнослужащими-женщинами своей важной социальной роли в структуре армии России. Гендерный подход призван способствовать повышению качества воспитательного процесса и самореализации курсантов, положительно влиять на качество их обучения, стиль учебы, эмоционально-волевою сферу.

Литература

1. *Ахметшина Г.Х* Современное понятие патриотизма // Экономика и социум. 2013. №4(9). С.68–71.
2. *Зайцева А.А., Исаев М. Е.* Особенности воспитания военнослужащих-женщин// Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). СПб: Свое издательство, 2015. С. 182–185.

3. *Карлова Е.Н.* Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности в повседневной деятельности курсантов / Под ред. О.А. Ожеговой. Сызрань: СВВАУЛ (ВИ), 2008.
4. «Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденная приказом министра обороны РФ № 70 от 1 марта 2004 г. «Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации» (в ред. Приказ Министра обороны от 30.12.2011 №2666).— URL://consultant.ru. (дата обращения: 01.10.17)
5. *Романова Е.Н.* Повседневность военного училища как среда формирования военно-патриотической идентичности // Вестник поволжского института управления. 2008. № 3. С.190–195.

GENDER APPROACH TO FORMATION OF MILITARY PATRIOTIC IDENTITY OF CADETS

Mikhno Olga Sergeevna,

PhD in Psychology, senior lecturer of the Psychology Department at the
Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: omihno@rambler.ru

Abstract. In the article gender approach to formation of military patriotic identity of cadets is considered. Major factors of formation of patriotism are opened, namely: relationship between officers and cadets, teachers of military Higher Education Institution; the way of military life of cadets (or daily occurrence of the military educational organization); features of military culture (military rituals, traditions, a military vernacular), are offered the methods of educational and pedagogical work contributing to the development of military patriotic identity in the female military personnel.

Keywords: gender approach, military patriotic identity, female military personnel.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ИХ ЛИЧНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ

Стрелков Александр Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки
Военного университета Министерства обороны РФ
e-mail: san-sanuch@list.ru

Гожиков Василий Яковлевич,
доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии
Военного университета Министерства обороны РФ
e-mail: gojickow.v@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы взаимосвязи физической подготовленности и становления военно-профессиональной идентичности будущих офицеров в контексте их комплексной готовности к служебной деятельности в войсках.

Ключевые слова: курсант; военно-профессиональная идентичность; физическая подготовленность выпускника военного вуза.

Анализ научной литературы показывает, что в российской армии во все времена считалось, что офицер должен быть примером умственного развития и высоких духовных качеств в сочетании с силой и мужеством, физическим здоровьем, ловкостью и выносливостью [2; 3; 7; 9 и др.].

В современных условиях, следуя лучшим традициям подготовки офицерского корпуса России, субъекты высшей военной школы тесно увязывают в образовательном процессе все компоненты развития личности курсанта (государственно-патриотические, военно-профессиональные, физические, культурно-духовные, когнитивные и др.)

Как показывает практика военных вузов, синергетический потенциал данного процесса может быть реализован в формате формирования военно-профессиональной идентичности курсантов.

Становление военно-профессиональной идентичности, выступает предпосылкой и показателем комплексного личностно-профессионального становления будущих офицеров, их способности непрерывно самосовершенствоваться, осознавая личную ответственность за результаты военно-профессиональной деятельности, воспитание и обучение личного состава.

При научно-теоретическом обобщении этого процесса открывается возможность его анализа с позиций синергетического подхода (с учётом интегративности, иерархичности, взаимозависимости, динамичности и структурности данного феномена).

Синергетический подход детерминирован сложным содержанием и «нелинейной» динамикой формирования идентичности и социальных ориентиров курсантов (общественных, профессиональных и индивидуально-личных), испытывающих «разновекторное» влияние современного социума, аксиологической образовательной среды военных вузов и микросреды.

Так, например, в ходе нашего исследования установлено, что становление идентичности, усиленное ценностно-ориентирующей миссией физической культуры, расширяет аксиологическое пространство, способствующее отношению курсантов к физическому совершенствованию как к ценности, неразрывно связанной с жизненными военно-профессиональными целями и личностными планами в рамках военно-служебной деятельности и в более широком (синергетическом) контексте.

Речь идёт о том, что физическая подготовленность курсантов непосредственно связана с активным качественным преобразованием ценностно-мотивационных личностных структур (внутренне принятыми смыслами офицерской профессии — защитой Отечества, социально-значимой воинской деятельностью, альтруистическими потребностями, интересами и т.п.) [2; 3; 7; 9 и др.].

Физическая подготовленность является жизненной ценностью и военно-служебной потребностью выпускника военного вуза, так как является главным ресурсом физических и духовных сил, которыми он располагает.

Личная физическая подготовленность является важным ценностным компонентом профессионального образования будущих офицеров, способствуя их адаптации в военном вузе, формированию ценностных ориентаций, осознанию личностных потребностей в физкультурно-спортивной деятельности и здоровом образе жизни. Вместе с тем личная физическая подготовленность служит источником позитивных эмоций, потребности в самовыражении и создаёт предпосылки дальнейшего успешного офицерского карьерного роста, завоевания авторитета у подчиненного личного состава воинских подразделений.

Сформированная военно-профессиональная идентичность не может не характеризоваться хорошим физическим самочувствием и рассматривается как определённое состояние будущего офицера, существенная предпосылка эффективности его будущей служебной деятельности, её устойчивости и эффективности. Вместе с тем, такое состояние — синергетическое отражение влияния внутренних и внешних стимулов, а также осознания аксиологического содержания физической культуры.

Аксиологическая, смыслообразующая, нормативно-регулирующая, ориентирующая и интегрирующая функции физической подготовленности будущих офицеров (с точки зрения синергетического подхода к формированию идентичности курсантов) актуализируют их военно-профессиональную позицию, понимание современных ценностей физической культуры, новых потребностей в физическом совершенствовании и др.

Как показало исследование, физическая подготовленность, являющаяся одним из приоритетных способов развития человеческого потенциала, в контексте формирования личной и социальной идентичности:

— обеспечивается достижением единства военно-профессионального, духовного и телесного мира будущего офицера (его ценностным отношением к физической культуре как к искусству жизни и существования, незаменимой жизненной синергии тела, духа, сознания и самосознания);

— обладает положительной значимостью как для государства, армии и общества в целом, так и для личности (в развивающем и культурологическом значении);

— является результатом синергии субъектной деятельности курсантов и инновационной институциональной деятельности всех субъектов высшей военной школы, обеспечивающих «синхронность», «неразрывность», «встроенность» слагаемых физической культуры во все компоненты образовательного процесса военного вуза.

При этом формирование идентичности обеспечивается вследствие достижения единства общекультурного и физического развития курсантов, которые посредством физических, двигательных военно-профессиональных ориентированных практик познают реальную действительность собственной физической готовности к служебной деятельности в войсках и осознают, что без её высокого уровня невозможно следовать ценностному кодексу офицерской службы, отражённому в понятиях: Отечество, Долг, Честь, Ответственность и т.п. [2; 3; 7; 9 и др.].

Ценностно-мотивационное отношение к личной физической подготовленности предстает в синергии эмоционального, рационального, познавательного и действенного (в своей совокупности определяющих развивающиеся смыслы и роль физической культуры в военно-профессиональной подготовке будущих офицеров) [1; 3; 7 и др.].

В этой связи, ценностная и психомоторная физическая подготовленность выпускника военного вуза понимается как неотъемлемая составная часть его идентичности. В том числе речь идёт о функциональных, операциональных и личностных компонентах целостного комплексного системного образования — военно-профессиональной подготовленности (длительной, устойчивой внутренней готовности к успешной служебной деятельности в войсках в мирное и военное время) [2; 9 и др.].

Следовательно, формирование идентичности связано с созданием условий для раскрытия и развития природных физических потенциальных способностей будущих офицеров и их целенаправленной физической подготовленности [2; 3; 4; 5; 6 и др.].

Речь идёт об общекультурном и физическом развитии будущего офицера, усилении его обращенности к собственному физическому ресурсу, повышению сензитивности к распознаванию аксиологических оснований достижения физической готовности к успешной военно-служебной деятельности.

Однако реализация целей формирования идентичности в процессе восхождения будущих офицеров к физической культуре не может основываться только на уважении к её миссии. Требуется видение реальных путей воплощения и реализации данных ценностей, как в аудиторной, так и во внеаудиторной формах организации образовательного процесса.

Ценностное отношение курсанта к личной физической подготовленности — результат педагогического процесса в военном вузе, направленного на осознание смысла и значимости физической культуры, мобилизацию аксиологических, акмеологических, валеологических и психологических личностных ресурсов, проявляющуюся в действиях, направленных на физическое самосовершенствование.

С позиций формирования идентичности, военный вуз призван помочь будущему офицеру — целостному субъекту физической культуры, сформировать к ней ценностное отношение, которое находилось бы в континууме его отношения к офицерской профессии и к самому себе.

Представляя собой существенную ценность для личности курсанта, ВС РФ и общества, физическая подготовленность, являясь неотъемлемым компонентом подготовки офицера в широком смысле слова, играет существенную роль в становлении идентичности, в реализации как общепедагогических, так и специфических образовательно-воспитательных задач высшей военной школы, в том числе формирования стремления к занятиям физической культурой и спортом и соответствующей перестройки мотивационно-потребностной сферы.

Исходя из этого можно выделить *три основные группы задач формирования военно-профессиональной идентичности* курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности.

Первая группа задач связана с интериоризацией ценностей физической и валеологической культуры. *Вторая группа задач* неразрывно связана с первой и направлена на формирование потребностей и мотивов физической подготовленности в контексте готовности к офицерской профессии. *Третья группа* предполагает создание условий для реализации этих мотивов.

Смыслообразующая функция формирования военно-профессиональной идентичности проявляется в обусловливании возникновения в сознании курсантов личностного смысла повышения физической подготовленности и характеризует субъективную значимость для них соответствующих учебных действий.

Регулятивная функция формирования военно-профессиональной идентичности состоит в регуляции познавательной активности курсантов в зависимости от личностного смысла для них учебной деятельности в области физической культуры и спорта.

Физическая подготовленность (как социокультурное и аксиологическое явление становления идентичности курсантов) имеет иерархическую структуру. Высшим уровнем этой структуры являются ценностное основание физической культуры, её фундаментальные значимости и смыслы, которые в

форме идеальных образцов и профессиональных установок задают направления и мотивацию личностного развития.

Становление идентичности курсантов в контексте ценностного отношения к личной физической подготовленности происходит, когда психолого-педагогическая ситуация в военном вузе, в которой он оказывается, в целом объективно способствует его видению себя в мире физической культуры и спорта. Данная ситуация становится важнейшим фактором изменения жизненных позиций, отношения курсанта к самому себе.

Следовательно, отношение курсанта к себе будет находиться в зависимости от уровня активности личной физкультурной деятельности, что, вместе с тем, детерминирует его «становление к себе как к деятелю» (Б.Г. Ананьев).

В этом смысле становление идентичности сугубо индивидуально, присуще только конкретной личности курсанта и находится в определённом ценностном континууме, определяемом субъективным опытом, сформированными ценностными ориентациями (ценностным базисом), «проектированием» будущей военно-профессиональной деятельности и степенью разрешения противоречий внутриличностного плана.

В этой связи участие субъектов высшей военной школы в формировании военно-профессиональной идентичности состоит в выявлении лично значимых ценностных ориентаций курсантов на всех этапах физической подготовки, чтобы своевременно вносить психолого-педагогические коррективы, направленные на личностное физическое развитие (как важнейшую составляющую общекультурного и военно-профессионального становления).

Содержание военно-профессиональной идентичности выпускников военного вуза в контексте их личной физической подготовленности представлено в таблице 1.

Формирование военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности призвано обеспечить их осознанное «вхождение» в современную физическую культуру посредством широкого привлечения в этих целях спортивных лидеров и спортивно-общественного актива; инициирования внеучебной целевой физкультурно-спортивной деятельности и др.

В частности, этот процесс осуществляется с помощью различных методов воспитания и обучения, в числе которых: метод убеждающего воздействия (теоретическое и эмпирическое обоснование аксиологических факторов физической культуры); метод ситуации выбора курсантами ценностных приоритетов освоения учебной программы дисциплины «Физическая культура (подготовка)»; метод демонстрации ценностного физического контекста жизнедеятельности и др.

Таблица 1.

Содержание военно-профессиональной идентичности выпускников военного вуза в контексте их личной физической подготовленности

Компоненты военно-профессиональной идентичности курсантов в контексте их личной физической подготовленности	Краткое содержание
Когнитивный компонент	Осознание курсантами комплексных междисциплинарных особенностей физического воспитания, его связи с военно-профессиональным блоком, а также с дисциплинами всех циклов, изучаемых в военном вузе
Эмоционально-волевой компонент	Эмоционально-оценочная интериоризация курсантами ценностей физической культуры вследствие соответствующих поведенческих стратегий в процессе освоения нормативов дисциплины «Физическая культура (подготовка) и физкультурно-спортивной деятельности в целом
Мотивационно-поведенческий компонент	Ценностно-мотивационное отношение к физкультурно-спортивной деятельности и валеологической культуре, включенных личностью будущего офицера в систему жизненных приоритетов военно-профессионального становления и развития

Вместе с тем, формирование военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности осуществляется посредством:

— педагогического общения, основанного на дифференциации педагогических форм, средств, методов и эмоционально-аксиологическом опыте построения субъект-субъектных отношений (взаимопонимания и взаимодействия);

— предъявления курсантам референтных образцов соответствующего ценностного поведения; стимулирования волевой активности будущих офицеров в ценностно-смысловой самореализации психофизических возможностей и здоровом образе жизни; применения творческих заданий, адекватных двигательных задач, методик и упражнений физической культуры, игровых и соревновательных методов, а также индивидуальных программ физического самосовершенствования и др.;

— ценностной мотивации и ответственности за качество личных результатов в учебной и внеучебной физкультурно-спортивной деятельности;

— стимулирования мотивации учебной успешности по дисциплине «Физическая культура (подготовка)» через воссоздание её военно-профессионального контекста и значения для успешной служебной деятельности в войсках.

Этот процесс актуализирует военно-профессиональную позицию выпускников военных вузов, а также аксиологическую, смыслообразующую, нормативно-регулирующую, ориентирующую и интегрирующую функции их физической подготовленности.

Следовательно, результат формирования военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности может быть представлен как ценностное отношение курсанта к личной физической подготовленности: в широком смысле — как его идеальное представление, внутреннее убеждение и постоянное стремление к достижению личностной синергии физического совершенства и духовного богатства; в узком смысле — как его побуждение к саморазвитию и осознанное овладение, используемыми в целях физического и интеллектуального развития и здорового образа жизни, общекультурными и военно-профессиональными компетенциями, обеспечивающими готовность к личному физическому самосовершенствованию и военно-профессиональной жизнедеятельности, направленной на физическое воспитание, физическую подготовку и физическое развитие подчинённого личного состава в войсках в мирное и военное время [1; 2; 3; 4; 6 и др.].

Ценностное отношение в современных социальных и образовательных условиях — это осознанное принятие курсантами, наряду с ценностями физической подготовки (определяемыми понятиями «Сила», «Выносливость», «Ловкость», «Быстрота», «Гармоничное развитие тела»), «физических компонентов» наивысших ценностей — «Офицер», «Ратный труд», «Государственно-патриотические традиции защиты Отечества» и др.

Результат формирования военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности по своему функциональному характеру может быть: 1) персонифицированным (отражающим мировоззренческое осмысление ценностей физической и валеологической культуры); 2) прогностически-коррекционным (отражающим процесс саморегуляции, когда успешность в физической подготовке не предвосхищается, а определяется иерархией ценностей с позиций физического самосовершенствования, здоровьесбережения, отказа от вредных привычек и т.п.).

Однако в процессе *формирования идентичности* аксиологические психолого-педагогические цели личностного развития курсантов не всегда выступают доминирующими (по отношению к управленческим, организационным, информационным и др.), что затрудняет процесс развития военно-профессиональной субъектности в русле её основных компонентов

(рефлексивного, мотивационного, операционального), обеспечивающих освоение «операционального» содержания физической подготовленности в тесной увязке с её ценностно-смысловым контекстом [2; 7 и др.].

Следовательно, усилия командования и профессорско-преподавательского состава в военных вузах должны быть сосредоточены на создании психолого-педагогических условий становления ценностной сферы и военно-профессиональной субъектности будущих офицеров (как оснований их идентичности).

Таким образом, формирование военно-профессиональной идентичности курсантов военного вуза в контексте их личной физической подготовленности возможно посредством: аксиологической направленности развития в военных вузах физкультурно-спортивной воспитывающей среды; педагогической помощи и поддержки курсантов в интериоризации ценностей физической культуры; формирования ценностной мотивации и ответственности за качество личных результатов в учебной и внеучебной физкультурно-спортивной деятельности.

Литература

1. Алёхин И.А., Гожиков В.Я., Караяни А.Г. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования — образование в мире. 2015. №3. С.179—188.

2. Гожиков В.Я., Стрелков А.А. Инновационные психолого-педагогические подходы к повышению качества физической подготовленности у курсантов военных вузов: ценностно-мотивационный контекст // Инициативы XXI века. 2015. № 1—2. С. 87—89.

3. Калманович В.Л. Формирование спортивно-физического потенциала курсантов военных вузов в образовательной и военно-профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. К., 2010.

4. Кравец А.В., Утюганов А.А. Профессиональная идентификация офицера и ее формирование у курсантов военного вуза // Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Ростов-на-Дону. 2015. С. 35—38.

5. Ковалева Н.В. Субъектная идентичность как психический механизм развития субъекта // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М. 2005.

6. Медведев И.А. Профессиональная идентичность курсантов военного училища // Современные научно-практические решения и подходы. Материалы Пятой Международной научно-практ. конф. (г. Москва, 15 августа 2016 г.). М. 2016. С. 59—75.

7. Осминин, В.М. Формирование личности курсанта образовательного учреждения ФСБ России пограничного профиля средствами физической культуры: монография. Хабаровск, 2009.

8. Психология служения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур. М.: ВУ, 2017. С. 63—73.

9. Физическая подготовка к военно-профессиональной деятельности в мирное и военное время: сборник науч.-метод. статей / под ред. В.Л. Пашута. М.—СПб. 2006. С. 41—57.

MILITARY PROFESSIONAL IDENTITY FORMATION IN A HIGHER MILITARY EDUCATION INSTITUTION WITHIN THE CONTEXT OF CADETS' PHYSICAL TRAINING

Strelkov Alexander A.,

*Ph.D., Associate Professor at Department of physical training, Military
University, Moscow;
E-mail: san-sanuch@list.ru*

Gojickov Vasily Y.,

*Doctor of Science, Associate Professor, Associate Professor at Psychology
Department, Military University, Moscow.
E-mail: gojickow.v@yandex.ru*

Abstract. Research article represents an analysis of military professional identity formation's interrelation with the physical training of military students within the context of their all-up readiness for combat employment activity.

Keywords: Cadet, military professional identity, physical training of higher military education institution graduate

РОЛЬ ОБРАЗА ФИЗИЧЕСКОГО Я ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Афанасьев Александр Сергеевич,

курсант Военного университета Министерства обороны РФ,

e-mail: afanasyevalexander94@gmail.com

Аннотация. В статье содержится теоретический анализ проблемы роли физического (телесного) Я в ходе формирования военно-профессиональной идентичности военнослужащих. Рассмотрено значение телесного опыта при формировании границ идентичности в русле подхода Е.И. Рассказовой и А.Ш. Тхостова, а также особенности отражения телесного опыта военнослужащими в ходе выполнения военно-профессиональной деятельности. Результаты оригинального эмпирического исследования связи идентичности с представлением о теле курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», позволяют сделать вывод о целесообразности использования телесно-ориентированных техник в ходе обучения будущих военных психологов.

Ключевые слова: военно-профессиональная идентичность, Я физическое (телесное), телесный опыт, психологические границы.

Исследования идентичности являются важнейшим направлением научных поисков в современной психологии. Изменения процессов идентификации человека в XXI веке обогащают наши представления об идентичности.

Как полагают Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов [7], понимание идентичности исключительно как сознательного конструкта не вполне обосновано, т.к. в этом случае она остается ответом на вопрос «Кто Я?», не связанным с его реализацией в поведении. Еще У. Джеймс [3] подчеркивал значение поведенческого аспекта идентичности, когда говорил о том, что человек должен бежать с поля боя и не входить в чумной барак, но идентификация с воином или врачом ограничивает свободу его поведения. Еще один аспект идентичности, связанный с сознательными и неосознаваемыми, а также поведенческими проявлениями, рассматривается в рамках психологии телесности. По нашему мнению, данный подход можно использовать и для изучения военно-профессиональной идентичности.

В ходе осуществления служебной деятельности военнослужащие получают специфический телесный опыт, связанный, в ряде случаев, не только с физическим развитием, совершенствованием телесных функций, но и с приобретением опыта физических страданий, ранений, переживаниями опыта угрозы жизни, фрустрацией физиологических потребностей в экстремальных условиях службы. Исследования показывают [2; 8], что образ Я телесного (физического Я) военнослужащих может искажаться, становиться менее

осозанным, адекватным, что препятствует личностному развитию, выполнению служебных обязанностей, адаптации к службе. Данную проблему можно проиллюстрировать тем, что человек, военнослужащий, может воспринимать свое тело отчужденно, лишь как внешнюю оболочку. Таким образом, возможно возникновение диссоциированного представления о своем теле. Искажения Я телесного имеют системные последствия (отражаются в Образе Я и психике в целом).

Переход от изучения телесности к идентичности предполагает выделение 3-х видов контроля, которые можно рассматривать как критерии идентичности: **управляемость** (события начинаются и происходят по воле человека), **контролируемость** (ход событий зависит от действий человека) и **предсказуемость** (человек может предсказать дальнейшее развитие событий). Такой механизм лежит как в основе переживания чего-либо «это я» (**идентичность**), так и в основе переживания **принадлежности** «это мое» (например, вещи, тело и т.п.) [7].

По Е.И. Рассказовой, А.Ш. Тхостову, человеческое тело и инструменты, которые используются человеком, воспринимаются как управляемые, входящие в границы «Я», но при этом тело человека «само способно ... стать зондом внешней силы, превращаясь в его часть. На феноменологическом уровне это проявляется в чувстве слияния, транспозиции самости» [7].

С точки зрения психологии телесности, границы идентичности не являются заданными и фиксированными, а определяются структурой разрыва и взаимодействия между субъектом и объектом. То, что относится к субъекту, и составляет его идентичность, а то, что не относится, — находится за ее границами. Переживание контролируемости связано с опытом человека и требованиями культуры, под влиянием которых часть телесных функций становится осознаваемой и произвольно контролируемой. Именно произвольно регулируемые (а затем — послепроизвольные, автоматизированные, вторично неосознаваемые) телесные функции входят в сферу идентичности.

Рассматривая, с позиции Е.А. Рассказовой, А.Ш. Тхостова, готовность военнослужащих к подвигу, самопожертвованию и экстремальному поведению, можно сказать, что это не проявление слабости идентичности, а проявление неосознаваемой **поведенческой** готовности жертвовать собой ради группы, с которой воин себя идентифицирует, или проявление **слияния** идентичности. В переживании осознанная или неосознаваемая идентичность проявляет себя в виде чувства ответственности, вины, стыда, долга [7].

Итак, контролируемость и самоощущенность как проявления идентичности должны быть в равной мере связаны с субъективной близостью «Я» и группы, а также с негативными переживаниями при изменении группы (переживания изменения группы как изменения своего «Я»).

А.П. Горлова [2] рассматривает проблему субъективного отражения телесного опыта военнослужащими (солдатами срочной службы 18-25 лет). Было выделено 3 группы испытуемых: прослуживших в ВС РФ не более 6

месяцев; прослуживших 6-14 месяцев; демобилизующихся в ближайшее время. Как показали результаты ее исследования, содержание телесного опыта и его субъективная оценка военнослужащими носят особый характер, связанный с их включённостью в воинскую деятельность. В этих условиях исследуемые А.П. Горловой компоненты телесности (удовлетворённость телом и его частями, интенсивность телесных недомоганий) претерпевают некоторые изменения, связанные со сроком службы и уровнем адаптации военнослужащих к условиям военной службы. Установлено, что понятие «военное тело» появляется на уровне осознания только к 3-ему периоду службы, т.е. происходит разделение, диссоциация представлений о теле вообще (не связанном с армией) и теле в контексте воинской деятельности. Если характеристики тела как такового, до армии, относительно удовлетворяют субъекта, то тело, включённое в воинскую деятельность (диффузное «тело-армия», состоящее из многих, стремящихся к единообразию и похожести «тел рядовых» солдат), вызывает реакцию неприятия (особенно в начале службы). А.П. Горловой установлено, что чем выше у военнослужащих уровень адаптации к условиям и требованиям воинской среды, тем меньше они удовлетворены характеристиками собственного тела, воспринимаемого как включённого в эту среду. Следовательно, образ военного тела у военнослужащих не осознанный, эмоционально не признаваемый, выявляет проблемы, связанные со становлением военной идентичности, если идентичность понимать как одно из проявлений телесного опыта — переживание управляемости, контролируемости, прогнозируемости. Можно предположить, что это проявление отчуждения аспекта собственной идентичности, и в данном случае не происходит «слияния» идентичности, а воинское подразделение так не становится «своим», выносится за границы субъекта.

Формирование военной идентичности не происходит автоматически. Исследования показывают [1, 6], что в Вооруженных силах существуют особые коммуникативные практики, связанные с конструированием идентичности как ненатурального, искусственного, феномена. Часть из них является спонтанными, другие же носят осознаваемый, целенаправленный характер.

Целенаправленной практикой формирования военной идентичности является традиция (ритуал) принятия присяги, ношение формы, ритуалы приветствий и т.д. Спонтанно возникающие символично-коммуникативные механизмы конструирования идентичности солдат-срочников проявляются в особых ритуалах и традициях репрезентации телесности. Появление некоторых из них, по К.Л. Банникову [1], связано с поиском способов построения идентичности солдата в условиях, когда «официальные» способы утратили эффективность. Вообще, армейская среда сопряжена с «детабулизацией» телесности и уничтожением интимности [6]. Одной из разновидностей переосмысления идентичности в системе телесных символов становятся татуировки солдат. Р.Ю. Поляков указывает, что «армейские

татуировки делаются, преимущественно, под влиянием внутренних факторов личности, когда имеет место тенденция к украшению своего тела» [цит. по: 6]. Кроме того, в татуировках выражается отношение солдата к определённому роду войск в сочетании с изображениями характерных для них видов коллективного оружия.

Итак, через татуировки символизируются трансформации личностных границ военнослужащих: военная служба в буквальном смысле оставляет свой отпечаток на теле. Через подобные символы воинская служба **осваивается** (становится своей, включается в границы субъекта, если пользоваться подходом А.Ш. Тхостова).

Психологи отмечают большую значимость психологической границы в процессе формирования идентичности [4, 7]. Т.С. Леви [4], рассматривая психологическую границу как границу субъекта и объекта, выделяет 4 формы ее существования (которые могут гибко сменять друг друга): нейтральная, в меру проницаемая граница; непроницаемая, достигаемая путем увеличения ее плотности, изменения размеров, пересекаемости; полностью проницаемая, иногда растворенная; проницаемая и втягивающая; непроницаемая.

Психологические границы военнослужащих формируются и проявляются в условиях среды, достаточно жесткой и «вторгающейся» в границы личности. В условиях службы трансформируются представления о границах интимности и телесности. Можно предположить, что в качестве компенсации выстраивается стратегия закрытости, непроницаемости психологической границы военнослужащих. С другой стороны, адаптация к профессиональным условиям, а также решение личностных задач предполагают определенную гибкость стратегии выстраивания личностных границ. Особенное значение это имеет в деятельности психолога и военного психолога, в частности. Требуются целенаправленные усилия по конструированию военно-профессиональной идентичности с адекватной степенью гибкости психологической границы и у курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» («ПСД»).

Об особенностях телесного Я военнослужащих как условия формирования идентичности можно судить по пилотажному эмпирическому исследованию, проведенному нами в 2016-2017 году с курсантами 2 курса ВУ МО РФ, обучающимися по специальности «ПСД» (12 человек мужского пола). Целью исследования было изучение репрезентации Я телесного курсантов. Использовался метод семантического дифференциала (СД). Для оценки курсантам были предложены конструкты: «Я», «Идеал Я», «Тело» и «Душа». Для обработки результатов использовался статистический пакет IBMSPSSStatistics 22.

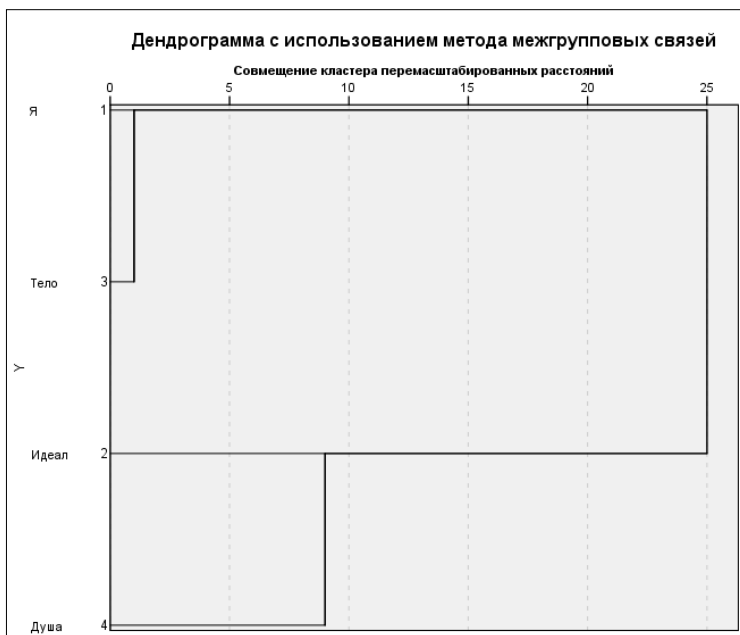
При анализе данных СД выявлены семантические универсалии конструктов (табл. 1.), выбран 10%-й интервал отступа. Жирным шрифтом выделены дескрипторы (качества), совпадающие во всех семантических универсалиях конструктов.

Таблица 1.

Групповые семантические универсалии (стереотипы) оценки конструктов

<i>Идеал Я</i>	<i>Тело</i>	<i>Душа</i>
активный	активный	активный
	веселый	веселый
здоровый	здоровый	здоровый
красивый	красивый	красивый
полезный		полезный
приятный	приятный	приятный
	теплый	
светлый		светлый
сильный		сильный
осознанный	осознанный	
		глубокий

Данные семантического дифференциала были подвергнуты кластеризации. Выделилось два кластера. В первый вошли конструкты «Я» и «Тело», во второй — «Идеал Я» и «Душа» (рис. 1).

Рис. 1. Результаты кластерного анализа.

Таким образом, выявлена близкая связь представлений курсантов о себе и представлений о теле, что подтверждает представления Е.И. Рассказовой и А.Ш. Тхостова о значимости телесности в ходе формирования идентичности.

Корреляционный анализ показал, что средние оценки качеств конструкторов положительно связаны друг с другом ($0,847 \leq r \leq 0,910$), коэффициент корреляции значим на уровне не менее 0,001. Наиболее тесные взаимосвязи обнаруживаются между конструкторами «Душа» и «Идеал Я». Это выявляет «одушевленную телесность» курсантов, тесно связанную с представлениями об идеале.

Т.С. Леви предложила программу развития профессиональной идентичности студентов-психологов в курсе «Психология телесности». По ее мнению, «специфика телесной работы заключается в том, что исследуемые лишаются возможности оценивать себя с точки зрения «внешнего свидетеля», пользоваться привычными, контролируруемыми с точки зрения социальной желательности стереотипами поведения. Таким образом, как бы снимается «шелуха психологических защит» и в движении начинают проявляться глубинные особенности человека» [5]. В практических занятиях по психологии телесности происходит «обучение через опыт». В начале занятия в двигательной форме моделируются коммуникативные ситуации, позволяющие сконцентрироваться на отдельных телесных паттернах. Затем следует рефлексия ощущений и переживаний, осознание личностных смыслов движения, соотнесение своих жизненных смыслов с видением других людей, и итоге выводятся общие значения, характеризующие взаимосвязи телесного и духовного.

Будущие психологи исследуют собственное дыхание, мышечный тонус, образ тела, телесные ощущения, движения. По нашему мнению, данные упражнения помогут и военнослужащим более глубоко и точно понимать не только себя, но и окружающих.

Телесные техники работы с военнослужащими применяются и военными психологами в частях [9]. В результате военнослужащий учится концентрироваться не только на себе, своих переживаниях. Он получает возможность осознавать свое поведение «по программе», овладевает способами управления своим телом в условиях воинской службы, способен проявлять спонтанность, что дает возможность снять «оковы» психологических защит, формирующиеся в случае неадаптивных форм построения личностных границ в армейских условиях.

Концепция телесности, применённая к изучению идентичности военнослужащих, позволяет сделать выводы, касающиеся методов обучения и воспитания будущих военных психологов, осваивающих специальность «ПСД»:

1. Необходимо применять телесно-ориентированные техники на учебных и тренинговых занятиях с целью обогащения и гармонизации телесного опыта курсантов.

2. Целесообразно использовать рефлексии телесного опыта и переживания психологических границ в условиях воинской службы для активизации идентификационных процессов курсантов.

Также практики рефлексии позволят сформировать более гармоничный идеал «Я» курсантов. Итак, применение телесных техник способствует более управляемому построению идентичности, что, в конечном итоге, сделает военнослужащего более приспособленным к специфическим особенностям военной службы.

Литература

1. *Банников К.Л.* Антропология экстремальных групп (Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской Армии). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

2. *Горлова А.П.* Специфика телесного восприятия в армии. — URL: <https://clinic-medford.ru/o-nashem-centre/stati/psixologiya/speczifika-telesnogo-vozpriyatiya-v-armii.html> (дата обращения: 21.11.17).

3. *Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.

4. *Леви Т.С.* Психологическая граница как телесный феномен // Бюллетень АТОП. 2007. № 9. С. 51–68.

5. *Леви Т.С.* Развитие профессиональной идентичности студентов-психологов в курсе «Психология телесности» // Высшее образование для XXI века: Третья международная научная конференция, МосГУ, 18—20 октября 2006 г.: Доклады и материалы. Вып. 10 / отв. ред. Н. В. Захаров, В.А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.

6. *Погодин Н.А.* Символично-коммуникативные механизмы конструирования идентичности солдат срочной службы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1. С. 103–110.

7. *Расказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. Электронный научный журнал. 2012. Т. 5. № 26. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.11.17).

8. *Султанова А.С.* Особенности образа тела у раненых с фантомными ощущениями при ампутации конечностей // Междисциплинарные проблемы психологии телесности: Материалы межведомственной научно-практической конференции. Москва, 20-21 ноября 2004 г. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004.

9. Телесно-ориентированная терапия в психокоррекционной работе с военнослужащими // URL: http://spaceglitter2.blogspot.ru/2015/03/blog-post_16.html (дата обращения: 15.10.17).

THE ROLE OF THE IMAGE OF THE PHYSICAL SELF IN THE FORMATION OF MILITARY PROFESSIONAL IDENTITY

Afanasyev Alexander Sergeevich,

cadet of the Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation,

e-mail: afanasyevalexander94@gmail.com

Abstract: in the article there is a theoretical analysis of problem of role physical (body) self in the process of formation of military professional identity of servicemen. The value of corporal experience is considered at forming of borders of identity in the Rasskazova's and Tkhostov's psychology of corporeality approach. The reflection of the servicemen' corporal experience in the military-professional activity is investigated. Results of original empiric research of the relationship of identity and physical (body) self of cadets majoring Psychological supports for the uniformed service staff are discussed. The article contains a conclusion on the feasibility of using body-oriented techniques in the training of cadets.

Keywords: military professional identity, physical (body) self, personal boundaries, bodily experience.

КЛУБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КИНО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Карачевцев Кирилл Аркадьевич

курсант Военного университета Министерства обороны РФ,
e-mail: freelook22@mail.ru

Аннотация. Статья содержит результаты исследования представления курсантами военного вуза поколения, сложившегося во время Великой Отечественной войны, и современного поколения. На основе анализа эмпирических данных сделан вывод о возможности изменения семантического пространства представлений о поколениях курсантов военных учебных заведений после просмотра и обсуждения фильма военной тематики. Выдвигается предположение о возможности использования клуба психологического кино в ходе формирования поколенческой и профессиональной идентичности курсантов.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; поколение; поколенческая идентичность.

Изменения в политической, культурной, религиозной сфере, происходящие в настоящее время в мире, настолько существенны, что появился особый термин, обозначающий современный нестабильный, неопределенный, сложный и неоднозначный мир —VUCA (от англ. — volatility, uncertainty, complexity и ambiguity). В России, как и в других странах, можно наблюдать социально-психологические процессы, связанные с трансформацией социальной идентичности личности. Появляется множество новых социальных групп, статус других групп в обществе меняется на протяжении жизни одного поколения. Это порождает огромное количество различных оснований идентификации. Индивиды принадлежат одновременно к нескольким разнородным социальным группам.

Поэтому представления человека о себе могут быть также неоднозначными и «текучими». Особый исследовательский интерес вызывает процесс профессионального и личностного самоопределения молодых людей в современных условиях. Необходимо обратить внимание научной общественности на проблему формирования, развития, функционирования представлений о себе и своей профессиональной группе у представителей силовых ведомств Российской Федерации, в том числе Вооружённых Сил как основы обороноспособности страны и гаранта её суверенитета.

Итак, групповая (*социальная*) идентичность — устойчивое отождествление себя с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью, принятие ее целей и системы ценностей, осознание себя членом этой группы или общности[7].

Данное определение раскрывается в нескольких аспектах, которые отмечал Дж. Джексон:

1. рост привлекательности группы для ее члена, выражающийся в его позитивных чувствах по поводу пребывания в группе;

2. деперсонализация — размышление о себе больше в терминах неотъемлемого члена группы («Мы») и меньше в терминах уникального индивидуума («Я»);

3. восприятие зависимости себя от группы — вера в то, что собственное благополучие и благополучие группы связаны между собой, а также возникновение чувства собственного долга в построении позитивных отношений с членами группы;

4. ощущение межгрупповой конкуренции — восприятие другой группы как конкурирующей с собственной группой [7].

Дж. Тернер предположил существование **трех уровней идентичности**: суперординатный (высший)— определение себя как части предельно широкой социальной общности; промежуточный (средний)— представление себя членом различных социальных групп (этнических, профессиональных...); субординатный (подчиненный)— определение себя как уникального индивида, индивидуальности.

Различные формы социальной идентичности могут формироваться как в процессе непосредственного контакта с группой (семьей, трудовым коллективом), так и через опосредованные (СМИ, произведения искусства) связи с большими социальными группами (нация). Как полагают Е.Н. Савельева, В.Е. Буденкова [8], микросоциальная идентичность (идентичность среднего уровня) формируется на основе принадлежности, а идентичности более высокого уровня — по принципу сходства.

Актуальным направлением исследований в психологии становится изучение «временной» и «средовой» форм социальной идентичности [1]. «Временная идентичность» ощущается как возможность «вписаться» в переживаемый личностью отрезок исторического времени, быть причастным к тем или иным историческим событиям. Одним из аспектов «временной идентичности», по нашему мнению, можно считать поколенческую идентичность как представление о собственной принадлежности к тому или иному поколению.

Осмысление связей между представителями различных сосуществующих в наши дни поколений — важная задача. Значимым основанием стабильности национальной идентичности россиян является переживание гордости за победу в Великой Отечественной войне [3]. Молодое поколение в меньшей степени может идентифицировать себя с поколением победителей через принадлежность (например, к ветерану—члену семьи). В этих условиях возрастает значение идентификации через сходство с использованием опосредованных форм коммуникации.

По мнению Т.Д. Марцинковской и Н.С. Полевой [4], в современной социальной ситуации ведущим параметром разграничения поколений

являются именно ценностные, социальные и личностные, а не временные параметры. Одним из вариантов идентичности конкретного поколения может рассматриваться субкультура. Интересно проследить, каким образом взаимосвязаны профессиональные и поколенческие субкультуры в процессе идентификации современных молодых людей.

Ценности и смыслы поколений «овеществляются» в символах образов искусства и повседневности [6]. Переживание и осмысление данных символов через киноискусство происходит в ходе просмотра и обсуждения фильмов в вузовских киноклубах, которые стали очень популярны в наши дни.

В рамках проводимого на базе кафедры психологии ВУ МО РФ клуба психологического кино было осуществлено исследование, гипотезой которого явилось то, что приобщение курсантов к ценностям и смыслам военного поколения через просмотр кинофильмов соответствующей тематики создаст условия для их идентификации с профессией военнослужащего. В планировании исследования участвовали преподаватели кафедры психологии Казакова Л.П., Некрасова Е.А. Мы придерживаемся мнения, что, как и поколенческая идентичность, профессиональная идентичность является подвидом социальной идентичности. Стимулирующую роль в разработке нашего исследования сыграли работы Л.П. Казаковой, А.В. Мырмина, Э.П. Утлика[2; 5; 9; 10].

В исследовании использовался метод личностного семантического дифференциала (с добавлением нескольких показателей, адекватных цели исследования). Участникам киноклуба, 18 курсантам 1-5 курсов факультета морально-психологического обеспечения войск, перед просмотром кинокартины «На войне как на войне» («Ленфильм», 1968) было предложено заполнить бланки, содержащие 19 биполярных показателей. Испытуемые должны были оценить по данным показателям 3 конструкта, а именно: «Военное поколение», «Моё поколение»; «Профессия военнослужащего». После просмотра и коллективного обсуждения фильма участники киноклуба повторно заполнили балки, оценивая те же конструкты.

События, описанные в фильме, происходят во время Великой Отечественной войны. Кинокартина выбиралась по принципу возрастной и профессиональной близости главного героя фильма и испытуемых.

Обработка данных позволила определить, что оценки конструкта «Мое поколение» до просмотра имеют 9 значимых различий (по Укритерию Манна-Уитни) с конструктами «Военное поколение» и 11 — с оценками «Профессия военнослужащего», между которыми, в свою очередь, обнаружено лишь 3 значимых отличия, причем на более низком уровне значимости (табл. 1).

Это означает, что курсанты не отождествляют современное поколение с военным поколением, а главное — с профессией военнослужащего, что может создать трудности их идентификации по принципу сходства.

Уровень значимости различий оценок конструктов до просмотра

<i>Показатели</i>	<i>Уровень значимости различий оценок показателей конструктов</i>		
	<i>«Военное поколение» и «Мое поколение»</i>	<i>«Военное поколение» и «Профессия военнослужащего»</i>	<i>«Мое поколение» и «Профессия военнослужащего»</i>
Пассивное — активное	0,001		0,008
Романтичное — прагматичное			
Простое — сложное			
Горячее — холодное			
Покорное — непокорное		0,019	0,009
Мягкое — твердое	0,000		0,000
Сплоченное — разобщенное	0,000		0,000
Зависимое — свободное			
Духовное — бездуховное	0,000		0,000
Расслабленное — напряженное	0,000		0,000
Понятное — непонятное		0,029	0,004
Обычное — яркое			
Близкое — далекое		0,027	
Ответственное — безответственное	0,000		0,000
Значительное — малозначимое	0,000		0,001
Смелое — боязливое	0,000		0,000
Спокойное — бурное			
Слабое — сильное	0,000		0,000
Радостное — печальное			

После просмотра и обсуждения фильма оценки конструктов по ряду шкал изменились (табл. 2). «Военное поколение» стало восприниматься как более близкое и спокойное, а «Профессия военнослужащего» как более радостная. Оценка военного поколения как более близкого после просмотра фильма, вероятно, означает не временную близость, а близость ценностей и, возможно, близость целей, актуальных проблем, общих для курсантов и героев фильма.

Можно предположить, что курсантская жизнь, специфическая профессиональная субкультура действительно сближают курсантов с ценностями военного поколения, переданными в фильме.

Таблица 2.

Уровень значимости различий оценок конструктов до и после просмотра фильма

<i>Критерии оценки и статистические критерии</i>	<i>Критерий знаков Z</i>	<i>T-критерий Вилкоксона</i>
Сравнение различий при оценке «Военного поколения»		
Близкое — далекое	0,007	0,016
Спокойное — бурное	-	0,049
Сравнение различий при оценке «Моего поколения»		
Значимые различия отсутствуют		
Сравнение различий при оценке «Профессии военнослужащего»		
Радостное — печальное	-	0,024

При оценке структурных сдвигов оценок конструктов у 7 испытуемых выявились значимые различия оценок до и после просмотра. У одного человека изменения касались оценок всех 3-х конструктов, у двоих изменились оценки 2-х конструктов (табл. 3). Длительность существования эффекта не исследовалась, но даже кратковременное изменение оценок, по нашему мнению, говорит о воздействии кинофильма на испытуемых. Поскольку большее количество изменений произошло в оценках своего поколения, можно предположить активизацию рефлексии в процессе просмотра и обсуждения фильма.

Таблица 3.

Уровень значимости структурных сдвигов в оценке конструктов (по испытуемым)

<i>Конструкт</i>	<i>«Военное поколение»</i>		<i>«Мое поколение»</i>		<i>«Профессия военнослужащего»</i>	
	<i>Критерий знаков Z</i>	<i>T-критерий Вилкоксона</i>	<i>Критерий знаков Z</i>	<i>T-критерий Вилкоксона</i>	<i>Критерий знаков Z</i>	<i>T-критерий Вилкоксона</i>
1			0,049	0,006		
3				0,013		
6				0,044		
10	0,035	0,012		0,019	0,022	0,021
11		0,032		0,039		
17	0,039	0,011		0,031		
18					0,012	0,007

Можно заключить, что просмотр фильма вызвал изменение некоторых представлений курсантов о военной профессии и о своем поколении через идентификацию с героем-представителем военного поколения.

Обобщая всё вышесказанное, можно заключить, что человек переживает профессиональную идентичность через доверие и состояние субъективной

свободы и приобщённости к коллективу. Это позволяет ему находиться в благоприятных психологических условиях формирования идентичности, что является очень важным для военнослужащих при исполнении служебных задач в мирное и военное время.

Исходя из данных исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Киноклуб может использоваться как средство формирования профессиональной и поколенческой идентичности курсантов.

2. Киноклуб может создавать условия как для рационального осмысления, так и эмоционального переживания психологических феноменов, в том числе связанных с опытом воинской службы, что чрезвычайно важно для молодых людей, имеющих недостаточный жизненный опыт и опыт переживания различных психологических состояний.

3. В ходе коллективного обсуждения кинофильмов и психологического анализа характера и поступков героев создаются условия для идентификации курсантов как с персонажами кинофильмов, так и со своей социальной группой. Такая коммуникация носит неформальный, свободный характер и позволяет проявляться тем свойствам личности, которые возможно, не могут проявиться в условиях регламентированных видов служебной деятельности.

Литература

1. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. N 6(20). С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.11.2017). 0421100116/0060.

2. *Казакова Л.П., Кошель В.А.* Образы Великой Отечественной войны в книгах для обучения грамоте как средство формирования национальной идентичности // Наука и образование: проблемы и тенденции развития. Материалы II Международной научно-практической конференции. М., 2014. С. 61–70.

3. *Казакова Л.П., Кошель В.А.* Формирование национальной идентичности и подготовка педагогов новой генерации // Социология образования. 2015. № 3. С. 113–121.

4. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С 24–37.

5. *Мымрин А.В.* Психология служения: традиции и современность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. №2. С. 21–27.

6. *Осьмук Л.А., Серебрянникова О.А.* Остров во временном континууме, или осколки временной идентичности // Идеи и идеалы. 2011. № 2 (8). Т.1. С. 44–50.

7. Психология. Полный энциклопедический справочник/ Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.

8. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Образ другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. №45. С. 114–119.

9. Утлик Э.П. Профессиональное развитие и идентичность в студенческом возрасте // Современная прикладная психология: теория и практика. Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. М., 2017. С. 127–131.

10. Утлик Э.П. Психология личности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Психология» и психологическим специальностям. Москва, 2008.

PSYCHOLOGICAL MOVIE CLUB AS A MEANS OF FORMING CADETS' PROFESSIONAL AND GENERATIONAL IDENTITY

Karachevtsev Kyrill Arkadyevich,

cadet of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
e-mail: freelook22@mail.ru

Abstract. The article contains the results of the study of the cadets' represents of the Great Patriotic war generation and the today's generation. The analysis of empirical data allows to draw a conclusion about the possibility of changing cadets' semantic space after military film screening and its discussion. There is speculation about the possibility of using club psychological movie with the purpose the formation of the cadets' generational and professional identity.

Key words: professional identity, generation, generational identity.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО И АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВОЙНЫ

Элизандро Лукеба

курсант Военного университета Министерства обороны РФ
E-mail: lukelando1@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена специфике военно-профессиональной идентичности. Обозначены военно-исторические аспекты военно-профессиональной идентичности: ее связь с образами войны и врага, национальной идентичностью, идеалом служения и готовностью к самопожертвованию. Делается вывод о том, что укрепление национальной идентичности отвечает интересам национальной безопасности, в том числе повышает психологическую устойчивость военнослужащих и населения в условиях возможных гибридных войн.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение войск; военно-профессиональная идентичность; образ войны и врага; национальная идентичность, идеал служения; героическая история Республики Анголы; национальная безопасность, психологическая устойчивость; гибридная война.

Профессия военнослужащего связана с неизбежностью осуществления экстремальных видов деятельности, сопряженных с особым риском и необходимостью самопожертвования, сверхнапряжением физических и психических сил, серьезными жизненными самоограничениями. Вместе с тем особая роль военно-профессиональной деятельности в обеспечении национальной безопасности накладывает на военнослужащего требование гарантированного выполнения служебных и боевых задач, психологической устойчивости и абсолютной надежности функционирования в особых условиях боя и иных военных действий. Вот почему морально-психологическое обеспечение деятельности военнослужащего будет всегда актуальным.

В ряду задач морально-психологического обеспечения особое значение имеет формирование и укрепление военно-профессиональной идентичности военнослужащего, так как ясное и прочное ее осознание военнослужащим придает ему духовную силу, помогает стойко переносить тяготы военной службы, обеспечивает подлинность мотивации служебной деятельности, осознание призвания, миссии, личной ответственности, предохраняет от возможных сомнений по поводу правильности сделанного жизненного и профессионального выбора, предотвращает попытку уйти из профессии. Напротив, в состоянии кризиса идентичности военнослужащий не может эффективно и надежно выполнять служебные и боевые задачи: не может быть крепким командиром и оказывать необходимое влияние на подчиненных [2; 5].

Какие же особенности характеризуют военно-профессиональную идентичность? В рамках небольшой статьи нет возможности дать подробный

анализ психологического содержания военно-профессиональной идентичности, тем более что в военно-психологической литературе этот вопрос разработан достаточно подробно. Тем не менее отдельные его аспекты, по нашему мнению, заслуживают специальной акцентуации.

1. Военно-профессиональная идентичность, как и всякая другая разновидность коллективной идентичности, предполагает осознание границ профессионального сообщества. Однако в военно-профессиональной сфере диспозиция «*я/другие*», «*свой/чужой*» приобретает предельно заостренную форму «*друг/враг*»: враг (в том числе «исторический», «геополитический» и т.п.), реально угрожающий уже сейчас, либо потенциальный противник; друг как традиционный исторический союзник или партнер по недавно образованному военно-политическому блоку. Определение того, кто является врагом для военнослужащего, невозможно без понимания угроз своему народу и государству как необходимой форме существования целостной нации, а также войны как способа защиты народа и государства в случае необходимости.

Таким образом существенной особенностью профессиональной идентичности военнослужащих является наличие в их идентификационном комплексе *архетипического образа войны и врага*. Без этих образов (почерпнутых как в прошлом, так и в настоящем) личность военнослужащего не будет иметь необходимого стержня. При этом образ «врага» представляется воплощением антиидентичности и, создаваемый языком военного плаката, листовки, кино, театра или СМИ, играет традиционно консолидирующую и мобилизующую роль [11].

2. Понимание интересов национальной безопасности, в свою очередь, тесно связано с национальной и даже цивилизационной идентичностью, о чем писали все крупные социальные мыслители XX — начала XXI века: Ю. Хабермас, С. Хантингтон, К. Хьюбнер и др. Без достигнутой национальной идентичности не может быть стратегического самоопределения и формулировки вопросов национальной безопасности [4].

Следовательно, второй особенностью военно-профессиональной идентичности является ее связь с *национальной идентичностью*. Разумеется, национальная идентичность не помешает врачевать, строить, играть на рояле, но для многих видов деятельности она не является обязательной. Военнослужащий же без национальной (что не равно этнической) идентичности — это просто наемник.

3. Центральное место в ценностно-смысловых основаниях военно-профессиональной идентичности занимает *идеал служения Отечеству*, предполагающий приоритет национально-государственных интересов над личными (клановыми), готовность к самопожертвованию, бескорыстие [2; 7].

4. Идеал служения Отечеству, национальная идентичность не могут поместиться в «одномерном» — неисторичном — сознании индивида, они связаны с коллективной памятью народа об исторических победах над врагом, выдающихся достижениях народа в его историческом прошлом. Отсюда

следует особенность военно-профессиональной идентичности, которую мы назовем *историчностью*. В предельно заостренной форме историчность сознания личности военнослужащего находит свое воплощение в культе погибших, который делает людей в годы военных испытаний вдвое сильнее. [1; 6].

5. Возможный риск, высокая вероятность действий в экстремальных ситуациях, на грани физических и психических возможностей предъявляют повышенные требования к развитию волевой сферы личности военнослужащего. Наличие сильной воли для военнослужащего не менее значимо, чем профессиональные знания и навыки. Готовность идти для выполнения боевых задач до конца даже в пограничной ситуации, превозмогая страх, боль, психическое напряжение, усталость, моральные страдания — особенность сформированной и зрелой профессиональной идентичности военнослужащего.

Все сказанное справедливо и в отношении военно-профессиональной идентичности военнослужащего Вооруженных Сил Республики Ангола.

Например, широко известна та роль, которую в истории Анголы и всего Юго-Запада Африки сыграли бои под Куито-Куанавале. Южноафриканцы не только не смогли прорвать оборону защитников этого города, но оказались перед опасностью окружения, когда совместные анголо-кубинские силы вышли на границу с Намибией. Покончено было и с многолетним превосходством ВВС ЮАР. Все создало благоприятные условия для завершения переговоров о так называемом анголо-намибийском урегулировании в декабре 1988 г. Память о героической борьбе за независимость народа Анголы, гордость, которую вызывает одержанная победа, — неотъемлемая часть военно-профессиональной идентичности военнослужащего Вооруженных Сил Республики Ангола.

Республика Ангола — относительно многих крупных мировых держав — страна небольшая. Но мы хорошо помним свою историю и то, что 50 тысяч кубинских бойцов добровольно участвовали в оказании интернациональной помощи Народной Республике Ангола, которая в 1975 году, вскоре после провозглашения независимости, стала жертвой иностранной военной агрессии. Бескорыстная помощь кубинских воинов-интернационалистов, которые, не колеблясь, вступили в бой и заставили сесть за стол переговоров самую мощную на тот период военную державу Африки, имела решающее значение для ликвидации позорного режима апартеида в Южной Африке и крушения последнего бастиона колониализма на африканском континенте. Эти события никто и никогда не сможет стереть из памяти людей.

Военно-профессиональная идентичность каждого военнослужащего Вооруженных Сил Анголы и сегодня опирается на *осознание силы солидарности народов* в общей борьбе за правое дело, а также на долг перед теми, кто пролил кровь за свободу.

После обретения независимости, мира и национального согласия, доставшихся ценой многочисленных жизней сынов и дочерей нашей Родины,

наступил момент, когда все ангольцы, независимо от их экономического и общественного положения, образовательного уровня, религиозных убеждений, этнической и партийной принадлежности, должны внести свой вклад в дело увековечивания памяти павших героев, в дело прославления Анголы: ее символов, красоты и традиций. Правда о героической истории Анголы — это не только обстоятельство определения национальной идентичности, но и оборонный фактор современной государственности Анголы, её национальной безопасности. Память о драматических временах гражданской войны также должна сплотить нацию, которой сегодня не нужны внутренние политические и межэтнические распри. Единству нации может способствовать культивирование вневременных ценностей народной культуры и религии [3].

Всеобщий патриотизм должен стать постоянной составляющей общества на сегодняшнем этапе развития Анголы, когда необходимость утверждения нашего самосознания, необходимость самоутверждения и обретения чувства собственного достоинства становятся все более актуальными для того, чтобы в атмосфере единства и солидарности пройти долгий путь, ведущий к национальному возрождению нашей любимой Родины.

Патриотизм наших героев должен стать примером, вдохновляющим новые поколения ангольцев, побуждающим их к активному участию в национальном проекте вывода страны на уровень развития, обеспечение роста благосостояния народа, создания условий для формирования демократического правового государства, что, в конечном итоге, позволит Анголе занять достойное место в мировом содружестве наций.

Существуют ли сегодня внешние угрозы национальной безопасности Анголы? — К сожалению, да.

Основными внешними угрозами национальной безопасности для Республики Ангола являются:

- наметившиеся тенденции к размещению около границ Анголы военных сил иностранных государств;
- создание условий формирования и возникновения военных вооруженных конфликтов вблизи государственных границ Анголы;
- территориальная экспансия по отношению к Анголе со стороны отдельных государств;
- активизация на территории Анголы деятельности иностранных организаций, занимающихся разведкой и сбором стратегической информации;
- повсеместное распространение в мире оружия массового уничтожения;
- международный терроризм.

Говоря об угрозах национальной безопасности, нужно иметь в виду и то, что в современном мире наметилась тенденция к ведению «гибридных войн» — переходу от войн с истреблением противника к воздействиям, ориентированным на его «самодезорганизацию» и «самодезориентацию» [8; 9; 10]. Мишенью в такой войне становятся ценности, традиции, потребности

людей, целью — деструкция культуры и морали, мировоззренческих и идеологических установок, а также идентичности граждан. Подобные «несиловые» воздействия на противника оказываются сравнимы по своим разрушительным последствиям с «силовыми», так как приводят к деформации идентичности и деструкции духовных основ общества и государства.

Холодные и горячие, традиционные и гибридные войны, деятельность террористов или войсковые операции, — все они имеют общее духовное измерение: это войны против *идентичности другого*. Несформированная, подорванная или трансформированная идентичность становится мощным ресурсом деструктивных внешних и внутренних сил, а также международного терроризма, элементом стратегии «гибридной войны».

Отсюда следует, что формирование, укрепление и поддержание национальной идентичности, а также формирование, укрепление и поддержание идентичности военнослужащих национальной армии — неразрывно связанные между собой важнейшие элементы системы национальной безопасности.

Литература

1. *Водолагин А.В.* Неимоверная сила. Поколение победителей в романе Константина Симонова «Живые и мертвые» // Наш современник. 2015. №5. С. 277–284.

2. *Данилов С.И.* Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего // Инициативы XXI века. 2017. № 1-2. С. 87–91.

26. *Данилов С.И.* Идентичность личности и народная культура // Педагогика искусства. 2017. №1. С. 32–37.

27. *Данилов С.И.* Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 130–134.

28. *Карлова Е.Н.* Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза: диссертация ... кандидата социологических наук: 23.00.02. Саратов, 2009.

29. *Мальшева Е.М.* Идентичность, духовный потенциал советского общества и формирование памяти о Великой Отечественной войне: диалог прошлого с настоящим // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №2. С.25–33.

30. *Мырнин А.В.* Психология служения: традиции и современность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. №2. С. 21–27.

31. *Овчинский В.С., Сундиев И.Ю.* Организационное оружие: Функциональный генезис и система технологий XXI века. Доклад Изборскому клубу. — <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/#1>.

32. *Рудаков А.В., Устинкин С.В.* Трансформированная идентичность как ресурс международного терроризма и элемент стратегии «гибридной войны» // *Власть*. 2016. №12. С. 103–108.

33. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верецагина А.В.* От национальной идентичности к военной и информационной безопасности: эволюция войны и многообразие ее форм в условиях духовной деволюции современного общества // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 4. С.158–163.

34. *Шальгина Д. Л., Куликов В.А.* Специфика пропагандистского плаката во время Великой Отечественной войны как средства конструирования советской идентичности // *Вестник Пермского университета. Сер.: История*. 2011. Выпуск2. С.54–57.

PROFESSIONAL IDENTITY OF THE MILITARY SERVICE AND THE ARCHETYPICAL IMAGE OF WAR

Elizandro Lukeba

Cadet of The Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
E-mail: lukelando1@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the specifics of military-professional identity. The military-historical aspects of military-professional identity are identified: its connection with the images of war and the enemy, national identity, the ideal of service and readiness for self-sacrifice. It is concluded that the strengthening of the national identity meets the interests of national security, including increases the psychological stability of servicemen and the population in the context of possible hybrid wars.

Key words: moral and psychological support of troops; military-professional identity; the image of war and the enemy; national identity, the ideal of service; the heroic history of the Republic of Angola; national security, psychological stability; hybrid war.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МЕТОДОМ СПЕЦИАЛЬНОГО ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Никифоров Андрей Владиславович,
преподаватель кафедры психологии
Военного университета МО РФ, руководитель группы полиграфологов
ООО «Школа современных психотехнологий»

Кольчугин Андрей Анатольевич,
курсант Военного университета МО РФ

Аннотация. В статье раскрывается технология применения специального психофизиологического исследования в целях определения профессиональных предпочтений военнослужащих. Содержательно описана алгоритм подбора стимульного материала, проведения, обработки и интерпретации методики.

Ключевые слова: идентичность; профессиональная идентичность; личностный смысл; специальное психофизиологическое исследование; полиграф; профессиональная ориентация; профессиональная консультация; профессиональное самоопределение.

«Кадры решают все!», — вряд ли среди работников и руководителей различного уровня найдутся те, кто выразит сомнение в правильности этого принципа. Подтверждением сказанного являются участвовавшие жалобы на «кадровый голод» — как со стороны государственных служащих, так и со стороны бизнеса. Корнем проблемы, на наш взгляд, является случайный выбор человеком своего профессионально поприща на соответствующем этапе жизни. Среди популярных мотивов выбора профессии выделяют: престиж, высокий заработок, популярность, доступность образования и только потом — интерес к содержанию самой профессии [2]. Ошибочный выбор профессии не позволит самореализоваться человеку как профессионалу, что, в свою очередь, приведет к кризису профессиональной, а позже и личностной идентичности. Согласно Э.Эриксону, идентичность (лат. *identicus* — тождественный, одинаковый) — это свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет свою принадлежность к различным социальным группам, или отождествление себя с тем или иным человеком как воплощением присущих этим группам или общностям свойств [7]. Соответственно, под профессиональной идентичностью можно понимать психическое явление, которое выражает для человека то, как он представляет свою принадлежность к профессии. В развитии профессионального самосознания Н.С. Пряжников усматривает центральный момент становления профессионала [5, с. 116]. Таким образом,

успешность человека в трудовой деятельности во многом зависит от того, как он представляет себе свою принадлежность к ней.

Все вышесказанное справедливо и для профессии военнослужащего. Подтверждением этого является то, что согласно данным ВЦИОМ, профессия «военнослужащий» занимает вторую строчку рейтинга привлекательных профессий [8]. Приведенные доводы определили объект нашего исследования — выявление профессиональных предпочтений военнослужащих.

Для того, чтобы облегчить профессиональную идентификацию военнослужащего, нужно помочь ему выбрать специальность, в которой он будет наиболее успешен и эффективен. В этих целях прибегают к таким видам психологической работы, как профессиональная ориентация и профессиональное консультирование, функция которых — помочь человеку в профессиональном самоопределении. Для дальнейшего анализа необходимо определиться с психологическим содержанием профессионального самоопределения. Для этого мы считаем целесообразным обратиться к взглядам классика отечественной психологии — трудам Е.А. Климова. Он особо подчеркивает, что говорить о профессии применительно к данному человеку можно лишь тогда, когда данная профессиональная деятельность «...признается за профессию личным самосознанием данного лица». [3, с. 161] Ту же идею Н.С. Пряжников выражает в следующей формулировке профессионального самоопределения—это поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения[5, с. 284]. Следовательно, оказание помощи в выборе специальности, состоит в правильном определении личностного смысла военнослужащего. Согласно определению, предложенного А.Н. Леонтьевым, можно выделить две существенные характеристики личностного смысла: 1) *пристрастность* — связь с мотивами человека; 2) *предметность*: «...личностный смысл — это всегда смысл чего-то: "чистый", непредметный смысл есть такая же бессмыслица, как и непредметное существо» [4, с. 74]. Пристрастность личностного смысла в профессиональном самоопределении может быть выражена в интересах (что хочу знать) и склонностях (что хочу делать) человека, а предметность — в предмете труда соответствующей специальности. Другими словами, критерием правильного выбора специальности является *эмоциональная привлекательность предмета труда*.

В настоящее время определение релевантной специальности для военнослужащего осуществляется использованием следующих методических средств:

1. Методика «Определение типа личности» Дж. Холланда;
2. Методика «Склонности к различным сферам профессиональной деятельности» Л.А. Йовайши;
3. Методика «Карта интересов» А.Е. Голомштока;
4. Дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова и ряд других менее популярных методик.

По нашему мнению, перечисленные методики имеют ряд недостатков, среди которых можно выделить:

1. Профессиональные сферы охватывают широкий круг специальностей и не учитывается специфика предмета труда воинских специальностей;

2. Стимульный материал в большей степени основан на знаниях и осведомленности о профессиях;

3. Сложности фиксации эмоциональных реакций на ту или иную специальность.

Таким образом, изучив существующие методики по определению профессиональных предпочтений военнослужащих, мы пришли к выводу, что существует необходимость разработать методику, отвечающую следующим требованиям:

1. Учитывать специфику предмета труда воинских специальностей;

2. Своим стимульным материалом преодолеть барьер «осведомленности о профессии»;

3. Диагностировать эмоциональные реакции военнослужащего;

В качестве определения специфики предмета труда мы опирались на существующую классификацию воинских специальностей:

1. Командные воинские специальности—выполнение задач по обучению и воспитанию военнослужащих (командир отделения, командир взвода);

2. Операторские воинские специальности —выполнение задач по приему, оценке и переработке информации в системе «человек-машина» (наводчик орудия танка, оператор вычислительного отделения);

3. Воинские специальности связи и наблюдения— выполнение задач по приему, передаче и распределения информации с помощью разнообразных технических средств (телефонист, радиотелеграфист);

4. Воинские специальности специального назначения— выполнения специальных задач в особо напряженных, часто экстремальных условиях, связанных с риском для жизни (разведчик, снайпер);

5. Водительские воинские специальности —водитель различных видов техники и автомобилей (механик-водитель БМП, механик-водитель танка);

6. Технологические воинские специальности— выполнение задач по обеспечению готовности и работоспособности вооружения и военной техники, ее обслуживания и ремонта (механик, ремонтник аппаратуры управления и приборных комплексов);

7. Прочие воинские специальности — выполнение задач не предъявляющих специфических требований к профессиональным и индивидуально-психологическим качествам военнослужащих (стрелок, пулеметчик) [6].

Для преодоления барьера «осведомленности о профессии» в качестве стимульного материала мы использовали юмористические карикатуры(по 10 карикатур на каждую группу специальностей).Юмористическая карикатура позволяет выявить доминирующую в подсознании человека установку на повышенную чувствительность (пристрастность личностного смысла) к одной

из семи групп специальностей (предметность личностного смысла).Наличие установки в одной или нескольких из перечисленных групп профессий проявляется в том, что человек в неоднозначных юмористических карикатурах улавливает именно тот признак, который соответствует его профессиональным предпочтениям.

Пример юмористических карикатур для командных воинских специальностей приведен на рисунке 1.

Рис.1 Юмористические карикатуры для командных воинских специальностей

Пример юмористических карикатур для операторских воинских специальностей приведен на рисунке 2.

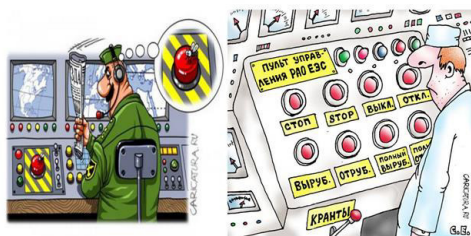

Рис.2 Юмористические карикатуры для операторских воинских специальностей

Пример юмористических карикатур для воинских специальностей связи и наблюдения приведен на рисунке 3.

Рис.3 Юмористические карикатуры для воинских специальностей связи и наблюдения

Пример юмористических карикатур для воинских специальностей специального назначения приведен на рисунке 4.

Рис.4 Юмористические карикатуры для воинских специальностей специального назначения

Пример юмористических карикатур для водительских воинских специальностей приведен на рисунке 5.

Рис.5 Юмористические карикатуры для водительских воинских специальностей

Пример юмористических карикатур для технологических воинских специальностей приведен на рисунке 6.

Рис.6 Юмористические карикатуры для технологических воинских специальностей

Пример юмористических карикатур для прочих воинских специальностей приведен на рисунке 7.

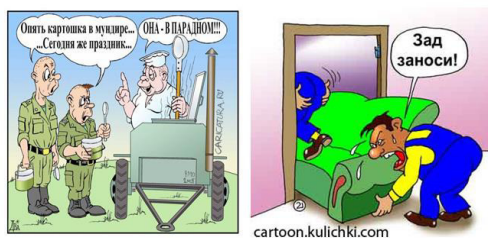

Рис.7 Юмористические карикатуры для прочих воинских специальностей

Для диагностики эмоциональных реакций военнослужащих можно использовать методы регистрации телесной выраженности эмоций. Мы использовали аппаратное средство — полиграф. Исходя из требований к технологии проведения психофизиологического исследования[1] с использованием полиграфа, помимо релевантных стимулов необходимо предъявлять нейтральные стимулы, которые, предположительно, не вызовут значимых переживаний, — в нашем случае это пейзажи, и стимулы, которые, предположительно, вызовут значимые переживания (контрольные), — в нашем случае это противоречивые карикатуры (на которых изображены несколько воинских специальностей: см. рис. 8).

Рис. 8 Пример нейтральных и контрольных стимулов

Процедура исследования выглядит следующим образом. Испытуемому последовательно предъявляются карикатуры, которые относятся к определенным группам профессий и дается задание, просматривая последовательно юмористические карикатуры, высказывать ассоциации к данным картинкам, а также эмоции и мысли, которые эти карикатуры вызывают. Параллельно с этим регистрируются телесные проявления эмоций на каждую карикатуру посредством компьютерного полиграфа.

По результатам значимости той или иной группы карикатур можно судить о предпочтительности соответствующей воинской специальности. На данный момент проведено пилотажное исследование на трех курсантах. В качестве примера приводим результаты одного из курсантов (см. рис. 9).

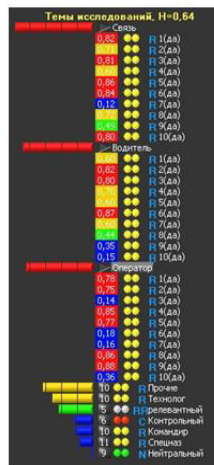

Рис.9 Результаты методик

В данном случае мы видим значимость переживаний по 3 воинским специальностям: связи, водительским и операторским. Исходя из результатов, можно предложить, что личностный смысл, а равно и профессиональное самоопределение данного курсанта лежит в пространстве указанных воинских специальностей. В качестве направлений военно-профессиональной деятельности данному курсанту могут быть предложены воинские должности, которые находятся на каждом из трех направленьях, или на их пересечении, например: водитель машины связи, водитель КШМ и т.д.

Исходя из проведения пилотажного исследования, возникла необходимость решить ряд следующих задач:

1. Проработка стимульного материала (возможно, придется придумывать и рисовать их самим);
2. Создание необходимых внешних условий проведения методики (освещение помещения, положение испытуемого);
3. Проработать вопросы с подготовкой психологического состояния испытуемого к исследованию;
4. В среднем время проведения составляло 45 минут, проработать вопросы о сокращении количества стимулов, для сокращения времени процедуры.

Литература

1. Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М., 2011
2. Жиляев А.Н., Олейник А.И. Актуальные проблемы подготовки и развития кадрового потенциала в IT— отрасли. /Качество. Инновации. Образование. 2015. №12 (127). С. 9-22.
3. Климов Е. А., Носкова О. Г. История психологии труда в России. М.: МГУ, 1992.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
5. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда. Воронеж.: НПО «МОДЭК», 2010.
6. Справочник должностей солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту, ГШ ВС РФ 178 Научно-практический центр ГШ, М.: 2008.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2006.
8. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116138>

**IDENTIFICATION OF PROFESSIONAL PREFERENCES
MILITARY SERVICE BY SPECIAL METHOD
PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH**

Nikiforov Andrey Vladislavovich,

lecturer of the Department of Psychology of the Military University,
head of the group of polygraph examiners
LLC «School of Modern Psychotechnologies»,
e-mail: Andrew.nikiforov_00@mail.ru

Kolchugin Andrey Anatolievich,

cadet of the Military University.
Kolchugin92@inbox.ru

Abstract. The article reveals the technology of applying a special psychophysiological study in order to determine the professional preferences of servicemen. The algorithm for selecting the stimulant material, carrying out, processing and interpretation of the technique is described in detail.

Keywords: identity, professional identity, personal meaning, special psychophysiological research, polygraph, professional orientation, professional consultation, professional self-determination.

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ К НЕФОРМАЛЬНЫМ МОЛОДЁЖНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ

Жиляев Александр Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Военного университета Министерства обороны РФ
e-mail: zhil_alex@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы идентификации военнослужащих, принадлежавших до призыва в армию к неформальным молодёжным объединениям, приводятся рекомендации по работе с данной категорией военнослужащих.

Ключевые слова: идентификация военнослужащих, неформальные молодёжные объединения.

Идентификация — это полное или частичное отождествление себя с другими людьми, в нашем случае с военнослужащими, сослуживцами. Идентификация является психологической предпосылкой успешного взаимодействия и взаимопонимания военнослужащих [4, с. 57]. Современные молодые люди призывного возраста, в большинстве своём, являются выходцами из каких-либо неформальных объединений. Социально-психологические условия функционирования подобных социумов существенно отличаются от повседневной армейской жизни. Поэтому представители неформальных молодёжных объединений испытывают определённые трудности с собственной идентификацией в новой социальной среде воинского подразделения. Эти трудности связаны, на наш взгляд, с особенностями воспитания допризывной молодежи, принадлежностью к определённым социальным группам и молодёжным группировкам, неформальным молодёжным объединениям. Всё это способствует формированию у молодых людей своеобразия поведения в быту, которое не укладывается в требования воинского распорядка жизнедеятельности и служит основанием для командиров выделения их в «группу риска», а для них самих является серьёзной проблемой идентификации себя с сослуживцами. Определённая логика в этом есть, но, на наш взгляд, офицерам следует дифференцировать военнослужащих-носителей традиций молодёжных субкультур и, в соответствии с этим, строить с ними взаимоотношения и воспитательную работу [3]. Для этого необходимо знать историю возникновения, особенности быта и поведения представителей различных неформальных молодёжных объединений. Дадим краткую характеристику некоторым из них.

«Скинхеды» (от англ. skin — кожа, шкура, кожура, оболочка и head — голова) — бритоголовые, культивируют откровенный расизм.

По оценкам, численность скинхедов в Москве составляет от 2-3 тысяч (данные МВД) до 10-15 тысяч (по мнению журналистов и независимых исследователей). Группы по несколько тысяч человек есть в Петербурге, Волгограде, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге; меньшие группы (от нескольких десятков до нескольких сотен) действуют в Ярославле, Калининграде, Твери, Воронеже, Пскове, Иркутске, Самаре, Ижевске и других городах. Многие бритоголовые подражают западным скинхедам только в облике и манере поведения, не перенимая в полной мере идеологию. Еще меньше скинов, входящих в сколько-нибудь структурированные организации[2].

Портрет типичного московского скинхэда: короткая куртка — «бомбер» защитного или черного цвета, подвернутые джинсы или камуфляжные брюки, высокие тяжелые ботинки фирмы «Гриндерс», «Доктор Мартинс», а у тех, кто победнее — просто армейские «берцы». Популярны бейсболки фирмы «Лонсдейл», майки и нашивки с разнообразной скиновской символикой — кельтским крестом, мертвой головой, цифрами «88» и т.д. Пресловутые «бритые головы» уходят в прошлое — сегодня многие московские скины перешли просто на короткие стрижки. Носят и бороды — короткой подковкой. Большая часть бритоголового контингента столицы — безбородая молодежь лет по 14-18, по скиновской терминологии — «пионеры». Это, как правило, жители окраинных «спальных» районов или ближнего Подмосковья, учащиеся школ, колледжей и ПТУ. Выше в скиновской иерархии стоят «старшие», лет по 20-25, с многолетним стажем участия в движении; среди них немало студентов престижных столичных вузов. Типичный московский скинхэд живет с родителями, а движению отдает свободное от учебы или работы время, в основном выходные. Семейному воспитанию он следует и в вопросах религии: ребята, выросшие в православной среде, таковыми и остаются. Те же, чьи родители не были религиозными людьми, к вере безразличны или уклоняются в язычество. Музыкальные вкусы, наоборот, отличаются «партийностью»; скины слушают т.н. «скиновский рок», внешне отличающийся от тяжелого только текстовкой песен, из которой они преимущественно и черпают свою идеологию. Особенно популярны отечественные группы «Вандал», «Коловрат», украинская «Секира Перуна» и зарубежные команды. Попсу не уважают, а рэп активно не приемлют в силу его негритянского происхождения, и его поклонников поколачивают. «Правильный» скин презирает наркотики, но пьет пиво литрами и курит, дыма, как паровозная труба[10].

«Панк» — пункер, пункерша».

«В Оксфордском словаре можно прочесть, что «панк» — никудышный, никчемный. Это слово употреблялось в Великобритании в 1970-х годах для характеристики молодых людей, которые намеренно шокируют общество своей одеждой, речью, поп-музыкой и т. д. Но авторы этого определения «забыли» о причинах появления «панкизма», а ведь это был бунт отчаявшейся и потерявшей веру в себя и в будущее молодежи, живущей в мире отчаяния и

насилия. Ненависть к этому миру, где человек ничто, и явилась причиной появления панков. Обязательным атрибутом панка является булавка: в ушах, в носу, в одежде...»[8].

«Панк как таковой родился в Англии в 1977 году, в среде молодых безработных, сгруппировавшихся вокруг ансамбля «Секс Пистолз». Панки сразу же объявили тотальную войну не только аристократической Англии... но и предшествующей эпохе, с ее призывами к миру, а любви» [7].

Панки отличаются от «обычных» молодежных компаний внешним видом, сленгом, музыкальными увлечениями, имеют свои места сбора, образцы поведения, идейные общепринятые установки.

По возрасту панки — преимущественно старшие подростки. В качестве лидеров выступают парни. Часто среди них встречаются ребята с истероидными чертами характера. Желание панка любым путем привлечь к себе внимание окружающих людей, как правило, приводит его к эпатажу, вычурному и скандальному поведению, к использованию шокирующих «нормального» человека предметов в качестве украшений. Это могут быть лезвия бритвы, различных размеров цепочки, булавки, пронизывающие мягкие ткани лица, хрящи, мочки ушных раковин. Прическа — длинный «петушиный» гребень волос ото лба до затылка, с большим чубом. Волосы с боков сбриты до гребня. Возможны различные цветовые модификации. В одежде — шокирующее разностилье: холщовая роба на рубашке с жабо, пиджак из искусственной кожи на голое тело, тельняшки, фракообразные куртки с меховыми воротниками и т. д. Широко распространены значки, символизирующие крайнее неуважение к окружающим. Скажем, изображающие открытый рот с высунутым языком, кукиш и тому подобное.

Вариаций таких «прикидов» — бесчисленное множество. Их цель в данном случае — неприятно поразить «цивильных» людей, внушить им отвращение.

Сленг отчасти совпадает с «системным», но намного беднее и вычурнее. Разговорная речь удручающе бедна. Клички панков (Свинья, Крыса, Гной, Свищ) своеобразно дополняют внешний облик и стиль межличностного общения.

Встреча двух панков — намного более неприятное зрелище, чем их деятельность по одиночке: они могут резко поворачивать торс, изгибаться, высовывать язык с резким горловым звуком, направлять в сторону друг друга «козу» — кулак с двумя выпрямленными пальцами (указательными и мизинцем). Непристойные позы, принимаемые в ходе беседы, часто не соответствуют ее содержанию.

В поведении панков нередко проявляются истеричность и жестокость. Они агрессивны, в особенности по отношению к тем лицам, которые не обращают на них внимания. В арсенале некоторых панков — драки, издевательства, грабеж. Грабят они, скорее, для унижения достоинства жертв, нежели для удовлетворения материальных потребностей. Панки постоянно демонстрируют неуважение к своим подругам. Широко распространенное

обращение к партнерше — «жаба». Как ни странно, «жабы» воспринимают это как должное[5].

«Металл» и металлисты (направление Панк-музыка).

Металлисты — одна из самых многочисленных категорий неформалов. Во всяком случае, их намного больше, чем панков и «хипарей» (хиппи), вместе взятых. Если хиппи и панков можно условно назвать «группами образа жизни» (в них объединяются именно для жизни определенным образом), то металлистов специалисты относят обычно к числу неформальных «групп-сателлитов» (групп, создаваемых на почве интереса к тому или иному феномену общественной жизни, творческой личности, спортивной команде и т. д.). По существу, металлисты — неформальная общность «по интересам», более конкретно — общность, создаваемая любителями определенного направления в рок-музыке.

Металлистами становятся представители самых разных категорий населения — школьники, студенты, рабочие и др. Однако в основной массе это все же молодые и не очень образованные люди. Время пребывания в фан-клубе (фан-клуб — клуб, объединяющий поклонников какого-либо музыкального коллектива или исполнителя) обычно год-два, после этого увлечение вытесняется либо житейскими заботами, либо другими интересами. Надо иметь в виду, что сама музыка «хеви-металл» — это наиболее экспрессивная, с жестким металлическим рисунком, эмоционально напряженная, не усложненная часть рок-музыки. Поэтому неудивительно, что ее поклонники «рекрутируются», как правило, из тех, кто вырастает в эмоционально обедненной среде, включен в достаточно однообразные виды труда и общения, нередко испытывает дефицит социальной поддержки.

Металлисты делятся на несколько категорий. Среди них существует своего рода элита — по-настоящему увлеченные, серьезно интересующиеся музыкой молодые люди. Они обычно проводят свободное время в прослушивании музыкальных произведений, обсуждают различные аспекты предметов своего увлечения. Эта категория мало интересуется атрибутикой. Истинные знатоки «металла» обычно не агрессивны, вполне терпимо относятся к другим неформальным группам и охотно идут на контакты с официальными учреждениями.

Одежда и атрибутика металлистов однотипны, но весьма разнообразны. Объекты подражания — солисты различных групп. Индивидуальная «форма» («прикид») металлиста обычно является комбинацией следующих элементов: кожаный ошейник, проклепанный заклепками или усеянный металлическими шипами, аналогичные накладки на плечах и напульсники, клепаная куртка, брюки. Доминирующий цвет одежды — черный, из-за чего металлисты вызывают у старших поколений ассоциации с фашистами.

Любителей разновидности «металла», именуемой «спид металл» (быстрый металл), можно узнать издали по крайне воинственному «прикиду»: с головы до пят — в черном, увешаны металлическими предметами, щетинится остро заточенными шипами. Не редкость —

выполненное на футболках или майках фосфоресцирующей краской слово «сатана» на английском языке. В комплекте с надписью — перевернутый крест на груди. Последние символы связаны с тем, что многие любители «спид металла» увлекаются культом «церкви сатаны», называют себя «сатанистами».[5].

Волнисты, или Новая волна— группировки молодежи, объединенные интересом к новым течениям в музыке (их музыка более мелодична по сравнению с металлистами). «Попса», «Кантри», «Рэперы» (речитатив в пении) Члены группировок, как правило, танцуют «степ» — американизированную чечетку. Ярко выраженная организованность и определенная атрибутика в группе отсутствует. Основной контингент: студенты, старшеклассники, их возраст варьируется от 13 до 20 лет. Совершение членами группировки правонарушений незначительно и выражается в столкновении с поклонниками металлического рока. Последние осуществляют целенаправленное преследование «волнистов» [3].

Брейкеры (брейкисты) — группа юношей и девушек, объединенная любительским интересом к популярному западному танцу «брейк-дансу» (в переводе на русский язык —«изломанный танец»), который исполняется при хорошей физической подготовке с достаточно большим количеством элементов акробатики. Идеология отсутствует, т.к. это чисто танцевальные движения. Внешняя атрибутика: очки с узкими темными стеклами, спортивная одежда и обувь, яркая полоска материи через лоб, стягивающая волосы, стрижка «брейк». Организационная структура не развита. Иногда объединяются в студии, группы, клубы.

Контингент «брейкеров»— учащиеся школ, лицеев, гимназий, студенты вузов. Их возраст — от 14 до 22 лет. Эти неформальные объединения наименее криминогенны, данные о совершении правонарушений членами этих групп отсутствуют. Одним из обязательных условий нахождения в группе является отказ от спиртных напитков и наркотиков [3].

«Скейтбордисты» («скейтисты») — объединения молодёжи — любителей катания на скейтбордах (скейт — управляемая доска на колесах).

«Маунтинбайкеры» — объединения молодёжи — любителей катания на велосипедах, в том числе горных.

«Роллеры» — объединения молодёжи — любителей катания на роликовых коньках. Возраст 10-18 лет. Социальная принадлежность различная. Причина возникновения — мода. Идеальная основа отсутствует, по сути, это спортивное хобби. Атрибутика: скейт, велосипед, роликовые коньки, шлем, налокотники, наколенники. Организационной структуры не имеют, собираются для совместного катания. Занятия скейтбордом, роликовыми коньками и велосипедом улучшают координацию движений, способствуют тренировке вестибулярного аппарата, гармонически развивают все группы мышц. При наличии подходящих условий можно организовать соревнования по скейтборду, катанию на роликовых коньках и велокроссу. И те, и другие, как правило, не проявляют агрессивных намерений. Однако далеко не всегда

имеют положительную социальную направленность, а порой и прямо антисоциальны. Когда собираются в большие группы, не редко употребление легких спиртных и тонизирующих напитков, что не способствует адекватному восприятию действительности. Устраивают собственные чемпионаты, показательные выступления и т.д.

«Люберы», или «качки» — неформальные группы юношей, ориентированные «на большой объем мышц», на силу. Авторитет участников строится исключительно на силе. Характерные черты — агрессивность и жестокость. Цель этих неформальных объединений — борьба с «Панками» и «Металлистами». В этой связи люберы на сегодняшний день являются наиболее криминогенными среди всех неформальных объединений. Правонарушения, совершаемые членами этих групп, образно говоря, не имеют границ, впрочем, как и их «борьба». Хулиганские действия организуются ими не только на территории Москвы и Московской области, но и близлежащих областей. Возраст членов подобных групп колеблется от 16 до 23 лет. Социальное положение — рабочие, учащиеся средних специальных учебных заведений. Поскольку члены этих групп имеют установку исключительно на силу, то среди них устойчивый авторитет имеют лица, ранее судимые.

«Фанаты» — группа молодежи, объединенные любовью к определенной спортивной команде, криминогенно активны. Устраивают погромы, побои фанатов команд-соперниц. Наиболее активны «спартачи», «мясо», «свиньи», «рабы» — болельщики московского «Спартака», цвета красно-белые, «кони» — поклонники ЦСКА, цвета красно-синие, «мусора», «менты», «динамики», — болельщики московского «Динамо», цвета бело-голубые, «пятое колесо», «паровозы», «кочегары», «девочки», «проводницы», «лохомоты» («лохи») — поклонники московского «Локомотива», цвета красно-зелёные, «зенитчики», «мешки», «бомжи», «гниды» — фанаты Санкт-Петербургского «Зенита», цвета сине-бело-голубые. Имеют специфический сленг, позволяющий выделить их из других групп молодёжи.

Сленг футбольных фанатов, с одной стороны, до сих пор окончательно не сформировался и находится в процессе создания. С другой стороны, он уже сформирован настолько, что непосвященный человек не сможет адекватно участвовать в разговоре 2 фанатов, потому что, во-первых, словарный запас достаточно велик, во-вторых, многие слова и словосочетания несут дополнительную смысловую нагрузку, а в-третьих, необходимо знать не только сленг, но и быть в курсе происходящих в фан-движении событий.

Основная цель появления фанатского сленга с одной стороны очевидна — выделить и обособить фан-движение от остального мира, установить критерий деления на «своих» и «чужих». С другой стороны, появление слишком развитого фанатского сленга стратегически невыгодно, так как это затруднит мобилизацию новых членов.

Подавляющее большинство фанатов молодые, те, кто «фанатеют» 1-2 года и не могут похвастаться обилием «выездов».

Поэтому они, конечно, хотят иметь определенное превосходство над совсем молодыми членами движения, что и демонстрируют, пользуясь сленгом. В настоящий момент специальными сленговыми словами обозначены, в основном, коллективные практики (действия «фанатов» на трибунах стадионов: «кричалки», «речёвки», движение, плакаты и т.д.) и то, что с ними связано. В большинстве случаев не происходит образования новых слов. В существующие в обычном языке слова просто вкладывается новый смысл, который, кроме того, иногда варьируется в зависимости от контекста. Коллективные практики футбольных фанатов настолько разнообразны, что описать их все достаточно затруднительно. Вполне уверенно можно говорить о том, что это ключевой компонент всей фанатской субкультуры. Сленг и атрибутика служат лишь вспомогательным средством для осуществления практик.

Выполнение определенного набора практик главное и необходимое условие для того, чтобы человек мог считать себя принадлежащим к фан-движению. Прежде всего, это «выезды». Если фанат перестает ездить вместе с командой в другие города, он перестает быть фанатом и, каким бы интенсивным не было бы его посещение домашних матчей, это не оправдание. Также фанат должен уметь совершать коллективные практики, популярные в фан-движении. Разумеется, не существует какой-либо «школы», тренировок и чего-либо подобного, где фанаты тренируют выполнение коллективных практик [2].

Коллективные практики отрабатываются непосредственно во время матчей. Обычно репертуар практик ограничен, поэтому фанаты, постоянно приходящие на стадион, его быстро разучивают. В то же время, когда появляется какая-то новая практика, то это легко заметить, потому что первое время ее выполнение получается не слишком удачно. Практики обычно состоят из определенного набора движений, осуществляемого под ритм, который задается фанатскими песнями или так называемыми «кричалками». Их главное отличие друг от друга — длительность. Песня состоит из нескольких куплетов, положенных на мотив какой-нибудь известной песни. В репертуаре фан-групп, как правило, всего 1-2 настоящие песни. А «кричалка» это просто один (реже 2-3) куплета, рифмованных ритмом или словами. Их можно разделить на хвалебные (в адрес своей команды, какому-либо ее игроку в отдельности или тренеру) и ругательные (в адрес судьи, команды-противника и т.д.). Вообще, с футбольным фанатизмом связан определенный стиль жизни, привлекательность которого оказывается для многих одним из главных стимулов к вступлению в фан-движение [2].

«Граффитчики» — немногочисленная группа молодёжи, основным занятием которой является разрисовка стен. Термин «граффити» (правильно произносить надо с ударением на первую «и») происходит от итальянского «graffito» и означает «проводить линии», «писать каракулями», «выцарапывать». Он обозначает всякую неразрешённую надпись, знак,

сделанные любым способом (мел, краска, фломастер и т.д.) на объектах общественной и частной собственности [2].

В граффити-тусовке почти нет девочек. Райтеры — так они себя называют — экипированы как следует: затертые джинсы, поношенные спортивные куртки. Никакой униформы, всех этих широченных штанов ЕСКО, бейсболок с иероглифами и толстовок размера XXL. Люди серьезные. Бомбинг (разрисовка объектов) командами GCS осуществляется глубокой ночью.

Точкой отсчёта начала современной настенной живописи являются 70-е годы XX века. Происходило это действие в родном и желанном всем райтеру (художникам граффити) Нью-Йорке. По многочисленным данным, первым, кто отметил на стенах города был райтер по кличке «ТАКИ 183». Он просто нацарапал на стене свою кличку...

Содержанием граффити может стать признание в любви, забавные подписи и комментарии к различным событиям, реклама, политические, социально направленные высказывания. Политические граффити часто оформлены в виде острых памфлетов, лозунгов или стилизованных под газетные полосы сюжетов. Здесь писателями выступают члены политических партий и групп, радикальных студенческих движений или же просто неудовлетворенные жизнью граждане.

Кто может стать писателем граффити? Практически любой желающий, но следует понимать, что граффити, как и любое другое искусство, требует многих часов практики и упорного труда. Иначе можно заработать обидное прозвище «тоу» («игрушка»). Так называют неопытного писателя, который не испытывает интереса к изучению этики граффити и не очень-то стремится овладеть необходимыми для росписи стен навыками.

Таким образом, можно утверждать, что граффити является культурным феноменом, в той или иной форме встречаемым в любом обществе. Граффити можно рассматривать как конкретный манифест персональной и общественной идеологий, очень эффективный в плане визуального воздействия на людей [2].

В настоящее время предпринимаются попытки организовать для них творческие конкурсы, привлечь для тематического оформления стен домов, заборов, пустырей и т.д.

Таковы некоторые особенности возникновения, существования и влияния неформальных молодёжных объединений на своих членов. Зная их, можно оказать помощь призывной молодёжи в собственной идентификации с сослуживцами. Что можно рекомендовать должностным лицам в этом направлении?

Представителей различных музыкальных направлений и группировок, «брейкеров» можно привлечь к участию в концертах художественной самодеятельности. Тех, кто сам не поёт и не играет на музыкальных инструментах, следует вовлекать в организацию деятельности художественных коллективов подразделения, клуба, в обеспечение их функционирования.

«Граффитчиков» проще всего увлечь оформлением наглядной агитации на территории части и подразделения, выпуском стенной печати.

«Скейтбордисты», «маунтинбайкеры», «роллеры», «люберы» (качки) — люди, своего рода, увлечённые спортом, личным физическим совершенствованием. Это может служить основой для вовлечения их в спортивные команды подразделений, в организацию спортивных состязаний и т.п. Сюда же можно включить и фанатов спортивных клубов.

Сложнее дело обстоит с обеспечением идентификации представителей скинхедов, пропагандирующих откровенный расизм, панков и хиппи, так как в них объединяются именно для жизни определенным образом. Здесь от офицеров требуется высокий педагогический такт, осторожность и выверенный набор психолого-педагогических методов воздействия на подчинённых. За основу, на наш взгляд, целесообразно взять патриотическую направленность целей службы в армии, исторические корни успехов русского воинства. На этой основе последовательно осуществлять вхождение представителей этих субкультур в армейские коллективы, их идентификацию с воинами прославленной русской армии.

Здесь уместно рассмотреть некоторые специфические социально-психологические явления, существующие в молодёжной среде (в том числе и воинских подразделениях) и оказывающие определённое воздействие на своих членов через их взаимоотношения. Данные явления непосредственно связаны с процессами идентификации военнослужащих [1].

В структуре межличностных отношений членов воинских подразделений возникают взаимные требования, внушения, симпатия, антипатия, соревнование, соперничество, подражание, самоутверждение. Все эти явления играют большую роль в формировании личности, в сплочении группы. Влияние подражания на личность зависит от того, в каких социальных условиях оно осуществляется, какие образцы для подражания формирует общество в соответствии со своими экономическими и социально-политическими потребностями.

Психическое заражение — это передача через непроизвольное восприятие состояний и способов поведения других людей. Оно может сыграть положительную и отрицательную роль в зависимости от содержания передаваемых эмоциональных состояний.

Подражание — это осознанное или неосознанное следование примеру, образцу действий, манере общения и т.д. Под влиянием подражания формируются как простейшие навыки, так и духовные ценности, что зависит от склонности к подражанию, содержания и качеств объекта подражания. В качестве объекта подражания в воинском коллективе могут выступать опытные воины, командиры, Герои наших дней и прошедших войн и т.д. Содержание и характер подражания зависит не только от общих условий жизни общества, но и от микроусловий. Жизнь дает достаточно примеров тому, когда образец для подражания находится внутри той или иной группы, коллектива. При этом порой случается, что «местный» идеал имеет мало

общего с идеалом, создаваемым нашим обществом. В этом случае для воспитателя важно вовремя увидеть, кому в коллективе подражают, постараться определить, достойны ли эти люди, чтобы им подражали, разобраться в причинах, характере и степени их влияния и, в зависимости от результатов этого изучения, принять соответствующие меры.

Конформизм — внешнее принятие военнотружущим мнения и оценки коллектива при внутреннем расхождении с его позицией. Конформизм может иметь как отрицательное, так и некоторое положительное значение, например, для сохранения традиций коллектива.

Самоутверждение — процесс реализации стремления военнотружущего занять такое положение в коллективе, которое бы обеспечивало уважение, признание, доверие, поддержку. Самоутверждение осуществляется через деятельность, общение, взаимоотношения в коллективе, способы решения задач. Оно побуждает к активной самооценке, сравнению себя с другими, постановке конкретных задач по самосовершенствованию и стремлению выполнить их. Командирам важно знать, на какой основе, как осуществляется самоутверждение подчинённых. Общая закономерность здесь состоит в том, что личность утверждает себя в ближайшей среде (первичная группа, коллектив) путем нравственно-психологического состязания (соперничества). Основой самоутверждения выступает взаимодействие возможностей (нравственных устоев, способностей, притязаний) личности с особенностями среды, ее требованиями, предъявляемыми к личности.

Самоутверждение в воинских коллективах обычно происходит на общественно полезных началах. Оценка поведения каждого дается здесь, исходя из требований и норм морали, воинской этики. Мотивами самоутверждения, как правило, выступают достижения высоких результатов в боевой учебе, спорте, художественной самодеятельности, товарищеская взаимопомощь и т.д. Все это способствует формированию положительных нравственных навыков, привычек, черт личности — бескорыстия и коллективизма, принципиальности, чуткости, правдивости, трудолюбия [5].

Венец самоутверждения личности — достижение авторитетного положения. Требования к достоинствам личности, претендующей на роль лидера, обычно изменяются по мере развития коллектива. Например, в первые месяцы службы наиболее значимым в коллективном мнении воинов выступает знание специфики службы. Затем оно уступает место эрудиции, кругозору, способностям в учебе и службе, самодеятельности, спорте. В последующем на первый план выступает общественная активность воина, степень отдачи себя людям, коллективу.

Подводя итог, можно констатировать, что молодые люди, участники различных неформальных объединений, испытывают определённые трудности в идентификации себя с защитниками Отечества. Не надо закрывать глаза на эту проблему: она существует и требует внимания к себе. Командиры подразделений, офицеры по работе с личным составом должны понимать это и, на основе знаний социально-психологических особенностей возникновения,

существования и влияния неформальных молодёжных объединений на своих членов, оказывать помощь подчинённым продуктивной самоидентификации.

Из этого не следует, что условия армейской службы необходимо подстраивать под особенности поведения представителей тех или иных молодёжных неформальных объединений, но учитывать их социально-психологические особенности при проведении воспитательной работы надо. Это окажет положительное влияние на создание здорового психологического климата в частях и подразделениях, организацию эффективного взаимодействия подчинённых, формирование нормальных взаимоотношений в воинских коллективах.

Литература

1. *Данилов С.И.* Национальная идентичность как одна из важнейших основ духовного здоровья личности // Информационные войны. 2013. № 3 (27). С. 80-86.

2. *Жиляев А.А.* Неформальные молодёжные объединения как детерминирующий фактор девиантного поведения учащейся молодёжи // Инновации в образовании. 2007. №3. С. 87-96.

3. *Жиляев А.А.* Обусловленность девиантного поведения военнослужащих принадлежностью к неформальным молодёжным объединениям // Соискатель 3/2007. Материалы научной конференции: «Профилактика девиантного поведения военнослужащих: теория и практика». М., ВУ, 2007. С. 55-63.

4. *Жиляев А.А.* Психология военного управления частями и подразделениями внутренних войск МВД Росси. М.: ВУ, 2008. С. 57.

5. *Занесоцкий А.С., Фаин А.П.* Эта непонятная молодежь...: Проблемы неформальных молодежных объединений. М.: «Профиздат», 1990.

6. *Камышанов А.А.* Мотивация командира подразделения ВВ МВД России в служебно-боевой деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 1. С. 35-39.

7. *Климова Е.М.* Когнитивные стратегии принятия решения школьниками и их взаимосвязь с успешностью обучения. Дисс. канд. психол. наук, М., 2008.

8. *Мяло К.Г.* Панки // Иностранная литература. 1985. №6. С. 24-35.

9. Наш молодой современник. (Диалоги и размышления) / Игорь Васильевич Бестужев-Лада, Николай Михайлович Блинов, Владимир Андреевич Житенев, др. М.: Политиздат, 1988.

10. <http://www.russdom.ru/oldsayte/2002/200212i/20021226.html>

BELONGING TO THE INFORMAL YOUTH ASSOCIATIONS AS A DETERMINANT OF DEVIANT BEHAVIOR SERVICEMEN

Zhilyaev Alexander,

candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Psychology
Department at the Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
e-mail: zhil_alex@mail.ru

Abstract. the article deals with the problems of identification of servicemen who belonged to informal youth associations before conscription, and provides recommendations for working with this category of military personnel.

Keywords: identification of military personnel; informal youth associations.

**ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы
межрегиональной научно-практической конференции
психологов силовых структур «Психологические условия
формирования идентичности военнослужащих»
(Москва, 22 ноября 2017 года)**

Научное издание

**Под редакцией
С.И. Данилова, Л.П. Казаковой**

**Дизайн обложки
О. Жигарева, А. Мымрин**

Публикуется в авторской редакции

**ФГКВБОУ ВПО «Военный университет»
Министерства обороны Российской Федерации
123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14**

**ООО «Школа современных психотехнологий»,
г. Москва
E-mail: Psyschool@inbox.ru**

**Подписано в печать 21.03.2018.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 13.75.
Тираж 50 экз. Заказ № 74601.**

**Отпечатано в типографии «Onebook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
129090 г. Москва, Протопоповский переулок д.6.
Тел. (495) 545-37-10
E-mail: info@onebook.ru**

**Организаторы межрегиональной
научно-практической конференции
«Научно-методические аспекты
использования программно-аппаратных
средств и тренажеров
в психологической подготовке
военнослужащих»
(Москва, 25 октября 2017 года)**

**Военный университет
Министерства обороны РФ**

**Общество психологов
силовых структур РФ**

**Школа современных
психотехнологий**